
Виктор Обухов
ТАЙНА
БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ

Виктор ОБУХОВ

ТАЙНА БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ

Москва
«Бобок»

Главный редактор **Ив. Логинов**
Ответственный секретарь **С. Котькало**
Технический редактор **Н. Александрова**
Художник **В. Дунько**

книга

первая

НЕЖДАННЫЕ ДАРЫ
И
ГОРЬКИЕ ОШИБКИ

ТАЛИСМАН

(дар первый)

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

В покинутом доме остыл очаг,
И ветер выдул золу...
Колючи воды в ночных ключах,
Темны дороги во мглу.
Остыл мой очаг. И бед на пути
Рассыпано — что камней...

Одну лишь тропу никак не найти.
Белеет звезда над ней.
Утеряна память, нету огня,
Холодный ветер сердит
Одна лишь звезда все ищет меня, —
В пустое окно глядит

Кате и Шурику Кабаевым

История эта началась в городе М. (просьба не разгадывать его как «Москву»: небольшой областной городок, от столицы нашей весьма и весьма неблизко). — Началась там, а продолжилась Бог знает где, — да и вообще все, что произошло с человеком, рассказывавшим мне ее, выглядит настолько странно, что я не решаюсь высказывать какие-либо суждения о правдоподобии — неправдоподобии нижеизложенного. — То есть, говоря попросту, умываю руки и пересказываю то, что услышал. И как запомнил.

Надеюсь, понятно, почему я — в какой уж раз на недолгий срок — взялся за перо. В мою коллекцию жертв нечистых сил добавилось еще одно приобретение. Оно называется Володей и, наверное, является самым экзотическим из числа всех моих приобретений. — Впрочем, я, конечно, сочувствую всем, внесшим вклад в мою коллекцию... Но Володе — особенно. Происшествия, о которых поведали мне другие, были тоже невероятны, но в меру. В наше время, как все мы понимаем, многое можно допустить: и реального, и потустороннего, и даже такого, что раньше приходило человеку на ум только при белой горячке. Но даже при таких допусках, Володя (пусть он и приукрасил свой рассказ) претерпел от демонов чересчур уж с избытком. — Слушая его, я (человек ко многому привычный и подготовленный), все же частенько испытывал сомнения: а так ли уж нормален мой собеседник?..

Володя, конечно, догадывался о моих сомнениях. И потому в обыденной жизни (он прожил у меня неделю, — благо семья моя как раз была в отъезде) старался вести себя очень разумно и благонамеренно. И, надо сказать, у него это неплохо получалось. — Днем он, пожалуй, вообще мог бы показаться идеалом гостя: места много не занимал, не мешал работать, делил со мною мелкие хозяйственные заботы, хорошо заваривал чай и жарил из теста, покупаемого в кулинарии, прекрасные пышки. — Мы ели их с чаем и мирно болтали о всяких пустяках, в основном — о поэзии (не могу не отметить странного факта: все люди, вносившие вклад в мою коллекцию, обладали редкой в наше просвещенное время способностью — любить стихи. Жаль, что мне все некогда серьезно заняться вопросом о связи таинственных историй с любителями стихов. — То ли эта связь обязательна и законна, то ли я ошибаюсь, и невероятные вещи могут происходить с кем попало; не знаю, не знаю... — Но, если я и ошибаюсь, у меня есть прекрасное утешение: вместе со мною ошибается вся моя коллекция).

Итак, днями Володя казался идеальным гостем, жарил пышки и беседовал со мной о чем попало. А вот по ночам он, к сожалению, доставлял мне немалые неудобства: часто ворочался, — шумно, тяжело, то и дело вскрикивал или бормотал что-то невразумительное: монотонным, глухим голосом.

Собственно, историю нашу отсюда и следует начинать. — Володя мешал мне своими вскриками и вороčаньями, а засыпаю я и без того плохо; вы можете представить, как я намучился. На второе утро я осторожно поинтересовался, не снилось ли моему гостю что-нибудь очень неприятное: ибо кричал он так, что мне неоднократно хотелось подойти к нему и разбудить (я чуть было не проговорился «задушить»: можете представить мои ночные страдания, если я, человек довольно кроткий, лелеял в ночи такую мысль!). — Володя, выслушав меня, нахмурился, словно бы вспоминая что-то, а потом, безнадежно покачав головой (так, видимо, и не вспомнил, что хотел), объявил:

— Нет.. уже не помню.

— Чего?

— Не помню сна, говорю. — Знаете, в последнее

время забываю иногда самые простые вещи. Или, наоборот, что-то невероятное вспоминается.

— Это как? ..

— Трудно объяснить. Да, пожалуй, вообще не объяснишь. Но лучше б ничего не вспоминалось. и не снилось... — Это точно знаю. Лучше б вы меня разбудили...

Я не стал настаивать на разъяснениях. У Володи было такое серое, такое безнадежное лицо, когда он говорил, что я забыл даже о своих неприятностях и пожалел его. — Мало ли что, вправду, привиделось человеку... — За мою жалость он немедленно (я имею в виду — этой же ночью) отплатил мне черной неблагодарностью. Он ворочался и вскрикивал вдвое больше, чем за предыдущие две ночи. И вскрики его переходили в столь жуткие звуки, что я из какого-то мистического страха не решался подойти и разбудить его. Хотя и понимал, что так было бы лучше и для него, и для меня.

Заснуть этой ночью мне так и не удалось. Хотя — ближе к утру — очень хотелось. В результате наутро я был как бы несколько одеревенелым. В таком состоянии человек двигается, как заведенный, глядит на предметы, не очень понимая их предназначение, и упорно обдумывает самые ненужные проблемы. — Это все имеет мало отношения к нашей истории; но вспомнить все же забавно. — Как знать, может, когда-либо попадется эта страница на глаза родственной душе. . — Сообщаю для таковой, что часам к пяти утра почему-то прицепилось ко мне слово «крокодил», и минут десять я твердил его про себя, пока, наконец, не забыл, что это такое. — Я убил еще несколько часов, роясь в своей памяти и отыскивая там уголок, который сохранил бы сведения о предмете «крокодил» и дал бы мне возможность обрести покой... — Увы! Не было такого уголка, и от мыслей о крокодиле освободил меня проснувшийся Володя.

Он открыл глаза и некоторое время бессмысленно глядел куда-то в пустоту перед собой; потом, словно бы что-то вспомнив, нахмурился и цепким, внимательным взглядом зверя оглядел комнату. Увидел меня. Взгляд его окончательно прояснел. Володя рывком поднялся и сел на кровати.

— Вы уже встали. . — не то спросил, не то отметил он факт. — С добрым утром.

— Ага.

— А вид у вас такой, как будто вы еще и не ложились.

— Верно. Я работал, — сказал я со всей любезностью, на какую только был способен.

— Так вы действительно не ложились? Не спали?

— Нет.

— Счастливый вы человек, — сказал Володя с такой искренностью, что у меня от неожиданности сон как будто сдуло.

— Странные у вас понятия о счастье... — только и смог я заметить.

— У меня? Почему? .. — Ах, да... — спохватился он и виновато посмотрел на меня, — простите, пожалуйста. — Конечно же, странные. Но, поверьте мне, я позавидовал вам совершенно искренне. Мне очень часто снится такое, что я предпочел бы мучиться бессонницей. Не улыбайтесь, пожалуйста. Вы просто не понимаете, о чем я говорю.

— Да что ж вам снится?

— Это даже не снится, а скорее... вспоминается, что ли. Если можно так сказать. — Я ведь, кажется, уже пожаловался вам, что вспоминаю иногда нечто невообразимое?

— Вроде бы да.

— Ну вот. — Понимаете? — Такое, чего нормальный человек просто не поймет. Такое, чего не может быть... не должно быть.

— Ну, ладно. Что ж вам сегодня снилось?

— С вашего позволения (Володя поднял голову и посмотрел мне в глаза чистым, ясным взором), — сегодня мне снилась бородатая жаба. — Представляете?

— Представляю.

— Вряд ли. Это трудно представить, это надо видеть. — Можете мне поверить, это страшно.

(Я попытался представить себе бородатую жабу и молча согласился с Володей. — Действительно, неприятная должна быть штука. Похуже крокодила, будь он проклят! ..)

— Верю. И часто вам снится такое?

— Ох, — вздохнул Володя, — и что мне только не снится! .

— Печальные же ночи вы проводите..,

— Ну да, я и говорю. — Лучше уж бессонница.

— Может быть. А с чего это они вам снятся?

— Да ну их, в самом деле, — нахмурился Володя и махнул рукой. — Оставим эту тему.

— Как хотите. Хотя — любопытные зверушки...

— Да уж, куда любопытней. Говорят, это единственные твари, которым не страшны василиски.

(«Эге-гей...» — медленно подумал я).

— А кто это.. говорит?

— Предания говорят. Точнее — те обрывки, которые остались от древних преданий. А может, это просто сказки... Вы ничего подобного не слышали?

— Никогда.

— Ну, я тоже мало знаю, — ободряющим голосом (словно бы утешая меня) сказал Володя.

— Чего?

— Преданий. Ну вот, к примеру, те же самые жабы.— Сказано, что вывел их в давние времена Иг-Наур-Изгнанник, предпоследний Царь Наур-ога. Коротая время в тюрьме. — Правда, я забыл, что из этого вышло..

...Странно, но, слушая бормотание моего гостя, я ощутил, что слова его будят во мне нечто знакомое... — Не слова, нет: но словно бы какое-то дуновение донеслось до меня, легкий запах чего-то тревожного, незнаемого. но тем не менее как-то знакомого.

Словно бы в комнате присутствовала какая-то иная сила. Я закрыл глаза, пытаясь четче уловить ее. Нет. — Но знаю...

— Откуда вы это взяли?

— А вот это мне и самому любопытно. — Голос Володи был теперь бодрым и уверенным, он, видимо, окончательно проснулся. Следы ночной усталости постепенно сходили с его лица. — Может быть, сам придумал. Так сказать, «прибредил». Затрудняюсь объяснить. А может, и не «прибредил». — В конце концов, — не знаю, — согласитесь вы или нет, — жизнь настолько странная, что может быть все, что угодно. Я, по крайней мере, ничему уже не удивляюсь. Я, дорогой Костя, не удивлюсь, если одна из этих жаб появится, например, здесь...

— Лучше бы не надо.

— Конечно, лучше не надо. Да она и не появится, не бойтесь (Володя весело улыбнулся). — Я только ска-

зал, что не удивился бы этому. Со мной всякое бывало, и удивляться больше нечему.

— И жабы бывали?

— Да что вы все о жабах. Со мной случались совершенно непостижимые вещи. Мне доводилось читать книги на неизвестных языках. Мне случалось беседовать по отключенному телефону... Совсем недавно мне — в Москве — выдали на табачный талон одиннадцать пачек сигарет! — Представляете?.. — Впрочем, это единственное чудо, так сказать, «в мою пользу». — В основном бывает, как можно догадаться, наоборот. — И невероятно, и бесполезно. — Дождь наутро пролился кровавый. Плавал в воздухе столп огневой. Перед дверью орел величавый пал, растерзанный черной совой... Вот, в таком роде — сколько угодно. — Кстати, о сове. И это было. — Однажды взялся часы с кукушкой ремонтировать; только приступил к ним, — из кукушечьей дверцы сова выпорхнула. Живая!.. — Как она там помещалась?. — Эх-х, — Володя отчаянно махнул рукой, — да что говорить!.. Немало странного я бы вам рассказал, если б не боялся, что вы меня за сумасшедшего примете.

— Не бойтесь...

— Что, — уже?..

— Кгм. Я не об этом. Я хочу сказать, что мне случалось уже слушать загадочные истории. Так что меня трудно удивить.

— Да?.. — Ну что ж. Тем лучше. Я тоже хотел бы рассказать вам некую историю. — Боюсь, таких вы еще не слышали.

Случилось это все, когда я жил в М-е. Неплохой городок, маленький, более или менее уютный. Мне там нравилось. Не останься у меня о нем такая странная память, я, возможно, и пребывал бы там. Но ладно. — Жил я на квартире, у одной старушки, весьма недорого. Старушка — милейший осколок старого мира; тогда еще рубль не был властителем ихних дум. Потому — шкуру она с меня не драла; да и что с меня драть? — Платил, чем мог, по хозяйству управлялся, где надо, а по вечерам сообщал бабушке, что в стране произошло. — Очень любознательная старушка была, и все удивлялась, до чего непонятно где-то люди живут.

Так мы жили, наверное, месяца три, и ничего с нами не случалось. Вот только что денег вечно не было. Ну, да я привык. С самого детства к этому готовил-

ся. — Однако, иногда все ж тяжело было. — Знаете,— перебил себя Володя, — у меня была знакомая, так она говорила очень умную вещь про деньги: «Денег либо нет, либо совсем нет». — Понимаете? .. — Когда просто нет, это обычная вещь. Но бывает, что и совсем нет. — И тогда следует украсть где-нибудь пистолет и поступить в рэкетиры. — Самая доходная профессия. Если ты, конечно, не государственный деятель...

— Послушайте, — остановил я Володю, — вы хотели что-то рассказать, а взамен философствуете о чужих деньгах...

— Нет, это все к теме. Терпение. — Работал я, значит, в те времена фотографом. Неплохая работка. Но только однажды предложили мне похороны снимать. — Представляете?.. — Я ведь покойников до смерти не люблю. Ментальность такая. — Помните, как Бунин покойников боялся?..

— Не то чтобы помню, но читать приходилось...

— Вот. И я боюсь. С того и началась эта дурацкая история. — Денег у меня тогда, как нарочно, «совсем не было», и пришлось-таки согласиться...

Ну что ж, пошел. Сделал там все, что требовалось. Хотя состояние мое, как можно понять, было весьма плачевное. Да и погода отвратительная: грязь, лужи. За день до того дождь прошел, с невероятным градом. — Два раза в жизни такой видел. Итак, все было мерзко. — Почти ничего не соображал, только работал да честил себя самыми разнообразными ругательствами. Но, слава богу, все кончилось, зарыли, даже денег дали — сверх положенного, — и вернулся я домой.

Все мне в этот вечер было немило. Делать ничего не хотелось, думать ни о чем не хотелось, потому что все думы обязательно возвращались к этим похоронам. Бедная старушка, несколько раз попытавшись заговорить со мной (я отвечал исключительно невпопад), в конце концов решила, что я заболел, и отступилась от меня. Она старалась не шуметь, не мелькать перед глазами; ушла в свою комнату и тихонько пробыла там весь вечер. Карты раскидывала. — Я, выходя по нужде, заметил.

И спал я отвратительно. — Кстати сказать, кошмары мои с той ночи и начались. — Не то, чтоб мне никогда до того не снились кошмары; нет. — Но такое, чтобы почти каждую ночь, — это тогда началось. — А снилось мне, что я работаю на кладбище сторожем; скорее, не

сторожем, а наблюдателем. — Вроде бы я должен следить, чтоб никто из подопечных не выбрался наружу. Но вот какой-то кооператив, при Академии наук (представляете? ..) — тайно со мной договорился, что если замечу, как кто-то выбрался, — должен его сфотографировать. — Вроде бы у них один кооператив тарелками заведует, а другой решили под покойников отдать. — Мне, помню, даже во сне показалось это глупым... Но зачем было спорить с учеными людьми?.. — Тем более, они мне обещали премию за каждого сфотографированного. — Странная штука, — сон!.. — перебил себя Володя. — Чем-то похоже на сумасшествие: ради нелепой идеи весь мир искажается так, чтобы ей соответствовать. . — Что вы думаете?. — Оказалось, что мой аппарат мог сам снимать всю охраняемую местность... — Автоматически. — Я-то и во сне боялся покойников. Потому, помню, обрадовался: думал, я буду прятаться, а аппарат тем временем — снимать.. Но тут началась вторая серия кошмара: я боялся до того, что не мог прятаться. Мне все казалось, что о н и вот-вот проникнут в мое убежище. И я, как последний идиот, весь дрожащий, глядел, не отрываясь, в окошко... Никто так и не вылез, и я с облегчением встретил рассвет, радуясь, что все кончилось благополучно... Но вот — наглое существо человек: мне стало жалко, что премию не получу. — Вы представляете?..

— Да, — согласился я. — Ненасытный вы человек.

— Ну да. — И рыбку съесть, и все остальное. И вот вам — третий виток кошмара: оказалось, что пленка на аппарате вся истрачена!.. И на каждом кадре — выходец запечатлен!.. — Понимаете?.. — А я ночь глаза пялил, чтоб врасплох не взяли...

— Да. Неожиданный у вас сон. Изгибистый... И с моралью даже...

— Вот, — торжествующе сказал Володя. — Теперь вы имеете представление о том, что и как мне ночами снится. — Впрочем, очень несовершенное представление. — Все-таки это было тогда впервые, первый блин. — Мои мучения не были еще как следует разработаны.

— Но все равно, — впечатляет, — не мог не признать я.

— Благодарю вас, я тронут. — Однако это и в самом деле еще цветочки. — Значит, так. — Проснулся я таким усталым, как будто в самом деле провел ночь в

напряженном дозоре. — Дал себе торжественное обещание больше никогда не поддаваться на соблазн денежной работы, если она заведомо пойдет мне во вред. А потом отправился в сарай, печатать. — Вчера сил моих уже на это не было.

Сделал один кадр... другой. третий... — что за номера! — У покойника лицо не вышло. — Я тогда все сделал, один за другим. — Везде одно и то же. — Я даже подумал, что это у меня с глазами что-то творится. — Походил, покурил, — опять к снимкам. — То же самое. — Представляете?..

— Что, от страха брак получился?.. напрасно мучились?.. (Я представил тогдашнее лицо Володи, понявшего, что фотографии не вышли, — и мучился он, оказывается, бескорыстно. Мне стало весело...).

— Да почему ж напрасно?.. — обиделся Володя.— Неужто вы не поняли?.. — Все превосходно получилось: и люди, и место, и гроб самый, и все... Никакого брака... Вот только у покойника — на всех снимках лицо смазано...

— Постойте, постойте. Как это может быть?..

— Вот именно, что никак не может. Есть только одно рациональное объяснение. Оно же одновременно и невероятное. — Не догадываетесь?..

— Нет.

— Подумайте. Вспомните хотя бы из личного опыта. — Когда вы фотографируетесь, вас просят не двигаться. Не шевелиться. — Это для того, чтобы лицо ваше на снимке получилось четко и ясно.

— О, Господи.. Вы хотите сказать, что ваш. шевелился?.

— Я ничего не хочу сказать, — мрачным и торжественным голосом пророка возвестил Володя. — Это истина говорит. .

— Постойте... постойте. — Я не знал, что хотел сказать. Действительно, таких историй я еще не слышал. — Так, выходит, ваш покойник был живой?.

— Больше мне, увы, ничего не оставалось предположить. — Однако, на самом деле это оказалось не так, и даже не наоборот, а совсем по-иному. Но вы представьте себе мое состояние: единственный раз преступил собственные правила и связался с покойными, — и сразу же так наказан, что хоть криком кричи. — Естественно, этот день у меня прошел еще хуже предыдущего. Несколько мыслей терзали меня. — Во-первых, та, что

похоронили... возможно, живого человека... Во-вторых, что нужно сдавать фотографии — и, следовательно, все неизбежно выплывет наружу. — Что обещало дальнейшие сложности; по меньшей мере — лишний шум, чесание языков, то есть продление этой гнусной истории на неопределенное время. В-третьих — заказ так или иначе испорчен... ну, и так далее. — Это все настолько угнетало, что я так и не собрался в этот день отнести фотографии и развязать тем самым вышеупомянутые события... Словом, продлевал свою невинность.

По такому случаю снился мне опять кошмар. — Будто бы меня уже разоблачили, обвинили в захоронении живого человека и посадили в тюрьму... даже не в тюрьму, а в какое-то подземелье... И навсегда забыли... — Помните, у персов была «Башня Молчания»? — Вот, что-то в этом роде и у меня, только что не башня, а подземелье. — Оттуда будто бы не выводили живых и не выносили мертвых; те так и лежали под ногами. Было совсем темно, свет в подземелье никакой не проникал, и я бродил по подвалу вслепую, на каждом шагу спотыкаясь о тела... И рядом еще кто-то ходил... Много... И я не знал — мертвые они или живые... — Ужас!..

Естественно, на следующее утро мне еще больше не хотелось идти на работу и относить заказ. Тем более, теперь к простому «нехотению» добавилась чрезвычайно веская причина: если вчера я еще мог сознавать свою безвинность и утешаться этим сознанием, то сегодня я уже был виновен. — Виновен в том, что никому ничего не сообщил вчера. — Ведь человек, которого хоронили (если, конечно, был живой; у меня все ж еще оставалось крохотное, почти безнадежное неверие в это!..) — за сутки уж точно бы задохнулся. и исключительно по моей вине. — Ведь больше никто не мог догадаться, что он жив.

Мучимый мыслями, подобными вчерашним, да еще вдобавок — сознанием своей вины, — так я и просидел в бездействии и оцепенении полдня. — Обхватив голову руками и в отчаянии пытаясь сообразить, что же теперь будет. — Я бы и весь день, без сомнения, просидел так; но уже к обеду за мной пришли.

Это был высокий мужчина почтенного возраста. Серьезное лицо, седая борода. Глаза его были неопределимого цвета, и выражение их было не то что бес-

страстное, а скорее — непонятное для меня. Как будто в них сквозили какие-то мысли, какие-то чувства, которых я просто никогда не испытывал и потому — ничего не мог о них знать... Правда, когда он взглянул на меня, я ощутил, что во мне что-то сжалось; мне было не по себе... — Да, впрочем, мне стало не по себе сразу же, как только он вошел. А еще правильней сказать, — кто бы ни вошел, я почувствовал бы то же самое. — В связи с моей историей любой незнакомый человек показался бы мне загадочным и зловещим...

Вошел он мягко, почти неслышным шагом, — так что я заметил его только тогда, когда он уже стоял посередине комнаты, у стола, за которым я сидел. — Заметив его, я от неожиданности вскочил.

— Добрый день, — вежливо, но как-то словно бы не придавая этому никакого значения, поздоровался он.

Голос у него был густой. Уверенный. На мое поведение он как бы не обратил внимания.

— Вы позавчера фотографировали похороны.

— Я... да... я... а вы... — растерянно выдавал я обрывочные местоимения. За мной пришла судьба. Я знал, что она должна прийти, но не был готов к разговору. — А вы кто?.. — натужась, все же выдал я осмысленное словосочетание.

— Я — его брат, — строго произнес мужчина, и я понял, что речь шла о покойнике. — Мы позвонили утром в ваше ателье. Нам сказали, что заказ уже должен быть готов, но вы почему-то до сих пор не принесли его. — Я спросил тогда ваш адрес и пришел сюда. — Он перестал рассматривать мою комнату и глянул на меня. — Могу я узнать, они готовы?..

— Да, — внезапно решился я. — Все равно терять уже было нечего; какая разница, — раньше или позже? Мне даже стало как-то легче. — Да. Но, по-моему, фотографии не вышли.

Он перестал блуждать взглядом по комнате, нахмурился и недоуменно посмотрел на меня.

— А почему?..

— Не знаю. — Впрочем, смотрите сами.

Я достал из ящика и разложил на столе фотографии. — Сейчас они показались мне еще хуже, чем раньше.

...Он долго склонялся над ними, переводя взгляд с одной на другую, а то возвращаясь к уже рассмотренным. Я стоял справа от него, чуть сзади, скрестив руки

на груди — и, уже спокойно, ждал неизбежных вопросов.

— Ну что ж. — Он оторвал, наконец, взгляд от фотографий, выпрямился и поглядел на меня. — По-моему, все отлично. — А что вам не понравилось?..

Я сначала даже не поверил. — Как нормально?.. — Да что ж он, слепой, что ли?.

— А.. мне показалось, лица нечетко вышли... — осторожно попытался я его просветить.

— Да ну. Это вы из скромности. — Взгляд его опять блуждал по комнате, останавливаясь на всем (в том числе, и на мне) мимолетно, перепрыгивая с предмета на предмет: на окна, стены, мебель. — Все отлично...

Я не совсем понимал, что происходит, но груз с меня упал. — «Ну, слава богу.. Если еще и у остальных родственников столь же странно устроено зрение, то прекрасно...»

— Вы хотите их забрать...

— Да, конечно. Квитанцию я оставил в ателье.

— Вы были так уверены, что получите заказ?.. — удивился я.

— Конечно. А как еще могло быть?..

Можно было изумиться его наивности. Или уверенности в том, что все в мире пойдет так, как он наметил. — Но я не изумлялся. — В его голосе не было слышно наивной уверенности в себе. В его голосе было что-то другое, приводившее меня в смущение. Еще с самого появления этого человека в моей комнате, с первого слова. — Он говорил обо всем таким тоном, что можно было подумать, что ему нет ровно никакого дела до того, о чем он говорит. Или, по крайней мере, — что все предметы нашего разговора не стоят того, чтобы уделять им много внимания.

— Значит, вы их забираете. («А оказывается, как все просто закончилось...» — с облегчением подумал я).

— А знаете. (впервые в его голосе промелькнуло нечто вроде нерешительности). — Надо бы, чтоб и брат посмотрел. Вы не согласились бы пройтись со мной..

— Да ну. . — мгновенно запротестовал я. По-моему, история уже закончилась, и не было причины поддерживать какие-то связи со всем, что хоть отдаленно связано с ней. — Вы знаете, я очень устал за этот день, и мне не хотелось бы выходить из дому...

— Понимаю. Но здесь рукой подать. — Понимаете, — мужчина опять ненадолго посмотрел на меня, — мы... в общем, мы хотели бы иметь еще несколько фотографий... кое-какие предметы... раз уж все равно случай выпал...

— То есть?.. — плохо понял я его желание.

— То есть, мой брат давно имеет желание кое-что сфотографировать. — Некоторые дорогие ему вещи... И вот теперь, раз уж обстоятельства познакомили нас с классным фотографом, мы просили бы вас сделать несколько снимков. — Частным порядком. — За плату, разумеется...

...Не могу до сих пор сообразить, почему я согласился. То ли — удачно прекратившаяся история придала мне чересчур много смелости, то ли то, что меня признали классным фотографом, сыграло свою роль?.. — Не знаю; но я пошел. — В самом деле, почему бы не пойти?.. — Нежданно-негаданно подвернулась халтура; зачем теряться?. И в качестве своей работы я был вполне уверен; почему бы не пойти?.. — Лишние деньги мне ни в коем случае не могли помешать, — а я почему-то был уверен (от глупости, несомненно!), что заплатят мне хорошо...

И мы пошли. Выйдя на улицу, я увидел, что уже темнело. «Где же тогда бабка?. — вспомнил я. — Ведь, кажется, сегодня целый день ее не было.

Ну, да ладно. Авось, не потеряется. Ключ у нее есть. — Но однако: в таком возрасте целый день где-то лазить... На что это похоже?..»

— Вы не заметили, в каком странном ключе потекли мои думы?.. — неожиданно прерываясь, спросил меня Володя.

— Нет. А что?..

— Странно. — Сам тон. — Я никогда о своей старушке так не думал.

— Да вроде ничего особенного...

— Да. Но я относился к ней с большим умилением. И думал всегда гораздо более мягко. А вот же. . — Это было неожиданностью для меня самого, и я тогда же отметил это; правда, отметил вполне бесстрастно.

Когда мы отошли от дома уже довольно далеко, я зачем-то обернулся, и мне показалось, что в дверь нашего дома стучит какой-то человек; но, впрочем, я был

не уверен, не померещилось ли мне в темноте. — А темнело на удивление быстро, прямо на глазах.

— Сколько сейчас времени?.. — спросил я у своего спутника.

— Кто ж его знает. Никогда не задумывался над этим...

После такого не совсем понятного заявления мы молчали всю дорогу. — Вернее, мы не то что молчали, а не беседовали. Спутник же мой что-то негромко бормотал, словно бы говорил сам с собой. Я не мешал ему и молча шел рядом. Мои мысли были рассеянными; и внезапно я почувствовал, как — все больше с каждым шагом — наваливается на меня усталость. — Почему? .. — Прошли мы, как показалось мне, не очень большое расстояние, спутник мой не солгал. Но усталость была сильной, каждый шаг давался тяжело. Я чувствовал себя так, как будто иду по грудь в воде, или скорее — плыву на лодке по морю подсолнечного масла... Голова моя подхватила этот образ и стала старательно играть в него. — Взмах веслом. Оно, как клинок, входит в вязкую жидкость. Напряжение всех мускулов, движение, — и лодка медленно переползает на полметра вперед. Опять взмах. Опять масло принимает весло. Опять напряжение, и вновь почти без результата... Еще, и еще. . — Быть может, остановиться? отдохнуть? .. — Но нет, — что-то смутно видится впереди... не видится... — в такой-то тьме!.. — чувствуется... знается... Нет, не то. Но не все ли равно! .. — Я знаю, там что-то есть. Меня там ожидает... что? .. — какая разница. Не знаю. — Но мы идем туда...

Идти стало еще тяжелей; усталость подломила мои ноги, и я опустился на колени. Остановился. — Не пройти... — Я вытянул руки, раздвигая, разрывая тьму перед собой. Она поддавалась, она охотно поддавалась... но ей не было конца. — Да когда ж я пройду ее? Как мне тяжело...

«Что это со мной? ..» — изумлялся я, когда — очень ненадолго — голова моя прояснялась. — Но, не успев получить ответа на свой вопрос, я уже продолжал, собирая все силы, пробиваться через слой темноты... — Куда? . — я не ведал, но меня словно бы что-то вело. — Куда? — я был сам не свой и единственное, что знал: надо пробиваться... — Куда? .. — вперед. Там меня ждут. И даже зовут... Или не зовут, просто о чем-то говорят... Я даже слышу музыку... Поют песни...

странные песни. . — Я напряг слух, и мне показалось что я различаю кое-какие слова.

«В Великую Ночь протянулся ход... — тоска и беда моя. Свершаются сроки... и ветер зовет... и снится воде ладья... Но нет мне надежды в темном дому... Не выплачен долг земной... Глаза упираю в густую тьму... — ищу т о г о, к т о з а м н о й. .»

Дальше я ничего не услышал. Мне стало холодно. Перед глазами одновременно выросли — в несколько рядов — дома, деревья; в небе мгновенно проявилось множество тусклых звезд, — и я сообразил, что долгое время шел в полной тьме. Я закрыл глаза и покачал головой; опять открыл. — Да что же это?

Все тело болело, ноги еле-еле слушались меня. Руки были словно налиты свинцом.

«Да я болен... — наконец-то осознал я. — Болен, и по-настоящему... — У меня темнеет в глазах... Я брежу.. У меня жар...»

— Ну вот, мы пришли, — совсем рядом раздался голос моего проводника.

— Сейчас упаду... — прошептал я ему и, качнувшись, начал валиться в его сторону. — На голос.

Он подхватил меня.

— Что? Что с вами?

— Я болен... — я запнулся, сделал большой глоток воздуха. — Я же вам говорил...

— Ничего, ничего... — он с трудом пытался выпрямить меня, а я все норовил свалиться на него, закрыть глаза и опрокинуться в забвение.

— Потерпите... вот мы почти уже вошли... вот сюда...

«Но нету надежды в темном дому. Не принят мой долг земной... — Глаза упираю в ночную тьму... Ищу того, кто за мной...»

— Вам сюда... Входите, пожалуйста... А я сейчас... Я сейчас приду...

— Но послушайте...

— Что? что там?.. — Я же сказал, сейчас приду... — Идите... Он там... — Гей, гость к тебе!..

«Но выйдет время моей тоски. . Судьба отпустит меня... Напившись тепла из живой руки... Из новой души — огня...»

— Спит, что ли?.. — будите. Смелей, смелей...

— Но послушайте... послушайте...

— Не трогайте только его тросточку. Он может обидеться страшно...

«И рухнет запрет, — и открытым путем, в Неведомые Края, — уйдет по Реке мой последний дом. моя уплывет ладья. .»

Очнулся я уже в комнате. Я не помню, как оказался в ней. Наверное, вошел в беспамятстве. Болезнь мучила меня невероятно: я бродил совершенно безумным образом и еле-еле владел своим телом. У меня только и хватило сил разбудить хозяина и повалиться на какое-то кресло, стоявшее рядом с кроватью.

...Мне тогда показалось, что хозяин дома (то есть, по существу, комнаты) спал в весьма неудобной позе. Неестественной. — Словно его хорошо перекрутили, а то, скорее всего, поломали. — В таком положении и лежал он — зигзагом — на своем ложе. — Точно остывшая молния. — И тросточка его рядом.

Впрочем, это, возможно, было бредом. — Самое обидное, — перебил себя Володя, — то, что я до сих пор так и не понимаю, что тогда было бредом, а что нет. Иногда мне кажется, что бредом было все без исключения; — иногда — наоборот...

— И к чему вы больше склоняетесь?

— Скорее всего, как я вам уже говорил однажды, все было не так и не наоборот, а совсем по-другому...

— Верно, говорили. Я еще тогда не очень понял. Но не стал перебивать. — Может, вы теперь скажете, что вы имели в виду?

— Скажу. Но позднее. Да вы и сами поймете. — Терпение. — Итак, сознание то уходило от меня, — и тогда виделось невесть что, — а то опять возвращалось, и в голове немного яснело. — Когда я в очередной раз оказался способен воспринимать окружающую действительность, хозяин уже сидел на кровати.

Он был немного похож на своего брата. — Только лицо более худое и какое-то острое, что ли. Суровое. Очень впечатляющие глаза, насквозь проницающие. — Казалось, они глядят на меня из какого-то далека, что я даже представления о нем иметь не могу. При их взгляде мне становилось весьма не по себе; словно бы я чувствовал, как во мне, внутри, начинает двигаться какой-то кусок льда... Потому я старался не глядеть

на хозяина и делал примерно то же, что его брат у меня в доме; рассматривал обстановку.

Кстати, она не производила хорошего впечатления. — Дом, в котором я находился, состоял из одной комнаты, небольшой и неуютной. Мебели не запомнил... — Странно, даже не запомнил, какие окна. — Впрочем, болезнь. — Но даже и через болезнь, я все ж отметил для себя, что жить здесь чрезвычайно неуютно. — Пахло сыростью.

— Кто вы? — медленно произнес хозяин дома.

Голос у него был хорош; не хуже, чем у его брата. — Сочный. Даже вспоминая вот это: «яркий, густой и полный, — как полуденный запах пальм. .» — Что-то и вправду экзотическое в нем слышалось.

— Володя... то есть, фотограф.

— А. — Он оперся обеими руками в кровать, но не встал, а просто сел поудобнее. Движения его были тяжелы.

У меня кружилось в голове. Я закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

— Что с вами?

— Болен, — прошептал я, — жар у меня.

Он посмотрел на меня внимательно и, видимо, согласился с моими словами.

— На что ж мой глупый брат привел вас сюда?

— Вот уж не знаю. — безразличным голосом ответил я ему. И действительно, со стороны моего проводника это было свинством; но в таком состоянии, как сейчас, мне не хотелось этим возмущаться. — Мне вообще ничего не хотелось.

— Да. — медленно произнес хозяин, словно бы раздумывая. — Ну, и что же мы с вами будем делать?..

— Вы вроде бы хотели.

— Верно. Я хотел кое-что сфотографировать. Но вы действительно не в том состоянии, чтобы заниматься какой-либо работой...

— Совершенно верно... — прошептал я, — мне бы... мне бы. — я даже не знал, чего мне бы хотелось. А потому, не закончив свою мысль, просто замолчал, откинув назад голову. — Так было немного легче.

— Ладно, — донесся до меня голос. — Все устраивается намного проще, чем думалось мне вначале. — Что ж, это хорошо. .

— Вы о чем это? — с трудом проговорил я. — Было жарко, на лбу выступал пот...

— Вот, — сказал хозяин, опустив руку за пазуху. Странная была на нем одежда; впрочем, в этот день уже было столько странностей, что не стоило больше замечать их. — Он медленно вытянул руку из складок одежды и протянул ее мне.

— Возьмите.

— Что это?

— Это поможет...

Я протянул руку навстречу, и на ладонь мне легла металлическая пластинка. — Небольшая, размером с ластик.

С недоумением глянул я на хозяина, и только собрался спросить, — зачем он мне это дал, — как почувствовал, что мне стало легче. Мгновенные бодрые токи протекли по всем жилам; муть отхлынула от глаз, в лицо словно повеяло легкой прохладой...

— Ну, вот и все, — услышал я голос хозяина. И такое в нем слышалось облегчение, что я даже растерялся. — Как будто моя болезнь тревожила его больше, чем меня. — Он глубоко, покойно вздохнул и словно бы распрямился. — Как будто с моим облегчением и его оставил некий изнуряющий недуг.

— Что это?

— Любопытная вещица, не правда ли?..

— Да. но все же — что это?..

— Затрудняюсь объяснить. — Эта штука пробыла со мною более сорока лет, но я никогда не знал, что это.

— А где же вы ее взяли?

— В молодости моей одна старуха вылечила меня этой пластинкой. — Примерно так, как вас...

Он улыбнулся.

— Правда, с наговорами. Но лично я думаю, наговоры тут не обязательны.

— А что она говорила про эту вещь?

— Ну, она объясняла просто. — Хозяин коротко рассмеялся. — Талисман, да и все.

— А-а...

— Я, как вы понимаете, этим не удовлетворился. Но и другого путного объяснения не нашел. — Возможно, какой-то целебный металл?

— Возможно, — поддержал я его. — Главное, что помогает. Спасибо вам...

Я встал с кресла и почувствовал себя вполне здоровым человеком. Усталость как будто ушла.

— Действительно, просто чудеса. — Возьмите, спасибо..

— Оставьте у себя. — Неожиданно предложил он.

— Да ну, — запротестовал я, — что вы...

— Берите, — тоном, не допускающим возражений, заявил он. — На память о встрече. Мне она ни к чему, я с тех пор никогда ничем не болел.

Я не стал спорить. — В конце концов, невеликая ценность. — В том, что этот кусочек металла снял мой жар, я очень сомневался. — Скорее всего, моя «болезнь» была вызвана трехдневным нервным напряжением; а теперь я «перегорел», и случайно это произошло на чужой квартире. — Вот и все «выздоровление», и «талисман» здесь ни при чем. Просто все совпало.

Возможно, и мужчина некогда «вылечился» при подобных же обстоятельствах. — Как знать?

Но мне не хотелось обижать хозяина своими сомнениями, и я, сделав благодарное лицо, положил пластинку в карман.

— До дому сами дойдете?

— Да.. надеюсь...

— Ну и хорошо. Тогда я с вами попрощаюсь. Мне уже пора...

— Всего доброго, — сказал я ему, поклонился и пошел к выходу. За спиной послышался шорох, легкий скрип: видимо, хозяин опять лег на свою кровать.

...Странно, но о цели своего визита я вспомнил, уже когда вышел на улицу. Когда возвращаться и будить человека, чтобы объясниться с ним, было неудобно. — Я только еще раз изумился многочисленным странностям, которые были присущи этой семье, и побрел себе по дороге. — В конце концов, решил я, это его дело. Не хочет фотографировать — не надо. Нечего и звать было...

«Да еще на ночь глядя... — Вон, какая темень кругом...»

Верно, вокруг было темно. Было такое ощущение, что уже прочно и давно наступила ночь.

«Да, все ж это непонятно: позвали для дел, да и забыли о нем... — Нет, странная все же семья...»

— О!.. — а где ж его брат?.. — почему он так и не пришел?.. — Я ведь достаточно долго пробыл в доме...»

И я невольно оглянулся по сторонам, словно бы пытаясь отыскать где-нибудь моего дневного посетителя.— Но было очень темно. — С удивлением я отметил, что иду, не зная куда, не задумываясь над этим, как механически. — Куда ноги ведут. Дорогу не было видно, но она явно была неровной. То и дело приходилось обходить какие-то большие кочки. — Где это я?

Я опять огляделся, но ничего не понял в обступающей темноте. Разыгрывался ветер; мне показалось, что мимо меня, чуть не задев, пробежало что-то большое, — словно бы какое-то крупное животное...

«И все ж, — где я? Где я был? Что это за странный район?..»

Меня все не оставляло ощущение, что все, происходящее сегодня со мной, есть какая-то странная достоверность. — Но очень реальная, что ли... — Когда я смотрел назад, пытаясь отыскать дом, из которого вышел, я не увидел его, как ни вглядывался; хотя успел пройти, по моим расчетам, не более пятидесяти шагов. Ничего не было там; пустая темнота. Еще мгновение, — и откуда-то сбоку в эту темноту выпрыгнуло что-то большое и черное. Выпрыгнуло и помчалось мягкими прыжками в том направлении, в котором глядел я, надеясь высмотреть дом. — Это живое (я был уверен, что живое! .) пятно было чернее, чем ночь вокруг него; ясных очертаний оно не имело. — Мне оно — весьма далеко — напомнило огромную кошку. На неестественно длинных ногах и с необычной головой...

От неожиданности видения я зажмурился; когда же открыл глаза, никакого пятна уже не было. — Но я был уверен, что видел это пятно; более того, я почему-то был еще уверен, что пятно это направлялось именно в тот дом, в котором я сегодня был.... — Странная это была уверенность, недоброе чувство... — Я опять вгляделся, ища глазами загадочное существо... Нет, ничего. — Мутная, пустая темнота...

«Может, снова бред?..» — с тревогой подумал я. — «Надо убираться отсюда. домой бы успеть дойти... пока опять не прихватило...»

— Шел я тогда долго, — задумчиво проговорил Володя. — Очень долго.. Я сейчас думаю, что петлял, наверное, по кругу. А потом как-то сразу вышел на освещенную, и довольно людную, улицу. Отсюда я знал, куда мне идти. — Однако, это был практически другой конец города. — Подивившись, как меня сюда занесло,

я направился домой. — Хорошо хоть город маленький...

Мое недомогание на свету, на людях, вроде бы меня оставило. Я шел, рассеянно глазея по сторонам и прикидывая, что бы соврать завтра на работе по поводу двухдневного отсутствия. — Правда, мне случалось и ранее пропускать работу, так что опыт у меня был, и несложно было придумать сколько-нибудь подобающих случаю причин... — В общем, настроение у меня значительно улучшилось, и я с большим удовольствием шел по улицам М-а.

Последней неприятностью этого вечера был ливень с градом, накрывший меня на полпути к дому. Он начался неожиданно, словно бы откуда-то подкрался и взрезал небо над моей головой. Хлынула вода, крупные градины с шумом рушились на землю и разлетались вдребезги. — Второй раз в жизни видел такой град. — Улицы мгновенно опустели, даже огни в домах погасли, — точно бы все вдруг вспомнили, что на дворе ночь, и пора спать; фонари словно бы потускнели. И я, весь без остатка мокрый, уныло шлепал по лужам. Настроение опять упало и начало соответствовать окружающей действительности. — Серой, сырой и грязной. — Хорошо хоть (и тоже, кстати, примечательно), что от града я не потерпел никакого ущерба: он не прекращался, пока я шел до дому, но ни одна градина в этот вечер на меня не упала.

. Заснул я сразу, как только тело почувствовало мягкий уют постели. — Надо отметить, что явился я домой часов около двух ночи, и такой мокрый, что воду из туфель пришлось прямо-таки выливать. — Спал я опять безобразно. Что мне только не снилось!.. — Широкое поле, заросшее дикими травами. Огромный, высокий лес на краю поля. Неизвестные животные ходили по полю, из-под ног у них взвивались ввысь перепуганные птицы. Иногда животные подходили к моей постели, с любопытством разглядывали меня. — Затем отходили, и на их место являлись другие, не менее диковинные. Временами они поднимали морды и протяжно ревели, словно бы звали кого-то. В какой-то момент земля задрожала от грузного шага. — Нечто огромное откликнулось, видимо, на зов зверей. — Я чувствовал, как медленно и неотвратимо приближается ЭТО ко

мне. — Шаг. Еще шаг. Я силился вскочить, хотя бы приподняться с кровати, — и не мог. Топот все приближался. — Меня обдало мощной волной леденящей злобы; словно бы ветер, густо напитанный ею, нашел меня, настиг, обвил со всех сторон. . — Я понял, что ЭТО почуяло меня и взяло след. . С безнадежным ужасом глядел я на лес, зная, что ОНО должно появиться оттуда. Сердце мое, словно сорвавшись с привязи, прыгало в совершенно непредставимых местах. Я все напрягался в надежде хотя бы шевельнуться, двинуть рукой ли, ногой; мне казалось, что, если я смогу сделать хоть какое-то движение, тело мое сразу обретет свободу...

Над лесом уже всплывало облако густой пыли, поднятой идущим чудовищем... С беспорядочным треском ломались деревья. ...Еще один огромный клуб взметнулся вверх; и в тот миг, когда уже вот-вот из рассеивающейся пыли должны были выступить очертания громадной лапы, — тело мое обрело свободу; я дернулся и. . проснулся.

Тишина. Неподвижный ночной воздух словно бы держал комнату в оцепенении. Темные предметы затаились и как будто желали быть незамеченными. Молчание. Ни звука... Только часы громко и равномерно отрабатывали свой шаг, но и они не нарушали, а скорее подчеркивали многозначительную тишину.

Некоторое время я лежал без движения, настороженно прислушиваясь. Но ни звука не раздалось нигде.

Немного успокоившись, я выкурил сигарету и жадно выпил кружку воды (имею такую привычку — пить воду по ночам. Ставлю с вечера у изголовья, под кровать, полную кружку, — пояснил Володя). — Полежав после этого еще немного, я отвернулся к стенке и опять заснул.

И опять!..

Колыхающуюся, синюю тьму словно бы выцветили. Она дрогнула и начала беспорядочно мутнеть, белеть; как если бы несколько капель молока пролили в стакан воды... Еле-еле заметно в этой мути промелькнуло и исчезло уже знакомое мне поле, затем лес... Словно бы я летел во мгле с большой скоростью, едва успевая отмечать знакомые пейзажи на своем пути... — Я уж не знал, сплю или грежу. Стало прохладно, резко запахло сыростью, и еще... я не мог понять — чем. — Древним. неведомым.... невозможным...

«— Ни ветра. . ни скрипа. туман седой... бледнеет небо вдали. Болотные боги стоят над водой и слушают сердце земли... Недвижные лица подняв в рассвет... старинную думу тая. и ищут глаза потерянный след. и ноздри — тепло жилья...»

Глухие, тайные голоса звучали откуда-то из неизвестного далека, словно бы вырывались из-под каких-то завалов, огибали неведомые преграды, и текли ко мне, и находили меня... Они клубились, они качались во мгле, и туман скрывал их.

Эти монотонные распевы были еще непонятней (и, я чувствовал, — еще страшнее) первого сна. Невнятные, медленные голоса словно бы вдавливали, вжимали меня в кровать, опутывали, держали, не давая пошевелиться; я чувствовал, что в неудобном положении отлежал руку, она онемела. Но, завороженный мерным речитативом, не мог шевельнуться...

«— По древнему умыслу, силой чар заброшена в мир людей болотная тайна, неведомый дар... проклятье грядущих дней.. живое зерно невиданных бед... заветной мести сосуд.. — Болотные боги глядят в рассвет... недвижно глядят и ждут...»

— Что бы вы сказали, приснись вам такое?.. — спросил Володя.

— Вот уж не знаю... Я даже не понял, что к чему.

— И я тоже ничего не понял. Мне пропели все это несколько раз, — и было такое ощущение, что поют специально для меня... что я должен знать эту песню. — Но я ее не знал. В конце концов, мне удалось проснуться...

Когда я проснулся, невыносимо болела рука. Я почти не мог двигать ею... — Болела и была холодной... Несколько часов прошло прежде, чем я смог более или менее сносно владеть ею.

— Да!.. — словно бы вспомнил Володя, — надо бы упомянуть еще один любопытный факт. — Проснувшись, я нашел кружку с водой совершенно нетронутой. А сигарета, переломанная пополам, валялась на полу.

— Да-а...

— Я произнес примерно то же самое. Только гораздо более трагически. — Ибо проснулся я, уже твердо и безнадежно зная, что вчера что-то произошло. Странное. если не страшное... — Немного погодя, набравшись чуть больше мужества, я признал, что произошло

это, собственно, не то чтобы где-то «в мире», а именно со мной..

И я стал разбираться. Я перебрал сколь возможно тщательно весь свой сон, все слова приснившейся песни (эхо их, казалось, все еще звучало во мне), — но ничего ровно не прояснил. Кроме того, что и так было ясно: сон мой поведал мне о каком-то предмете (или же существе), связанном с болотами. — Проклятый в древние времена, этот предмет оказался на земле, среди людей, и, если я все правильно понял, обещал в будущем различные быд. Так, что ли? . — Вроде бы так; но неясным оставалось самое главное, — зачем мне все это приснилось.

— Вы можете подумать, что я принял свои кошмары слишком серьезно, — прервавшись, сказал Володя. — Может быть. Но я бы тоже не придал им большого значения. при нормальных обстоятельствах. При трезвом размышлении. — Но «нормальных обстоятельств» не было. . — Впрочем, об этом позже. — И «трезвых размышлений» тоже. — Ибо еще до всяких размышлений, с самого момента пробуждения, — у меня было достоверное чувство, абсолютная уверенность в серьезности, в значительности моих снов... — Абсолютная уверенность! — еще раз повторил Володя. — И она была сильнее любых логических сомнений, любых доводов рассудка.

Итак, я верил своему сну, но все равно ничего не понимал. — «Может быть, мне приснился чужой сон? ..» — в порядке бреда предположил я. — «Предназначенный кому-то другому, понятный ему и нужный... Но как это может быть? .»

«— А может, это предупреждение? ..» — пришло следом на ум другое истолкование. — «Может, я должен кого-то предупредить? Или даже. всех? ..»

«Но почему именно я? И — кого? Да и — о чем предупреждать? .»

Много чего еще лезло в голову, но в итоге так и не сложилось из хаоса мыслей ничего путного. — В конце концов, махнув на эти проблемы здоровой левой рукой, я поднялся с кровати.

Много всякого случилось тогда. Всего не упомнишь. Непонятные события происходили одно за другим

Странные люди встречались мне на улицах, старые знакомые проявлялись незнакомыми сторонами..

— Старушка?..— догадался я.

— Почему — старушка?

— А кто ж еще?..

— Нет, — энергично помотал головой Володя, — старушка тут ни при чем. Хотя и это милое создание косвенно задело сию историю... — Помните, она на картах гадала?. В тот вечер?..

— Да.

— На меня гадала. — И открылось ей, что предстоит мне испытание...

— Какое?

— Ну, карты — вещь не самая болтливая. хотя и женского рода. — Испытание, — и все.

— Старушка вам сказала об этом?

— В том-то и дело, что нет. — Не стала беспокоить. Но очень тревожилась за меня. — Как знать, может быть, ее молитвами.

Володя не договорил.

— Итак, неожиданные вещи начали происходить...

— Да. Неожиданные вещи. Непредсказуемые события. — Я очень долго не знал даже, что же именно мне следует посчитать «испытанием». — Начнем с того, что я очень быстро понял, что за мной следят...

— То есть?

— В комнате было что-то не так. Еще утром показалось, что какой-то чужой налет лежит на многих моих вещах. — На мебели. На одежде. — Словно бы их касался кто-то незнакомый.

— И что?

— Сначала — ничего. Думал, просто показалось. А потом — начал искать негатив. с похорон который. и не нашел. . — Ибо, как вы понимаете, отыскивая причины свалившихся на меня странностей, я не мог не вспомнить о братьях покойника. — О своем визите. — Ведь с него странности и начались. — Правда, память моя, к сожалению, тогда подвела меня.. ну, да у меня такое иногда бывает. — Итак. Я помнил только, что зачем-то пошел к родственникам покойного, по дороге случился приступ болезни, и потому я был несколько не в себе. — Родственники тоже были не в себе, возможно, — от горя по усопшему брату, возможно, что с детства, и потому один брат просто убежал и более не появлялся, а другой вел со мной какие-то

многозначительно-невразумительные разговоры, и потом. потом. — Я не мог вспомнить, что же было «потом». От попыток вспомнить начинало ломить в затылке, и резким уколом напоминала о себе боль в руке. — Я только вспомнил, что совсем «потом» я ушел из этого дома...

«Да, а зачем я вообще туда пошел?..» — Здесь память меня не подвела, и я быстро вспомнил, с чего все началось. — Похороны... заказ... плохая погода... — И тут во мне возникла и начала укрепляться уверенность, что я на правильном пути... — Плохое настроение... кошмары... фотографии... смазано лицо.

На этом я остановился. Мне показалось важным еще раз взглянуть на негативы. — Я пересилил свою нелюбовь к покойным и направился к ящику, где хранил старые негативы...

И нужного там не было. Дважды я перерыл ящик. Затем посмотрел на полу вокруг ящика, в надежде, что пленка просто упала... — Нет. — Я тщательно осмотрел все места, куда случайно мог заткнуть эту несчастную пленку. Потом — все места, куда даже случайно не мог заткнуть. — На всякий случай... Потом — вообще весь дом... — И тут, невзначай кинув взгляд на окно, я заметил, как с той стороны от стекла отпрянул человек и, бросившись вправо, исчез.

...От неожиданности я не кинулся за ним сразу же. А когда выскочил, было уже поздно. Человек исчез.

«Может, это один из сумасшедших братцев?» — почему-то подумал я, вернувшись в дом. — Кому я еще мог быть нужен? — Мысль о братьях напомнила мне о пропавшей пленке. — Я сел на кровать и задумался, соображая, куда б она могла задеваться. Не придумав ничего путного, начал обыскивать ящик по второму кругу... И тут сообразил, что в комнате точно кто-то побывал.

Дело в том, что среди негативов была одна отснятая, но необработанная пленка. — Как-то руки все не доходили... Я случайно вспомнил о ней, перебирая опять содержимое ящика. — Ее тоже не было. Точнее, она была, но, найдя ее, я понял, что руки мои до нее уже не дойдут. — Пленка была кем-то вытянута с катушки и, естественно, самым безобразным образом засвечена...

Сам я до такого варварства додуматься бы не мог. Даже в безумии. Тут нужно было полное незнакомство

с фотоделами. — И кто-то, обладающий таким незнакомством, искал что-то среди моих пленок («Мои снимки с похорон! ..» — сразу пришло на ум, и новое мое чутье, чувство абсолютной уверенности, подтвердило мне, что это так), — пересматривал их все, и сдуру вытащил на белый свет непроявленную... А потом, сообразив, что сделал что-то не так, — испугался и положил ее к остальным, надеясь, что я ничего не замечу. — Странная надежда...

Итак, кто-то побывал в моем доме. Когда я спал. Или, скорее, когда меня не было. — Засветил мою пленку и украл негатив...

«— Да не он ли глядел в окно? ..» — пришла новая догадка, и вновь чутье подтвердило мне, что и это правда.

Надо сказать, я быстро заметил присутствие этой «внутренней истины» и заинтересовался ею. — Если чутье начало подсказывать мне правильные ответы, — почему бы тогда не задавать ему вопросы?

«А не один ли это из сумасшедших братьев? ..» — Нет, — ощутил... точнее — не ощутил я никакой уверенности.

«— А не моя старушка, случаем? ..» — Нет.

«А кто? ..» — «На такие вопросы оно вообще не отвечает», — сразу же подумал я.

Однако, кто бы это ни был, негативы он унес... — И тут же вспомнилось: да ведь фотографии, кажется, у меня...

Я бросился в прихожую, — там сушилась на бельевой веревке моя мокрая вчерашняя одежда. — Да, фотографии были в кармане. Все до единой. Когда я вытаскивал их, из кармана выпала, звякнув о пол, небольшая металлическая пластинка. — Я вспомнил еще кусок вчерашнего вечера...

Но сначала — фотографии... Я сел тут же на пол и начал просматривать их... — На мое удивление, лицо покойного вышло очень четко. — Спокойное, суровое лицо. Заостренные черты... Очень похож на своих братьев... — Но я готов был поклясться, что вчера на месте этого лица видел нечто, скорее напоминающее белую кляксу...

...И опять я почувствовал взгляд. Вскочил и бросился к двери, но опять опоздал. — Настырный шпион успел исчезнуть. — Постояв немного и выругавшись на прощанье от всей возмущенной души, я вернулся в

дом и задумался. — За мной серьезно следят. У меня был «обыск». — Все это говорит о том, что я нежданно-негаданно заслужил чье-то повышенное внимание... — Но почему?

Одно было ясно: это внимание явно связано с моими последними приключениями. — Потому, что украдены негативы с похорон. А еще вернее — потому, что мне это подсказывает новое чутье..

Но я вернулся к столу и взялся теперь за пластинку.

Она была небольшой, размером со стиральную резинку. Овальной формы. Непонятного цвета, и, как выяснилось, не металлическая. — Но материал определить затруднился. затрудняюсь... никто его не определит.. — невнятным голосом забормотал Володя...

— Вы что?.. — испуганно спросил я.

— А?.. — словно бы очнулся он. — Прошу прощения. . задумался..

— Пластинка была из неизвестного вам материала, — помог я ему.

— Да. Она была обработана, впрочем, грубо и неискусно (Володя почему-то вздрогнул). — Косной какой-то рукой. На ней были насечены — тоже грубо и примитивно — несколько значков. Сверху (если, конечно, считать условно) — выбито нечто вроде скобки. Или треугольника без основания. Острие скобки было обращено к центру. Где-то на уровне центра, по бокам — по двойной скобке. А внизу — начинаясь почти от центра, змеилась книзу волнистая линия (представляю, сколько труда потратил на нее высекатель). — С другой стороны ничего не было изображено. И цвет поверхности был другой, хотя не более определимый, чем с той стороны.

Вот такая штучка. Я вертел ее в руках, все еще не понимая, что же это. — Вроде бы, — припомнилось, — она вылечила меня вчера...

...И опять — взгляд. Я вскинул голову, — и вдруг четко, ясно рассмотрел лицо незнакомого человека; до окна было далеко...

Я опять бросился к двери... и, если вам еще не надоело одно и то же, — сообщаю, что опять опоздал. — Но сейчас я даже не очень огорчился этим. — Меня поразило другое...

...Я никак не мог бы его рассмотреть столь хорошо. — Но, тем не менее.

«— Значит, зрение мое усилилось?..» — задал я вопрос в никуда, и чутье ответило мне. — Да...

И я знал, что это правда. — Происходили чудеса, и с самого утра я верил в них. Голова работала необыкновенно хорошо, все тело словно бы налилось неведомыми силами...

— Я весь день ощущал прилив этих сил, — сообщил Володя, — и потому все у меня в этот день легко получалось. — Спрятав наиболее ценные вещи (на случай повторного «обыска»), я отправился на работу. — Необычайно легко объяснился по поводу двух пропущенных дней. Узнал, что квитанция действительно сдана. — Сказал, что куда-то задевал негатив, но вместо него сдаю комплект фотографий... — И тогда!...

— Володя!.. Да у него же лицо смазано!..

...Похолодев, я медленно повернулся на возглас. Затем встал, стараясь сохранить спокойное выражение на лице... — Спокойно, спокойно... надо что-нибудь соврать... выкрутиться.

«— Дурак, дурак!.. Ведь знал же...» — «Но ведь сегодня я смотрел — и все было нормально...» — «Это сегодня...»

Да. — Я уже понимал, что свежие силы, переполнявшие меня сегодня, необыкновенны. — Но если так, откуда они взялись? Именно сегодня?

«ТАЛИСМАН!..» — мгновенно сверкнула отгадка. — Что ж еще?.. — Вчера он вылечил меня... сегодня — дал непонятные силы.

«О боже, неужто это вправду талисман?! — Невозможно... нет... не верю!..»

— Впрочем, — опять перебил себя Володя, — я твердил это безнадежное «не верю» просто по долгу просвещенного человека, моя внутренняя достоверность сразу подтвердила догадку...

...Однако, думать дальше было некогда; я уже склонялся над фотографиями, готовясь изобразить на лице недоумение... и что-нибудь сказать. Что?

«Впрочем, — мелькнула еще мысль, — вот самое время проверить догадку о талисмане...»

Я сунул руку в карман и сжал пластинку. — «Ну, спаси меня опять...»

Однако все пошло не так, как мне могло представиться.

.Сначала мне на фотографии тоже увиделось пятно, но оно мгновенно исчезло, развеялось, словно ту-

ман, — и открылись тогда черты усопшего... Я слегка покачал головой и опять поглядел.

...Мне показалось, что я схожу с ума. Лицо на фотографии словно бы обретало жизнь. Еле заметный трепет пробежал по нему, почудилось, что человек глотнул воздуха... Начали открываться — тяжело, медленно, — глаза... но это уже не были глаза человека. И лицо его уже стремительно меняло формы; по нему бежала легкая волна, нечто похожее на рябь на воде; и, пока эта рябь затухала, голова колебалась, увеличивалась; на ней обозначилось нечто, похожее на рога... длинные, спутанные волосы, быстро вырастая, ползли, как змеи, к груди; приоткрылся рот; глаза послали тяжелый, недобрый, ищущий взгляд... сюда... в эту комнату. оглядывая все предметы, ища... меня...

...Я понял, что они искали именно меня, сразу же, но осознал это как следует уже на улице, на бегу... скорее — на лету, ибо мчался я, как ветер. — Подальше от кошмара, от этих глаз, от комнаты, из которой я выбежал с диким воем, насмерть перепугав моих товарищей.

«Теряется запах... тускнеет след... во мгле заблудился взор...» — «На имя привычное отклика нет... Заклятья коснулся вор. .»

Кошмары проникли уже и в дневное сознание... — Я бежал, пока у меня не начали отказывать ноги. Мне казалось, что за мной гонятся, что вот-вот настигнут, найдут; казалось, что отовсюду следят за мной внимательные глаза: из всех окон, из дверей подъездов. из любых закоулков.

Сколько я блуждал по городу — не знаю. Потому что не помню, в какой час бежал из ателье. Но более или менее пришел в себя я к вечеру, когда на улице уже начинало темнеть.

Потом уже, ночью, лежа на мягкой постели в доме моей тогдашней подруги, я попытался опять уяснить события минувшего дня. — К подруге я забрел потому, что ее дом показался мне вполне сносным убежищем. Я надеялся, что те, кто следит за мной, не догадаются искать меня здесь. — Итак, чувствуя себя в относительной безопасности, я перебирал в памяти события, пытаясь собрать их в более или менее связное целое и понять, наконец, что же происходит...

Итак, главным событием был, несомненно, талисман. Пластинка из неизвестного материала, отданная мне неким странным человеком сдуру или по злому умыслу. Талисман этот наделял своего владельца неведомыми силами...

«По-видимому, он передаст свою энергию при контакте. Как бы переливает ее в тебя. И она остается в тебе, пока не ослабеет...»

«Но что за силы он дает? Что я могу?..»

— Ты о чем? — испуганно спросила меня Ольга.

— Что? чего?

— О чем ты говоришь?

— А-а... не обращай внимания... Спи...

— Ага...

...Итак. — Мне в руки попала вещь, с помощью которой я вступаю в связь с неизвестными существами... Мне открываются странные вещи... За мной начинают следить... Люди.. И еще кто-то... — Я уверен, что именно это КТО-ТО, эта неведомая сила каким-то непонятным образом увиделась мне на фотографии и чуть было не нашла меня... «А если б нашла? .»

...Мне показалось, что какая-то волна некомнатного, чужого воздуха холодом обдала меня. В голове зашумело, как у пьяного. Стучали какие-то неведомые молоточки.. Где-то вдалеке прорыдала в темноту свою жалобу ночная птица... Воздух завибрировал, стал гуще. множество мелких непонятных звуков, шорохов, скрипов складывались в монотонное, напевное гуденье...

«— Теряется запах... тускнеет след... Во мгле заблудился взор...» — «На имя привычное отклика нет... — Заклятья коснулся вор...»

О-о-о!.. Неужто..

« — Но — облаком темным.. кошмаром ночным.. ключами подземных вод. .— по смутному следу пойдет за ним бессонная дума болот. » — «За шагом шаг. на свет и во мглу. дорогой и без пути... — по следу... по запаху.. по теплу... — ему никуда не уйти...»

Да! — подтвердило чутье. — Эта пластинка, размером с железный рубль, эта небольшая штучка и есть... Заклятье Болот? Что это такое — Заклятье Болот — я не совсем понимал; но все, что творилось вокруг меня и со мной с тех пор, как я случайно завладел им, — говорило об огромной важности этого предме-

та. — За два всего-то дня вокруг меня из реальности сотворилась сказка... страшная сказка..

...Голова моя плохо умещала такое количество информации, полученной за столь короткий срок. Я серьезно опасался за свой разум. — Многое бы я отдал за то, чтобы этих двух дней вообще никогда не было.

«Что же мне делать? Что же мне теперь делать?

— Что делать?

— Что делать...

— Что делать... что...»

Так я пролежал долго. Недвижно глядя в темноту и пытаясь сообразить, что же из всего этого может выйти.— А потом...

А потом...

...Ольга поднялась с кровати. Подошла к окну, поглядела. Обернулась и посмотрела на меня. Я, повинуясь своему новому чутью, успел закрыть глаза. — Посчитав, видимо, что я сплю, она тихонько подошла к шкафу, открыла его и взяла с полки какую-то коробку. Открыла ее, и мгновенно по комнате расплылся резкий, чуть солоноватый запах болотной воды... Еще раз воровато оглянувшись, Ольга зачерпнула из коробки какое-то снадобье и быстро стала натираться им...

.Я лежал как последний дурак и помалкивал.— Попадая из огня да в полымя, так и следует поступать. — Запомните, может, пригодится когда...

— Спасибо, — поблагодарил я Володю, — надеюсь, что нет.

— Я тоже надеюсь. Но знать не мешает. — Итак. Я молчал и потихоньку повторял про себя заветную фразу Хомы Брута: «Эге, да это ведьма...»

...Мазь светилась каким-то тусклым. я бы сказал — темным — огнем, — и Ольга опять прошла к шкафу, мерцая в темноте. Она взяла из шкафа не одежду, как мне почему-то подумалось, а некий кулон на цепочке: опознавательный знак, как я догадался позднее. Надела на себя. Подошла к окну, растворила его, вскочила на подоконник, — и, еще раз оглянувшись, растаяла в ночи...

И тут меня переполнила злость. Злость невероятной силы. — На себя, дурака, так по-глупому влезшего в непосильные для меня дела... — На мерзавцев, подсунувших мне этот проклятый талисман... — На сам та-

лисман, естественно... — И больше всего — почему-то на Ольгу. — Словно она была самой виноватой... Я думаю, что так разозлился на нее просто потому, что она была под рукой... — От неожиданности... от потрясения... — Я искал здесь убежища, а на поверку вышло... «Ну, уж нет.. ты у меня попляшешь... ты у меня так попляшешь...»

В голове моей мелькали с сумасшедшей скоростью различные картины Ольгиного наказания... Но, как бы ни были они бредовы, — а некоторые из них были прямо-таки замечательно бредовы; никогда не думал, что могу быть так кроволюбив, — я твердо знал, что устроить для Ольги что-то неприятное, и даже весьма неприятное, — в моей власти... в моей новой власти...

Я вскочил с кровати, схватил со стола коробку с мазью и начал быстро растираться вонючей гадостью. Вымазавшись с ног до головы, я бросился к окну, и...

...Я не упал. И даже не повис в воздухе. Было такое чувство, как будто просто сделал шаг и стал на твердую землю. Так оно и было.

Я огляделся. — Вокруг меня было поле. Ночное поле, поросшее дикими травами. Где-то раздавались звериные крики, еще какие-то звуки. Впереди, вдали — высокой стеною тянулся в небо темный лес, и прямо из-под моих ног бежала к нему, раздвигая густую траву, темная дорога.

Метрах в ста впереди меня слабо мерцало и двигалось к лесу по этой дороге что-то живое, и я знал, что это моя вероломная подруга...

Я бросился за ней. Мы двигались быстро, и поле промелькнуло мимо, даже не успев толком запомниться. Дорога вела дальше, через лес. Лес мы миновали почти так же быстро, как и поле; деревья вокруг меня качались и глухо скрипели, большие птицы то и дело пролетали надо мной, зловеще крича...

Ольга, идущая шагах в двадцати от меня, остановилась. Я чуть замедлил шаг и начал осторожно приближаться к ней.

— Жабы,— послышался голос Ольги,— расступитесь. Освободите путь. Дорога моя верна, и я служу Дремлющей Силе. Расступитесь! ..— Вот знак, и тайное имя наговорено на нем...

Ольга коснулась знака на своей груди, и он блеснул отсветом темного пламени в блестящих глазах огром-

ных жаб, заполонивших все пространство впереди нас и расступающихся теперь по Ольгиному приказу...

Она прошла, и темная шевелящаяся масса вновь сомкнулась над полоской дороги. Глаза выжидательно глядели на меня.— Огромные глаза огромных жаб...

— Это и были ваши бородатые жабы? ..— не выдержав, перебил я Володю.

— Это? ..—Да ну, ерунда какая. Обыкновенные жабы. — Бритые, так сказать. — Нормальные, хотя и огромные...

...Ну вот. Именно из-за невероятных размеров своих они представляли опасность. Глаза их, выпуклые глаза земноводной твари, с недоброй бессмысленностью глядели на меня. Одна из жаб выбросила язык, и он, чуть не ударив меня в грудь (едва-едва не достал), тотчас вернулся обратно в пасть...

— Ну, это вы зря,— сообщил я жабам и вынул из кармана руку с зажатым талисманом...

Жабы выпучили глаза и завизжали от ужаса. Ольга, успевшая пройти по темной дороге всего шагов десять, вздрогнула и обернулась.

— Ты?

— Я, милая,— язвительно ответил я.

— Что ты здесь делаешь, смертный?

— Вот гадина,— возмутился я.— Ты что, уже бессмертная, что ли?

— Тебе этого не понять. Уходи отсюда. Или эти жабы объедят все, что мешает твоей душе вытечь наружу и обратиться в пар.

— Ишь, как ты красиво говоришь. Погляди на своих жабов.

Сила, переполнявшая меня, была огромна. Я чувствовал это всем телом. Казалось, она разорвет меня, если не найдет выхода.— Казалось, она сама ищет гибели моих врагов.— Сама, независимо от моих желаний.— И мне остается только направлять ее...

...И я еще крепче сжал талисман.— Тело мое заныло от той быстроты, от той готовности, с какой хлынула через меня вперед сокрушительная волна. .— Ближайшие ко мне ряды жаб полыхнули пламенем, и пепел их, как темная соль, посыпался на землю, покрывая ее... Душераздирающий визг, который подняли остальные жабы, ненадолго оглушил меня...

— Ты кто? .— с ужасом спросила Ольга, отступая

на шаг.— Ты не наш. Это точно.— Но кто же ты? ..— Откуда у тебя такие силы? ..— Кто ты?

— Не твое дело.

— Уходи,— опять сказала она.— Ты не знаешь, куда ты попал. Тебе ничего не нужно здесь. А я и так буду наказана за свою провинность.— Уходи, не отягощай моей вины. Она и без того огромна...

Я отрицательно покачал головой.

— Уходи, — со злобным страхом твердила она. — Тебя скормят древним богам. Тебя опустят в бездну, где живые не отличаются от мертвых. — Уходи по-хорошему. Не заставляй меня вызвать тайные силы. Уходи, не то я произнесу одно из имен Дремлющей Мощи...

— Плевал я на нее. И на все ее имена.

— О-о! .. — зловеще сказала Ольга. — Ты не узнал свою судьбу. — Так бери же ее!

Рука ее быстро ухватилась за медальон, висящий на груди, губы что-то прошептали... — Но я покрепче сжал свой талисман, и Ольга закричала от боли, потому что медальон на ее груди стал на мгновение сгустком огня. . — Перехватив обожженную руку другой, она с ужасом смотрела на меня.

— Кто ты? .. — опять прошептала она.

— Тебе этого не понять. Да и незачем. Поздно. — Ну, а теперь посмотрим, насколько ты бессмертна...

. Ольгу начало корчить, она свилась жгутом и рухнула на землю... Ее гнули и сворачивали неведомые силы талисмана. Но за спиной раздался топот копыт, и всадники с закрытыми лицами, на чернях конях, обступили нас...

— Что здесь происходит? .. — спросил один из них, ближний ко мне.

— Убирайтесь, — запальчиво сказал я, на время оставив Ольгу в покое и разворачиваясь ко всадникам. — Убирайтесь, пока у меня есть другие заботы. — Или я накормлю вами местных жаб. А кониной — вот эту милую девушку... — я кивнул головой на Ольгу, съежившуюся в комок на земле.

— Мы узнали тебя, — произнес вместо ответа тот же человек. — Ты — Несмышленый Вор. Ты — Человек, Боящийся Мертвых...

— Еще что? .. — поинтересовался я.

— Осквернитель Праха, — словно бы не услышав, продолжил тот, — Хранитель Своей Беды...

— Хватит. Что ты хотел сказать, если еще не забыл?..

— Ты не знаешь, кто мы. Ты не знаешь, куда ты забрел...

— Это не слишком важно...

— Ошибаешься. Ты самоуверен и горд, и утроба земли давно уже дополна набита такими. — Ты много на себя берешь, человек. Ты не знаешь, чем владеешь. Но, хотя сила его велика, ты не сможешь противостоять нам.... — Всем нам сразу...

Чутье, с которым мне пришло на ум посоветоваться, подсказало мне, что он говорит правду. И словно бы туман спал с моих глаз. — Я уже не был вершителем чужих судеб. Я был обычным человеком, обычным фотографом из провинциального, отсутствующего на серьезных картах городка М-а... И мне было страшно здесь, одному, перед лицом неведомых мне сил. — Я зарвался...

— Ты не уйдешь отсюда... Ты останешься здесь...

...Но в этом он ошибся. Хотя сила талисмана была не безмерна, но все же, видимо, больше, чем считал этот. человек?.. — Голова моя, как я уже говорил, соображала в этот день чрезвычайно быстро. А потому, поняв, что нахожусь в опасности, я не стал терять времени.— Всадника, находившегося слева от говорящего, выбросило из седла, я прыгнул на его коня, и он, дико заржав, метнулся в темноту... — Кажется, погони не было, или она быстро отстала: мы долго скакали в тишине, во тьме, без дороги... Конь мой, видимо, не видел ничего перед собой, ибо в какой-то момент он споткнулся и я почувствовал, что вырван из седла, лечу вниз, падаю спиной на землю... — Я увидел, что прямо на меня сверху, как четвероногая бомба, падает проклятый конь, невольно вскрикнул... и проснулся...

Проснулся я не там, где заснул, а почему-то у себя дома. Лежа на спине. С поленом в руках...

Пробуждение было отвратительным. Ужасно болела правая — от плеча до кончиков пальцев — рука. Память

держала кошмар — весь, до мельчайших подробностей, — передо мною. И еще...

...На стуле, у изголовья моей кровати, сидел, ожидая моего пробужденья, памятный мне человек...

— Не пугайтесь,— мягко сказал он. — Я пришел помочь вам.

— Зачем вы следили за мною? .. — спросил я сквозь сжатые зубы.

— У вас болит рука, — заметил он вместо ответа.

— Предположим, что так. Вы очень внимательны.

— Возможно. Но, более того: я сведущ.

— В чем?

— Во многом. Например, я знаю, почему у вас болит рука. И чем это все должно закончиться. Если мы с вами не договоримся. к нашему обоюдному благу... и не только к нашему...

— Ладно, это потом. Почему ж она болит?

— Потому, что это связано с вашим Талисманом.

«Он знает. . Он...»

«Вот оно что! ..» — сверкнула мгновенная догадка, и мое чутье подтвердило ее. — «Он хочет забрать его. он охотился за ним...»

...Я почувствовал, как холод злобы медленно пошел по моему телу. — И этот за Талисманом! .. — «Ну, что ж...»

— Не опускайте руку в карман, — спокойно сказал человек, словно бы угадав мои мысли. — Погодите, выслушайте меня. — Да, я пришел за вашим Талисманом. Объявляю это честно, чтобы не возникло никаких недоразумений. — Но, я думаю, вы сами отдадите его мне. Если не будете торопиться.

— Интересно...

— Напрасно вы так. — Что вы знаете о нем?

— Все, что надо.

— Вы преувеличиваете свои возможности. Хотя они действительно велики; я, со своей стороны, могу сознаться, что преуменьшал их. Однако, всего вы не можете знать. Этого не знаю даже я...

— Мне хватит и того, что знаю.

— Может, вы и правы. Но я все же должен кое-что вам объяснить. Наверное, кое-каких деталей вы все же не знаете. Я начну с начала, если позволите. Бегло. — Когда вы разрыли могилу и забрали Заклятье Болот...

— Что-о?

— Вы и этого не знаете?

О-о-о!!! И как я не догадался? . — Эта песня.. это путешествие... когда я раздвигал руками густую тьму это скрюченное тело на кровати... — Как же я сразу не сообразил! Как я не понял!.. О-о-о!..

— Что... вам... угодно?..

— Я ведь уже сказал. — Мне нужен талисман. — Но, однако я вижу, что просто обязан вам кое-что рассказать. Раз вы ничего не знаете. — Итак. — Умирающий колдун передал вам свою силу. — Вы, наверное, слышали такое поверье.

— Н-ну...

— И вместе с тем он передал вам Талисман, как вы его называете. — Дремлющую Силу. Заклятую Древним Заклятьем Болотных Демонов. — Он знал, что Талисман быстро уберет вас, и надеялся, что после этого до Заклятья доберутся более нужные руки. — Ибо — так получилось — самому ему искать эти «нужные руки» было уже некогда.

— То есть. постойте... — Как это... уберет?..

— Вы уже немного ощутили это. Своей рукой. — Талисман, при прикосновении, передает вам огромные силы. — Это вы знаете... Но взамен берет ваши. — Пьет ваше тепло. Пока оно есть. — Вот этого вы не знаете.

. Да. Этого я не знал. И это было так ужасно, что кровь заледенела в моих жилах..

— Ну вот, — сказал человек. — Я вижу, мне удалось вас немного убедить. Об этом я и говорил.

— Но все же, — сказал я, волей-неволей проникаясь доверием к собеседнику, — кто вы? зачем вы следили за мной?

— Именно за этим. — Мне ведомы многие дела и тайны. Я знаю древние предания. — И мне стало известно, что вы получили некий ненужный вам дар. Я знал, что у вас руках, и мне пришлось взять вас под контроль. Охранить, по мере сил, от нечаянных поступков...

— А зачем вы украли негатив?

— Вы уже знаете?.. — слегка смутился он. — Ну что ж... Видите ли. — За этим Талисманом следят. Его хозяева.

— Знаю. видел. . — с ужасом вспомнил я.

— Что? знаете? они вас увидели? нашли?

— Нет. я успел. я сбежал...

Он вздохнул и некоторое время сидел молча. Потом взглянул на меня и улыбнулся.

— Счастливый вы человек!.. И откуда у вас такое везенье? Впрочем, это даже не везенье. Это природное. — Мне кажется, что в вас есть или древняя кровь властителей Хиша, — хотя это практически невозможно, — или очень серьезные способности... происхождения, для меня непонятного.

— Почему вы так думаете?..

— По вашему поведению. — Вы все правильно и мощно, я бы сказал, делаете. Ничего при этом не зная.

— То есть?..

— Вы получили силу, но вас не учили пользоваться ею. То же и Талисман. Без ваших знаний он бы не сумел вам послужить. — Но вы, тем не менее, им воспользовались. Сумели. — Сами.

...Но эта сила вам не нужна. Она никому не нужна. Она неуправляема. Вот почему я пришел к вам, и вот почему я предлагаю: отдайте мне Талисман. Я избавлю от него мир. А вас — от силы. — Это в моей власти, можете не сомневаться...

— Но кто же вы?

Он только улыбнулся.

...Я сунул руку в карман и достал Талисман. — Да, эта вещь не по моим запросам. — Пропади она пропадом! Сколько зла она мне принесла! . — И вот я избавляюсь от нее. — Но странно, рука моя несколько замедлила, словно бы застыла на мгновенье в воздухе, не встретившись с быстро протянутой навстречу рукой человека. . — Нет. Не человека.. Мгновенного замедления было достаточно. — По лицу незнакомца пробежала рябь, голова расплылась, точно капля масла в горячей воде, появились рога... длинные волосы поползли по плечам, в глазах сверкнуло нечто ужасное... — Закричав, я ударил демона рукой с зажатым в ней талисманом, и бросился из дому, не обращая внимания на дикий рев за спиной.

— Вот такая вышла история, — поставил точку Володя.

— Интересная история... — произнес я осторожно. — Не знаю даже, что вам и сказать.

— Ничего не говорите. Скажите только: сильно я вам досаждаю по ночам? — Досаждаю или нет, я даже не спрашиваю. И так ясно.

— Да ладно уж. Ваши ночные крики куда приятней, чем ваши дневные истории...

— Вот уж верно. И еще один штрих остается. — Старушка была в то утро дома и уверяет, что никто ко мне не приходил. Да, и еще: отыскался негатив. С похорон. — Там, где и должен был быть.

— Вот это да... А лицо?

— Смазано...

— Да-а... Неужто это все — один грандиозный сон?..

— Ну, не все. — Талисман-то...

— Да, а с ним-то что?..

— Выбросил. В болото. Специально за город ездил.— Думаю, раз уж ваше достоянье, то и подавитесь им. — Не верите, вода аж вскипела; земля колыхалась. все вокруг застонало... — Тьфу! . — Володя с отвращением плюнул. — Пропади ты пропадом!..

— Ну, и потом что?

— Потом все. Вроде бы все «силы» исчезли. Только кошмары остались...

— Ну что ж. — Вы имеете право на кошмары.

— Да. Я заслужил его...

Мы несколько натянуто и не очень весело рассмеялись и отправились на кухню. Жарить пышки. — Мне остается еще сообщить, что в эту ночь мне снился такой бред, какой, несомненно, мог бы сделать честь даже самому изощренному ценителю кошмаров. Вроде моего странного гостя...

ЗЛАЯ ПАМЯТЬ ЖЕНЩИНЫ

(дар второй)

ЗАКЛЯТЬЕ НА МЕЧЕ

(приведено по памяти Володей)

Великая мгла уворует след,
А жизнь твою выпьет сон, —
Но вечным останется мой завет,
Единственный твой закон:

Лежи, не тронут ни смертью, ни ржой,
Одно лишь в думах лелей:
Голодную жажду крови чужой
И верность — крови моей.
Но, равного встретив, в последний раз
Окончишь победой бой...
Вот это и будет твой срок. — Твой час
Уйти свободным в покой.

П. и С. Вахотиным, а также всем друзьям Обухова по Танаису

Если б великая скука не одолевала меня как раз в то время, когда в моем доме гостил странный человек Володя, — я был бы лишен счастья (?..) предложить неведомым друзьям еще одну историю из моей коллекции. Но, поскольку все сложилось не так и я такое счастье имею, ничто не мешает мне поделиться им с другими.

Правда, когда я жаловался Володе на скучность жизни, я вовсе не требовал, чтобы он развлекал меня. Да еще такими историями. Но, однако, Володя — человек добросовестный — мои сетования на скуку отнес на свой счет и принялся веселить меня, как умел. — А как это может уметь человек, изо дня в день (из ночи в ночь) видящий замысловатые кошмарные сны?

И вот, в результате я записываю для любознательных соотечественников еще одну историю. Не знаю, насколько она придется по вкусу; ну, да это не моя история и извиняться я за нее не собираюсь. — В случае необходимости пусть устыдится Володя, а если он не совсем врет (допускаю и такую возможность) — то иные реальности или нереальности российской действительности. — А допускаю я такую возможность, исходя из личного опыта: в жизни может быть все, что угодно. За исключением только нормальных и естественных вещей. Потому что их нет и не бывает. Потому что умом Россию не понять.

Вечер проходил как всегда. Я, наконец-то найдя себе хоть какое-то спасение от скуки, сидел на кухне, у окна, и записывал некоторые Володины рассказы.

Володя сидел за столом, склонившись над чашкой чая. Медленно жевал кусок пышки и сосредоточенно глядел в стол, сквозь стол или еще куда-то... — Скорее всего, — подумалось мне, — оценивал с придирчивостью знатока приснившийся ночью кошмар. А может, грядущий планировал. У меня иногда и такое подозрение возникало. — Временами, словно забывая о своих раздумьях, и заодно — о недоеденной пышке, он тихонько напевал себе под нос «В покинутом доме остыл очаг...», и тогда я останавливал перо и прислушивался к песне. Странные чувства будила она во мне. Слышались голоса не минут, а веков; древние времена становились ближе своих и, куда ни взгляни, все, что попадало под взгляд, виделось словно впервые... Ясно и четко понимал я тогда, что звезды, глядящие в раскрытое окно, глядели сюда же, — еще до окна, еще до людей, — долго. долго... А до того — бессчетные времена блуждали рассеянным взглядом по черным просторам ночи...— Что деревья, доплескивающие свою листву почти до подоконника, длинными корнями своими касаются заповедных нам глубин и пьют сказочные воды неведового мира. . — В конце концов, — мой дом, глупейшая городская пятиэтажка: кто знает, в землю каких веков впаяна пломба его фундамента?.. — Ко всем, наверное, подкрадывалось порой понимание древности мира... Древности и загадочности... — Вот такое понимание подходило ко мне, когда я слушал эту песню. Да еще и голос Володи, бормотавшего с полным ртом «Колючи воды в ночных ключах, темны дороги во мглу. .», больше напоминал голос сказочного существа, поющего где-нибудь на камне над водой одно из старинных преданий своего народа, чем на человеческий... — И, если по рассеянности забыть, какой век идет, кухня могла бы оказаться чем угодно. — Пещерой, шалашом на берегу реки, сторожевой комнаткой в башне легендарного замка. Но Володя допевал и снова погружался в свои медитации, а я возвращался к листку бумаги.

Потом он поднял голову и посмотрел на меня.

— А может, узнать, что вы там пишете?

— Я нашел себе развлечение,— серьезно ответил я. — Слушаю рассказы вроде ваших и превращаю их в фантастические истории.

— А зачем!..

— Из озорства. Надо же чем-нибудь заниматься.

Да и любопытно, что получится.

— А тщеславие?

— Что — тщеславие?

— Участвует ли оно в ваших занятиях?

— Какое уж тут тщеславие. Хотя, впрочем, — да. Если это можно назвать тщеславием. — Видите ли, мой друг Армен, ссылаясь на некоего Павлика, который для него авторитет, утверждает, что на российской почве ничего фантастического написать нельзя. — И вот уж который месяц я пишу сплошное опровержение. «Сопт а А мепим». — Потому что действительность за меня...

— О! — промолвил Володя героическим голосом.

— Вы опровергаете его нашей кровью...

— Да. Вы против? — Но в мире так заведено и исключения редки...

—Вам надо было бы стать политиком..

— А то их без меня мало. Да и противно что-то «вершить»; лучше уж пусть меня свершают.

— Гм, — сказал мой гость с сомнением. — Меня иногда «свершали», по вашему слову,— но не могу сказать, что это было хорошо...

— Что меня в вас умиляет, дорогой друг, так это ваше умение перевести разговор из любого положения на странную историю...

— Ну, это не предмет моей гордости. Просто у меня жизнь, как вы верно сказали, «из любой темы» переходит в какое-либо дурацкое приключение..

— Итак? — спросил я, уже готовый к тому, что Володя сейчас начнет повествовать о каком-нибудь таком «приключении».

— Итак, — еще бокал крови. За здоровье вашего Армена.

— Володя, вы иногда начинаете говорить выспренно, и это вам не идет.

— Почему?

— Потому что мы живем в своем дурацком веке, а времена здоровой восторженности давно прожиты более счастливыми людьми. — Это они имели право на выспренность... — Вы же, при всем моем уважении к вам, все ж не сэр Вольдемар Безработный, а просто Володя. И потому я плохо понимаю иногда, что вы хотите сказать. Вот хотя бы сейчас. — То ли вы имеете в виду, что желали бы рассказать мне еще какую-то историю из вашего арсенала, то ли — что отыскали во мне задатки вампира...

— Ну, нет. Задатков вампира у вас никаких. Можете поверить моему опыту...

— Ради Бога, Володя! Уж не хотите ли вы поделиться своим опытом?

— Ну нет, — сказал Володя, и по голосу его я понял, что мы уже не дурачимся. — Я хотел рассказать вам кое-что другое.

Я хотел рассказать вам об одном из загадочнейших происшествий в моей жизни. Я называю его так не только по причине того, что на мою бедную голову обрушилось много невероятного; но и по другому поводу. — Дело в том, что меня все то время не оставляло ощущение, что я делаю рассчитанные кем-то шаги. С самого начала я это. не скажу, чтоб — понял, но — как-то смутно ощутил. — Понимаете?

— Что именно?

— Знакомо ли вам это ощущение? — Что-то происходит с вами, и вроде бы нормальное, но вы, — пусть едва-едва, — сознаете, что такого не должно быть. Что так не бывает. — Вот такое ощущение было у меня, когда я познакомился с Надей. — Нечто неправильное было в нашем знакомстве. — Спрашивается, почему столь восхитительная женщина стала чуть ли не вешаться мне на шею? Да еще где! — в электричке! ..— Когда мы и двух минут толком не побеседовали?

— Что ж, по-моему, это прекрасно. — То есть, насчет вашей женщины. И этому надо радоваться. Но сначала я.

— Конечно, — перебил меня чуть ли не возмущенно Володя, — конечно, прекрасно! .. Более того! Это восхитительно! Это словами не расскажешь! . — Я даже и сейчас, после всей этой истории, вспоминая те, первые минуты...

Тут Володя с размаху остановился, как бы потускнел, и продолжил уже обычным голосом:

— Конечно, этому надо радоваться. Да я и радовался. — Это действительно прекрасно. Я же не спорю. — Но ненормально. Восхитительных женщин на свете не так уж много, и бросаться на шею такому, как я, вряд ли кому-нибудь из них пришло бы в голову. — Кроме как с умыслом или по капризу...

— Вы самокритичны и трезвы в своих оценках; это хорошо, — заметил я несколько издевательски, — но, однако, вы не дали мне досказать. — А я все же хотел

бы сначала узнать, кто такая ваша Надя. А уже после того слушать тезисы о красивых женщинах..

— Погодите, сейчас расскажу. Кто она такая — я сам толком не пойму. Могу сказать точно только то, что уже сказал: она восхитительна. А познакомился я с ней в электричке. Вечером. — В таинственный, так сказать, вечер моей судьбы.— Уезжая из М-а, куда глаза глядят.. Скорее всего — так они и доглядели бы до конечной станции, если б я не повстречал тогда Надюшу.

А уезжал я из М-а, не прожив в нем и полгода.— Гонимый судьбой. — У меня начались серьезные неприятности с жильем. — У старушки моей, у которой я все время квартировал, объявилась родственница, — не то сестра, не то уж и не помню, — оставшаяся без дома. — Не знаю, была ли эта беспризорная родственница происком судьбы, — то есть моей, конечно, судьбы, — или просто случайным бедствием. Но моя хозяйка, естественно, приютила ее, и мне пришлось искать другую квартиру.

Я нашел ее довольно быстро. Но дня за два до моего вселения квартиру эту обокрали. — Причем, как я понял, не столько обокрали, — сколько повредили. — Зачем-то вспороли матрасы на кроватях, опрокинули шкаф (пришел в негодность), и так далее. Посуду почти всю подавили... — Хозяин, по его словам, долго задумывался, кто побывал в его квартире, — то ли чокнутые воры, то ли наемные вредители.

Но, кто бы там ни был, вселение мое, естественно, отменялось. — Пришлось искать еще. Опять нашел и несколько дней прожил там. — А потом случился пожар, довольно быстро затушили, и особых повреждений в доме не было, но кое-какие необходимые вещи он попортил. — Причину установить не удалось.

— Везет же вам...

— Исключительно. До того исключительно, что я даже подумал о своей несчастливой руке. — Все-то, казалось, во вред мне делается. С третьей квартиры я в этом убедился...

— Как, еще что-то?

— Ага. Но здесь злодеяние более мелкое и уж — почти наверняка — предназначалось для меня лично. Мне и в этом доме один день прожить удалось. День да ночь. А наутро остановился будильник. Решил его отремонтировать, пошел к столу, — нож взять или что

найду, — и. пол подо мной проломился! — новый пол! .. — с отчаянием выкрикнул Володя, — недавно перестилали! ..

— Ну-ну. Что вы так волнуетесь?

— А как бы вы на моем месте поступили? . — Дней за десять — три квартиры сменил, и все с приключениями. — Поневоле разволнуешься. — Хорошо, нога не пострадала. Только испугом и отделался. — А так до колена почти и провалился.. тьфу ты, пропасть!

— Да-а..

— Тут уж я почувствовал, что судьба меня из М-а выталкивает. — Прямо в шею. — Решил не противиться, собрал вещи, да и на вокзал. Сел на какую-то электричку, — ну, думаю, куда-нибудь доеду... — Замечательно, что чудеса меня и на вокзале догнали. — По бредовым каким-то соображениям к моей электричке плацкартный вагон прицепили! .. понимаете? .. — и ладно б еще в хвосте, а то где-то в середине состава...

Ну, конечно, в него я и сел. Отчасти — от отчаянья, отчасти из снобизма. Стою на лесенке, курю. Вот-вот тронемся... И тут на перроне появляется девушка, изумительной прямо-таки красоты. Идет быстро, — видно, что спешит, и озирается то на один путь, то на другой. — На обоих электрички стоят, и она, наверное, запуталась, на какую ей надо. Так и встала, не зная, куда кинуться. Ветер ее волосами играет. В руках у нее полиэтиленовый пакет, туго набитый...

— На дачу она, оказывается, ехала. У них в К — дача,— сообщил Володя, отвлекаясь.— А потому ей надо было на мою электричку. Но я, когда окликнул ее, этого не знал...

— Так это вы начали? .. — А говорите, она...

— Она,— убежденно сказал Володя. Но распространяться дальше на эту тему не стал, а продолжил:

— Электричка уже тронулась, но, как я говорил, в моем вагоне двери можно было открывать-закрывать по собственному желанию, а не по прихоти машиниста. — Потому я принял от девушки пакет (довольно-таки тяжелый), поставил его в тамбур, и едва успел поймать рукой неудачно вспрыгнувшую на ступеньку обладательницу пакета. Она чуть не сорвалась, я в последний момент ухватил ее за воротник рубашки. Грубо говоря, «за шкирку». — К сожалению.

— Почему — к сожалению? Надо было не поймать? ..

— Не язвите. «К сожалению» потому, что прекрасных женщин так по-дурацки не ловят. Я об этом сразу же подумал и едва от смущения не выпустил свою добычу обратно, за борт...

— Ну вот, — сказала она, спасенная и изрядно растрепанная. Застегиваясь и приводя себя в порядок. — Сколько ощущений!.. сколько утрат!..— я думала раньше, только в городской транспорт нужно садиться с приключениями...

— Добро пожаловать в наш гостеприимный поезд, — приветствовал я ее.

— Спасибо за гостеприимство. — Однако, куда направляется этот гостеприимный поезд? Я в К — попаду?

Когда я сознался, что понятия не имею, куда мы едем, она странно посмотрела на меня. Как и следовало ожидать. — Но, почему-то, не рассердилась.

— А если это не моя электричка? — За что ж я тогда страдала? — Вам не будет стыдно?

— Мне уже стыдно..

— Верю. — Но почему вы все-таки решили, что мне нужно сюда?

— Гм, — смущенно ответил я, — мне так показалось...

Она опять странно посмотрела на меня и ушла в другой вагон, — посмотреть, очевидно, расписание.

Несколько остановок прошло, а девушка все не возвращалась. — «Верно, узнала, что едет туда, куда надо, да и осталась там, в вагоне. — Что ей с сумасшедшим в тамбуре стоять. .» — уныло подумал я. — «Или, наоборот, узнала, что едет не туда, и вышла, может быть? . — Остановки уже были. . .»

Я, конечно, жалел, что она ушла. — Но заметил, однако, что пакет остался со мной в тамбуре. — «Значит, есть повод продолжить знакомство. .» — решил я, забрал пакет и только было направился на поиски моей прелестной попутчицы, как дверь отворилась и она вошла в мой тамбур...

.Она объявила мне, что я был прав, и мы еще несколько минут очень мило болтали. Потом молчали. Тоже очень мило и приятно. Потом — без всяких види-

мых на то причин — начали целоваться. Как бы само собой, словно так и должно быть. — Под дробный стук вагонных колес, в чужой мгле тамбура. — Словно бы в чужом доме. — Понимаете? — С восхитительным ощущением какой-то запретности, какой-то беззаконности.

А после, — и тоже как бы само собой, — вместе вышли в К-.

— Все это, конечно, — прервался Володя, — было странно. И, как я уже говорил, мне все казалось, что события развиваются по чьему-то чужому плану. Я превосходно это чувствовал, но шагая рядом с чудной девушкой к незнакомому поселку, к неизвестным событиям, слушая скрип известняка под ногой, легкое шуршание складок ее одежд. — Эх! — махнул рукой Володя.— Что тут распинаться! ..— Шел восторженно, куда она вела меня, нес ее тяжелый пакет и был счастлив, как человек, напившийся в приятной компании. И вовсе не желал противиться происходящему. Чей бы это замысел ни был — но пусть чудеса продолжаются.

— Прекрасное место, — сказал я, когда мы одолели небольшой подъем и увидели внизу маленький, уютный дачный поселок, с трех сторон окруженный деревьями. Слева, на подступах к поселку, текла река; легкий ветер качал камыши на берегу, и они покачивались, трепетно и загадочно, как юные танцовщицы блаженных непамятных времен.

— Просто удивительное место! — повторил я. — В таких местах могут жить только очаровательные и загадочные существа. Вроде вас. И я теперь не удивляюсь, отчего в городе почти не встречаются прекрасные женщины. — Они все живут в таких местах. — Мир недостоин их. (Видите? — добавил Володя. — Я глупел на глазах и молол вот такую вдохновенную чушь. — Да еще таким сладким тоном, что нарочно и повторить его не смогу. В моих словах было больше сахара, чем во всей стране, это несомненно. — Вот что она со мной делала. .)

Надя улыбнулась и взяла меня под руку.

— У вас слишком богатое воображение.

— Что вы! Напротив, я с унынием сознаю всю его нищету.

— Тогда льстивое. А что касается здешних мест, то я бываю здесь довольно редко и всегда удивляюсь им так же, как и вы.

— У вас здесь дача?

— Да. Почти в самом конце. Только мы здесь редко бываем. — Далеко, да и времени нет. — Но раз-два в месяц стараюсь вырваться...

— А не страшно? .. — Вечером-то.

— Ну, я же с вами.

— Гм, — сказал я, пройдя несколько шагов. — Ну, а если б я не подвернулся?

— Этого не могло быть, — сказала она убежденно. — Кто бы нес тогда мой пакет?

...Да, пакет был действительно тяжелый. Я посмотрел на пакет и склонил голову.

— Вы что? — испуганно спросила Надя.

— Кланяюсь вашему пакету. За доставленное мне счастье нести его туда, куда прикажет хозяйка...

Надя рассмеялась и легонько ущипнула меня за руку.

— А говорите, воображение не льстивое...

— Гм, — произнес я от смущения и перевел разговор на другое. — А что это там, за рекой, огонек какой-то мерцает?

— О-о... — сказала она притворно-зловещим голосом. — Это предмет жутких легенд и тайной гордости нашего поселка. — У других тарелки есть или еще что-нибудь такое, а у нас — этот огонь. — Вроде как тарелка местного масштаба.. — А кстати, как вы относитесь к тарелкам?

— А как нужно к ним относиться? — Посуда и посуда. Только что металлическая. Как в армии.

— Нет, а серьезно?

— А серьезно вообще не отношусь. В худшем случае — это демоны, а вероятней всего — выдумки наиболее тщеславных сограждан...

— Да. Я дома тоже так говорю, а на меня глядят, как на еретичку... — Ну, а что до этого огня, — говорят, что он здесь с давних-давних времен. Вроде бы там, где река утекает в ту вон рощу, — стоит какой-то таинственный дом, и свет из него идет. — Вроде бы кто-то доходил туда, видел этот дом, но обратно не приходил. — Как вы понимаете, говорят люди, которые никакого дома не видели. — Такая вот легенда про свет. — Темный какой-то, ненастоящий это свет... — Ну, и живут вроде бы в этом доме непонятно кто, но на людей не похожие. Вроде бы кого-то из них видели в той роще... — Но, естественно, никто из рассказыва-

ющих в ней не бывал. Местные дачники и говорят-то это лишь шепотом, да и то нечасто...

— Интересная история...

— Я же и говорю, — местная достопримечательность. Но должна вас разочаровать, ничего в этой роще нет. Она заболочена, и никаких домов. Ни жителей..

— А вы откуда знаете?

— Я там была однажды. Пошла на огонь, пока не забрела в рощу...

— Зачем?..

— От любопытства.

— Женщины делают от любопытства больше героических дел, чем мужчины... от героизма. И, видимо, вообще больше, чем мужчины. . — Но зачем женщине столько любопытства?..

— Что? Что вы говорите?

— Прошу прощения. Это я задумался, и зачем-то вслух. — И не страшно вам в таком таинственном поселке?..

— Я же с вами...

— Ах, да. — Прошу прощения еще раз. — Это я должен говорить, что мне не страшно, потому что я с вами...

Тем временем мы уже шли по поселку, продолжая разговаривать примерно в таком же духе. В поселке было тихо, во многих домах окна были темны, лишь в кое-каких — пробивалось из-за прикрытых ставень слабое свечение.

— Что-то людей не видать... А ведь лето.

— Да, в последнее время меньше народу стало.

— А впрочем, вон кто-то идет...

Надя обернулась вправо, следуя за моим жестом, и всмотрелась в темноту.

. К нам подошла со стороны реки женщина в темной длинной одежде. Пока она приближалась, откуда-то взялась на небе туча и затемнила луну. — А может, уже было темно, только я не отметил этого. — Женщина остановилась в нескольких шагах от нас. Лица ее не было видно, но по походке, по движениям чувствовалось, что она молода. Немного, пожалуй, постарше Нади. В руках у женщины было ведро, она, видимо, ходила куда-то по своим хозяйственным делам.

— Здравствуй, Надя. Здравствуйте... — приветствовала женщина нас. Голос у нее был глубокий, внятный,

— Здравствуй.

— Приехала-таки?

— Как видишь.

— Что ж, добро пожаловать, добро пожаловать. — К нам не зайдете?

— Зайдем... — голос Нади слегка дрогнул, и мне показалось, что она чем-то смущена. — Чуть позже, хорошо?

— Лучше бы сейчас. А то потом — дела есть...

— Нет, мы чуть-чуть позднее. Хорошо? .. — Обязательно зайдем. Надо ж хоть в дом забежать, проверить. — Ага? .. — Надя говорила так, как будто оправдывалась, и это меня озадачило.

— Что это за женщина такая? Кто она для Нади? ..

Когда мы, идя дальше, поравнялись с женщиной, стоящей на обочине дороги, она еще раз окликнула мою спутницу.

— Надя, — сказала она, и мне почему-то почудилась злая нотка в ее голосе.— Ты только не забудь, что я спешу...

— Да, да. — тихо ответила Надя и потянула меня за руку вперед.

— Кто это? .. — спросил я, когда Надюша рылась в пакете, отыскивая ключи и отпирая дверь.

— Это? — А... — Это моя хорошая знакомая. Можно сказать, подруга. Они тут с мужем живут. Она почти безвылазно, а муж после работы приезжает почти каждый день. Хозяйство тут у них небольшое.

— А куда это она звала вас?

— Не меня, а нас. Даже скорее — вас. — К себе звала, в гости. Увидела незнакомого человека, и любопытно ей стало. — Кто, да что. Она тут не много людей видит, а любопытна ужасно. — Что вы там говорили о женском любопытстве?

— А куда она спешит?

— А,— отмахнулась Надя, щелкнув выключателем в коридоре и открывая дверь в комнату,— никуда она не спешит! Я же говорю, — любопытна слишком...

— Гм, — сказал я. — Я говорил вам, что в этих краях могут жить только прелестные женщины. Но, оказывается, тут, кроме не в меру прелестных, живут еще и не в меру любопытные.

— О, это все может быть в одной женщине. — Она ведь очень красива. — Вы не заметили?

— Нет. Темно.

— Напрасно. Ну, да у вас еще будет возможность.

— А отказаться нельзя?

— Что? Вам не хочется посмотреть на красивую женщину?

— Я только этим весь вечер и занимаюсь. Но, однако...

— Что — «однако»?

— Куда положить ваш пакет?

— О, боги... Да бросьте здесь, у дивана, что ли... — Так что — «однако»?

— Однако, я не люблю. нет, не так, конечно, но — теряюсь, когда их сразу много. — Нельзя видеть одновременно даже двух прекрасных женщин. — Это как будто два фильма одновременно смотреть. — Вдвойне притупляется чувство реальности.

— Слушайте, почему вы мне так упорно льстите? Весь вечер? . — Нет, вы ответьте. вы ответьте. . почему. . почему.

— Я сейчас приду, — шепотом сказала она. — Подожди...

..Шаги ее мягко прокатились по комнате, потом по веранде и стихли. Я остался ждать.

«Интересно, который теперь час? ..» — подумал я, когда мне показалось, что Нади долго нет. — «Около полуночи, наверное. .»

Я посмотрел в окно. Огород и небольшой садик, уходящие к реке, хорошо были видны при лунном свете, и казались четкими и недвижными, словно залитые бледным воском. — Да, наверное, около полуночи. Оцепенение нападает на мир.

Еще немного посидев, я вышел на веранду, сел в плетеное кресло и закурил. На дворе опять было темно, вновь какая-то туча наплыла на луну. Поднимался ветер, и листва шелестела, плескала, шепталась, — по-ночному, сумбурно и боязливо. — Нади не было, наверное, уже с полчаса..

. Но, несмотря на томительность ожидания, в груди моей — в душе — везде, везде, — и вокруг меня тоже, — пели невидимые скрипки и нежно веяли крылами добрые духи. — Судьба, казалось, подарила мне праздник, словно бы в награду за прежние мучения. «Какая женщина! Какая восхитительная женщина! .» — повторял я без конца. В тот миг я, как никогда, жалел, что умею только читать стихи, а не писать.— Какие бы гимны я отпустил сейчас, — на все четыре

стороны ночи! — Но я не умел сочинять свои, мне приходилось твердить чужие. «Сиреневый сумрак. Деревья шумят на ветру. Трава молодая свежа и не помнит о зное... И важно гуляет по ней, — словно кот по ковру, — беспечная женщина, гибкое пламя ночное. . — Нежны ее руки. И дышит весною она. Раскроются губы, навстречу моим расцветая...»

«А каким запахом веет от нее, боже ты мой!.. цветы? духи? чудо? .» — Я вновь и вновь нюхал свои руки, укравшие часть этого запаха. — Мне казалось, что они так будут пахнуть всегда...

«Раскроются губы, навстречу моим расцветая... И, дрогнув поет под рукою живая волна. В траву опадает, и манит, и тает, не тая...»

«Однако, где же она? Куда она — так надолго? .»

«А дальше! . — петь, кричать о мягкой меди.. Изгибах уст, мерцании волос. . — Но беден мой язык, и мир мой беден, и нету слов к тому, что пронеслось. К тому, что. .» — Нет, не то. — «Имя любимое выплесну в воздух ночной... — Ах, как священно несет его дымчатый воздух. .»

«А не пошла ли она в гости? К этой...»

Я до того замечтался, что не сразу и сообразил: на веранду поднялся человек и стоит передо мной.

— Вы кто? — настороженно спросил я, заметив его. — Что вам нужно?

—Надежда здесь? — вместо ответа спросил он.

— Нет. Вышла — вроде бы, сказала, что ненадолго, — а уж где-то с час, как нету.

— А-а. — протянул он понимающе. — Купаться, значит, пошла. На реку.

— Купаться? .

— Да. Она любит по ночам купаться. Надо бы пойти ее поискать... — Он немного помолчал. — Ну что ж, пойду. Да, а вы-то кто? — Художник? Поэт?

— Фотограф.

— Ну вот. И фотографы в нашем полку. Ну, ладно...

— Простите, а кто вы? . — Я имею в виду, если она без вас вернется..

— Скажите, что супруг заявлялся. Павел. Не нашел ее и уехал. — Передавал привет и очень извинялся, что не встретились. — Дела!

И он убрел по направлению к камышам, а я, рази-

нув рот, глядел ему вслед. — Кошмар какой! . Муж! Она замужем! ..

«Ну, и что здесь невероятного? . Я ведь не спрашивал ее о семейном положении.— Да, но что за странный муж? В его доме среди ночи мужик сидит, а он передает привет и уходит. . — Хоть бы для приличия спросил, что я тут делаю. . .»

«— Погоди, — подумалось мне, — может, еще и вернется. Может, он гнев пошел копить. . . А потом вернется. да как спросит! . .»

Положение было дурацким. Я не знал, что нужно делать. Все мое праздничное настроение мгновенно исчезло. В висках тяжело стучало, в голове шумело. — «Что вправду делать? Ждать? Бежать? — Да куда бежать из незнакомого места? . .»

«Куда угодно. а то стыдно, право же, стыдно. . . Ну надо же так. . — Нет, бежать. . . в темноту. . — Великая мгла уворует след. Великая мгла уворует след. .»

И тут, Костя, я почувствовал, что последние слова не принадлежат мне. Что это — чужое. . . Как будто со мной заговорил невидимый голос. Вы ведь помните, у меня уже были неприятности с подобными голосами. Неужто они вновь вернулись? — Мгновенно, не успев даже осознать своих действий, я резко пригнулся, прыгнул с кресла вперед, с веранды, побежал к реке. . .

Заскочив в камыш, я немного одумался. — В конце концов, что случилось? . .— Мне могло и померещиться. А я уж невесть что вообразил. — Да тем более, я всегда сомневался, не галлюцинации ли мои голоса. — Немного постояв, я уже намерился повернуть обратно. и почувствовал, как меня обняли сзади мокрые руки и ко мне прижалось мягкое, прохладное тело.

— У — вскрикнул я.

— Тише. . . не бойся. это же я.

— Надя?!

— Тихо. . . тихо. . — она зажала мне рот ладошкой. — Сюда.

Мы свернули с дороги и осторожно, стараясь не шуметь, отправились в камыши. Она шла сзади, легонько подталкивая меня.

— Надя, — шепотом сказал я, — ты знаешь. . .

— Тихо. тихо. . . — прервала она меня. — Не шуми. . — Все. Пришли.

Я только хотел повернуться и спросить, куда она меня привела, как внезапно почувствовал: это не она. — Но повернуться мне не удалось: руки обвили крепко мою шею... ноги оплелись вокруг меня, она навалилась, прижимаясь всем телом и... — о, ужас! .. — я упал на четвереньки, и, еще не успев ни сбросить ее, ни сойти с ума, ни даже закричать, — уже мягкими прыжками несся через камыши, во тьму, увозя неизвестно куда свою проклятую наездницу, слыша ее зловещий хохот...

Долго ли и где мы скакали, — не помню. — Мы мчались, и над нами неслось небо; луна то взмывала вверх, то — и по головокружительной кривой — стремительно падала вниз, и светилась где-то впереди, словно указующий огонь для нас; тучи мчались над головой бешеными скачками, — и мне все казалось, что я вижу мгновенно появляющиеся и тут же пропадающие у них лапы... крылья... хвосты. Ветер наждачной бумагой проезжал по коже; луна все взлетала и падала, и огонь впереди приближался...

...Когда мне начало казаться, что вот-вот все силы уйдут из меня, — наездница моя, вновь захохотав, прыгнула на всем скаку куда-то влево и пропала в темноте... Отброшенный толчком, я перекувыркнулся, прокатился по земле, ударился о дерево и, видимо, на несколько минут перестал соображать, где я и что со мной. А когда начал соображать вновь, быстро понял, в чем дело: я стоял по колено в холодной воде, опираясь о дерево, а вокруг было еще много деревьев... — Целая роща. — И впереди, шагах в ста, из-за деревьев плыл ко мне большой, темный, загадочный луч света... Он метил стволы деревьев, тянул широкой полоской по воде прямо к моим ногам и словно бы звал в дорогу... И я пошел.

«Да это же тот самый свет! .. — Из местной легенды... А Надя говорила...» — дальше я не успел додумать, потому что деревья словно бы слегка раздались, освобождая пространство для света, который стал ярче, сильнее, поглотил все вокруг себя... — И я вошел прямо в него, невольно зажмурившись. А когда открыл глаза, то увидел себя на пороге большой комнаты.

Странная это была комната. Она одновременно производила впечатление и жилой, и нежилой. — По пери-

метру, вдоль высокого потолка (метров пять, не меньше!) вились густые пряди паутины, собираясь в углах в огромные пыльные мотки. Единственное окно тоже было украшено разорванными пучками паутины; на подоконнике — засохшая грязь, какая-то трава... Неприглядный вид.

Но при этом пол и то, что нужно назвать «мебелью», были чисты. — Пол, впрочем, гнилой, в нескольких местах покрытый большими пятнами плесени. Но там, где плесени не было — чистый. Что же касается «мебели», то о ней нужно сказать вот что. Посередине комнаты стоял большой дощатый стол, вокруг него — как стулья — располагались несколько пней. В левом от входа углу помещалось нечто деревянное, напоминающее обычное человеческое ложе... Все это указывало на то, что дом обжит, но хозяин (хозяева? .) его живут бедно и очень странно...

«Может, бомжи?.. — Но все равно, — в таком месте.. Нет, не должно быть...» — мельнуло у меня в голове. — И тут я вспомнил. вспомнил, как и в качестве кого — я сюда попал..

Я инстинктивно отпрыгнул (точно на меня уже кто-то нападал!..) вправо, прижался к стене и пугливо огляделся. — Никого.. ничего. ни звука. . — Потемневшие — от времени и небрежения — стены, паутина... тишина... И за дверью (то есть, за порогом; я до сих пор не знаю, была ли у этого дома дверь) — тоже тишина... тишина и темнота.

«Значит, моей всадницы здесь нет. Значит, ей что-то помешало. кто знает, что именно. — и она просто бросила меня, где пришлось. а пришлось почему-то в этом месте. Если б это было не так, она давно бы явилась сюда...»

Так сказал мне здравый смысл. (— Если, конечно, называть это здравым смыслом, — прервался Володя, вежливо кивнув мне. Я кивнул ему в ответ, предлагая продолжать...)

— Итак, я немного успокоился. Мне этот дом даже показался убежищем, которое досталось мне просто по счастливой случайности. — Да и то сказать: может в жизни человека хоть когда-либо выдаться счастливая случайность?

— Думаю, что да. Теоретически.. — ответил я Володе.

— И я думаю. Хотя на мою долю, кажется, таковых

еще по-настоящему не выпадало. — Но тогда я решил немного передохнуть, сел на пень, локти на стол, ладони в подбородок, — и только тут почувствовал страшную усталость. — Немудрено: столько проехать!

Однако, я все хотел понять, что же случилось? Кто это скакал на мне? . — Разум мой отказывался принять за реальность это ужасное событие. — Сказочное, и, прямо скажем, не из хорошей сказки... — Со мной случались уже сказочные события, вы помните; но события не из такой примитивной сказки. — Надо ж, ведьмы катаются на людях! . Хома Брут умер, а дело его живет! И это в двадцатый-то век! .

И, если все ж признать эту сказку(а очень реально говорили за это ноющие руки и ноги) — то кто ж тогда ездил на мне? . — То, что это не Надя, я еще тогда почувствовал; но кто же? .. — Я видел в этом поселке еще только одну женщину. Впрочем, это вовсе не значило, что здесь больше нет других. А что касается этой, то она очень любопытна, и голос у нее злобноватый...

«Да, но это вовсе не специальные признаки ведьмы. Да и чего б она в камышах сидела? — От мужа хоронится, что ли? Нет, вздор какой, это не она... Но кто? . .»

«Не забивай голову, — сказал я сам себе. — Узнаешь потом, в конце этой истории... если. .» — А в том, что я попал опять в дурацкую историю, у меня уже сомнений не оставалось...

Странно, но на некоторое время я позабыл о Наде. И тем более — о ее муже. — Я лихорадочно соображал, что меня ждет в близком (быть может, очень близком) будущем и как мне подостойней приготовиться неизвестно к чему...

«Эх-х! Сейчас бы выпить чего-нибудь... покрепче. .» — проговорил я вслух.

— Рекомендую коньяк, — произнес тонкий, бесстрастный голос (я сразу же — и почему-то обрадованно! — решил, что спятил). — На столе стоит...

...И верно! . — На столе, почти посередине, стояла бутылка коньяка со стаканом, надетым на горлышко. — Неужто здесь и была? Почему ж я ее сразу не заметил? . . — Но, однако...

— Кто это говорит?

— Это я.

— Кто — я? .. Не вижу...

— Неправда, — ответил бесстрастный голос, — видишь. — Это я, бутылка...

— Этого не может быть, — сказал я. Без особой уверенности.

— Не буду спорить, — согласилась покладистая емкость. — Думай тогда, что сам с собой разговариваешь на два голоса. Что у тебя шизофрения...

— У тебя. . — неизвестно почему обиделся я.

— Вот видишь, ты признаешь меня... А вообще, — доверительно сообщила она, — у меня не может быть шизофрении...

...Да. Шизофрения, несомненно, была у меня. И уже, видимо, с полгода. — Теперь я понял, что со мной! И мне сразу стало легче. — Собственное сумасшествие лучше, чем происки нечистых сил...

«Вылечат. Поваляюсь в больнице... — А вообще-то, говорят, тихую не лечат. Только буйную. . — А у меня какая? ..»

Я стал вспоминать и через некоторое время, припомнив кое-какие свои приключения в недавном прошлом, с облегчением уверился, что признаки буйства у меня были.

Итак, я, допустим, был болен. — Но тогда оставалось непонятным, как моя шизофрения исхитрилась придумать такую странную обстановку... — Ибо комната вокруг меня оставалась той же, что и была до моих психоаналитических изысканий. Я еще раз осмотрелся и сообразил, что никакого источника света в доме не нахожу... хотя в доме было светло. Не светло, — как бы сумерки царили здесь, — вот таким был этот свет, исходящий ниоткуда.— Быть может, светился сам воздух...

Наверное, так и было. Потому что я, расхаживая по дому, не видел своей тени. Стол, пни, ложе также не отбрасывали ее. Все было равномерно освещено. За исключением.

. Плесень на полу оказалась вовсе не плесенью, а каким-то пятном, более светлым, чем остальной пол. Словно бы некий бледный свет выходил чуть заметно из-под земли. . — О-о! — оглянувшись (я вспомнил, что сзади меня, у входной стены, видел еще одно пятно) — я увидел, что там пятно другое. — Оно было какого-то мутно-зеленого цвета, с прожилками салатного и грязно-синего. Это пятно, казалось, чуть колебалось (точно бы внутри его тихонько шевелилось нечто

живое), и я, глядя на него, ощущал смутную угрозу... опасность...

— Что это? . — недоуменно спросил я. видимо, у бутылки. Ибо не у кого больше было спрашивать. — Но бутылка молчала, как ей и положено.

«Ну, точно помешательство. — Однако ж, — в неудобном месте оно меня застало! .»

Я стоял у бледного пятна. Что бы оно могло из себя представлять? Вид у него был необычный... необычный даже для такой странной обстановки. — Казалось, площадь пятна накрыта матовым стеклом или тусклым льдом, под которым — где-то внизу, на непомерной глубине, — горит и посылает бледный свет в комнату огромная свеча. — Я вытащил из коробки спичку и осторожно ковырнул то, что по виду походило на лед. — Земля. на ощупь — земля.

— Вы, может быть, спросите, как я осмелился копаться в этом пятне? — перебил себя Володя. — В таком доме, при таких обстоятельствах... — Знаете ли, как ни странно, это пятно казалось мне наименее опасным местом в доме. — Чутье говорило, что это так.

Однако, я не хочу сказать, что место сие было оазисом добра в недобром доме. Нет. — Я просто чувствовал, что оно неопасно именно для меня. — Я не знал, почему это так, но знал, что это так. Извините за косность слов, я опять вспомнил все так, как будто только что было.

. Мрачная и величественная картина увиделась мне, когда я (повинуясь какому-то наитью) положил ладонь на бледную землю. Впрочем, картина эта была довольно смутна, — и по смыслу, и для взора. — Все было как бы в серой мгле. — Вполоборота ко мне, ногами на бледном, тяжело зыблющемся холме, — стоял высокий темноволосый человек в длинных одеждах. При виде его мне стало жарко. Точно кровь потекла быстрее по жилам. Черты его лица были точеными и точными, как у статуи, глаза (на мгновение ясно и четко я увидел их выражение) глядели вниз, под ноги человека, на колыхающийся бледный холм. — Внезапно я понял, что это не холм, а какой-то распростертый на земле, поверженный высоким человеком враг, невиданное чудовище неизвестных времен... — Глаза человека глядели на врага, и они были спокойны и беспощадны... А вокруг клубилась мгла, точно бы дым выплы-

вал из-под ног человека, из трещин и скважин земли, и сплетал воздух в одну огромную, серую тучу...

Я ничего не понимал в увиденном. Одно было ясно: пред моими глазами — один из тех великих, о славе которых не осталось даже сказки уже к тем временам, когда на земле с ужасом произносились имена их бледных и ничтожных подобий, Саргонов и Ассурнацирапалов. . — Это было понятно мне... но почему? Откуда я мог взять это понимание?

...И вот, один из великих царей до-сказочной древности стоял теперь видением передо мной. — Правой руки его не было видно, ее скрывал плащ (мантия? ..). Но левая рука была вытянута вперед и чуть опущена; она словно бы простирала ладонь над огромным телом бледного чудовища... Плащ тянулся за рукою и колыхался на ветру, как огромное темное крыло... Ясно и четко услышал я напевные слова заклинания и с удивлением сообразил, что я понимаю невероятный, почти нечеловеческий язык, на котором оно было произнесено. — Человек говорил, а бледная масса, которую он попирал ногами, колыхалась все медленней, спокойней, монотонней, — словно бы тело одеревеневало или засыпало... Так, наверное, и было; но к тому же оно меняло очертания, оно уменьшалось, съеживалось, словно бы таяло... Я напряг глаза. — На земле теперь лежала мерцающая бледная полоска.. меч... Я знал, что это — меч...

Человек поглядел на меч, чуть обернул голову назад и сделал повелительный знак рукой.— Рослый, крепкий воин в черном плаще вышел из мглы к царю, подталкиваемый в спину двумя другими. По знаку царя, они остановили его, и один, выдернув из ножен длинный кинжал, резким движением за спиной воина сделав что-то... — «Разрезал веревки.. — понял я. — Это пленник. . Впрочем, нет, — он так же одет, как и те два. . — Скорей, провинившийся... Но чего от него хотят? ..»

«— Может, новым мечом зарубят? ..» — пришла догадка. — Но случилось другое.

...Освобожденный, выслушав приказ царя, склонился перед ним, развернулся, протянул руку к мечу, мерцающему на земле. Глаза мои на долю секунды ослепила вспышка, я плохо видел, как все произошло.. — Меч остался лежать на земле, крупные темные пятна на нем быстро таяли,— и я догадался, что

это кровь впитывается в меч... — А по обе стороны от меча лежали две чисто разрезанные половинки того, что мгновение назад было воином...

Царь одобрительно кивнул головой, нагнулся и поднял меч. Повинуясь новому жесту, еще один воин, вынырнувший из мглы, поднес к царю большую круглую шкатулку. Царь указал острием меча на землю, и воин опустил шкатулку в указанное место (видимо, в готовую уже яму; во мгле я не видел точно). — Царь неспешно подошел к яме, очертил мечом вокруг нее... почему-то не круг, как бы следовало ожидать, а нечто вроде звезды или подобной фигуры, — и я увидел, что земля под мечом обвалилась, засыпая яму..

...Он недвижно наблюдал за сыплющейся землей. Затем, наклонившись, медленно вознил меч в землю над шкатулкой. — Так, что даже рукоять полностью ушла в землю... — Опять выпрямился. Простер над ямой левую руку, напевно сказал что-то вроде «Стереги это. До срока». — Потом, развернувшись, медленно пошел от ямы, и мгла, в которую он шагнул, сгустилась и покрыла его, оборвав мое видение...

...Я почувствовал, что весь мокрый от холодного пота. К таким картинам человек современного мира не слишком приспособлен; у меня подгибались ноги, и я сел прямо у пятна. — Как хорошо, что опасность мне не угрожала... но однако же... ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ?!! — Я ожесточенно начал тереть глаза, чтобы убедиться, что мне не мерещится: из бледной земли, на расстоянии вытянутой руки, торчала рукоятка меча...

«Так вот к чему было видение!..» — блеснула догадка. — «Этот меч предназначался мне... Потому и видение... потому я и чувствовал, что опасность мне не угрожает... Это мой меч...»

...Я даже знал, как взять его. Однако, мне было страшно. Что это за меч? Для чего он?.. — Я брал уже однажды непонятную для меня вещь, и это плохо кончилось. — Сейчас мне предлагалось забрать предмет, не более понятный для меня, чем тот, прошлый... — Какие беды принесет мне это приобретение?

Рукоятка торчала из земли, чуть поблескивая, а я сидел и думал.— Несомненно, меч этот проделал для меня путь из неизмеримых глубин к поверхности земли; но почему именно для меня?.. Кто я такой?..— Или мне на роду написано владеть этим мечом?..— Но за-

чем он мне? И потом — почему именно здесь он ожидал меня? .. Откуда было известно, что я окажусь здесь? .. — Или те неведомые силы, которые, по моим подозрениям, рассчитывали за меня мои действия, — упорно вели меня сюда, к этому мечу? ..

Я долго так раздумывал, пока, наконец, не решился. Будь что будет. Кто знает, что еще ждет меня сегодня? Если вспомнить, с чего начинался путь к этому дому. . — Кто знает, где сейчас моя всадница и кто она... или что... — Меч же и есть меч, и вряд ли он мне в таком месте помешает...

Я встал и, протянув левую руку — раскрытой ладонью над рукоятью, — медленно произнес, повинуясь чутью, подсказывавшему мне слова:

— Отзовись... поднимись из глубин... — бледным пламенем, древним оружьем... — Призывает тебя господин, поднимает к обещанной службе.. Верный меч,— пробудись на войну... как повелено словом великим... Вещий ключ, — отвори глубину... возврати достоянье владыки...

Я не очень понимал смысл произносимых слов, но результат был налицо: в мою протянутую руку удобно улеглась холодная рукоятка длинного, обоюдоострого, узкого меча...

Он был не тяжел для моей руки, бледен и холоден. Никаких пометок, насечек не было на нем; гладкий, бледный... металл? — Нет, конечно. Материал меча, плоть чудовища из видения, — определить было невозможно. — Я глядел на свое оружие и ощущал, что лед его рукоятки не равномерно холодит ладонь, а словно бы мелко, дробно колеблется, дрожит в ладони... — Точно бы ток пробегал по моему мечу, и я ясно понимал, что у меня в руке — живое существо, затаившееся, подобравшееся для мгновенного действия, рывка, удара.. Страшная сила ощущалась в нем, страшная... и покорная мне. — Вновь и вновь терзала меня навязчивая мысль, — разгадать, почему она покорна мне, кто я такой, — но я всеми силами старался отогнать эту мысль, боясь растерять последние остатки разума.

«Ну, что ж... — философски рассудил я в конце концов.— Был без меча, буду с мечом...»

Правда, я не знал, что с ним делать. И как обращаться. Как вы понимаете, никогда не предполагал, что мне понадобится в жизни искусство владения мечом, и потому нигде не пытался обучиться этому искус-

ству... И еще мне было непонятно: почему вышел только меч?..— Я начертил на земле знак, подсказанный мне чутьем, и несколько раз предложил мечу вернуть охраняемое им «достоянье владыки», но шкатулка (думаю, именно она и была обещанным «достоянием») не вышла.— Наверное (я вспомнил видение), «срок» для нее еще не настал...

Ну что ж.— Теперь мне ясно было, что я нахожусь в месте не просто необычном, а по-настоящему невероятном.— В сказочном, легендарном, невозможном,— сколько еще каких слов можно было подобрать для него, и все будет мало. Так теперь я думал.— И что еще другое можно было думать человеку, недавно работавшему лошадью для. ведьмы, человеку, стоящему в странной, самосветящейся комнате; человеку, державшему в руках меч из древнего тайника, который к тому же не меч, а — и сказать нельзя, что такое.— И все это вместе, сразу, за ничтожный отрезок времени!..

Итак, я по-прежнему не понимал смысл происходящего со мной, но теперь не было никаких сомнений, что все это очень серьезно. Ибо я давно — и на горьком опыте! — усвоил правило, истинное для всех странных историй: чем больше непонятных событий происходит с тобой за короткое время,— тем серьезней история, в которую ты влип. И — добавлю — тем меньше у тебя надежд догадаться о смысле ее заранее, до окончания всех предназначенных тебе несчастий...

Надо сказать, дорогой Костя, что вторая часть правила почему-то плохо усваивается.— В каждом случае надеешься на то, что из этого правила должны быть исключения. И к тому же — что исключение как раз сейчас тебе и дано..

.Это я все говорю не из желания порассуждать на «общие темы».— Я помню, что вы не любите подобных рассуждений. Нет, это я замечаю к тому, что сразу же, вспомнив правило, бросился нарушать его вторую часть.— То есть, применительно к моему случаю, направился к другому пятну. К зеленому.— В надежде, что и это пятно мне что-нибудь расскажет, а то и выдаст на руки, как бледное. Однако я не успел ни ступить на него, ни прикоснуться к нему; на пороге, из темноты и тишины, внезапно возник человеческий си-

луэт; еще мгновение — и женщина, качнувшаяся было ко мне, застыла на месте и отчаянно закричала:

— Стой!!! Стой! ..

— Надя?

— Стой! .. Назад! ..

Голос ее заставил меня не то что отойти, а отпрыгнуть от зеленого пятна,— так, как будто это было не пятно, а по меньшей мере яма со змеями. Я отпрыгнул и, оступившись, упал на землю. Надя бросилась ко мне.

— Ты жив? ..

— Сейчас подумаю. .— Да. Жив и вроде бы даже невредим...

— Ох...— и она, словно обессилев, села на землю рядом со мной, у стены, слегка откинув голову и полузакрыв глаза...

Я присел рядом с ней, ничего не соображая.— Что она тут делает? Как она здесь очутилась? Что ее так перепугало?

Надя открыла глаза.

— Ты с ума сошел...

— Почему?

— В этом доме ни к чему нельзя прикасаться. Ни к чему! .. Ты был на волосок от гибели...

— Постой, постой...— Все перемешалось у меня в голове. Множество сведений, огромное количество вопросов, которые следовало задать немедленно... И потому я не знал, что сказать.

— Как ты сюда попала? ..

— Как, как.— Так же, как и ты...— сказала она, и в голосе ее слышались сразу и остатки неподдельного испуга, и сердитые нотки, и какая-то уже игривая ворчливость.

— Ну, это вряд ли. — усмехнувшись, сказал я, и тут... и тут опять почувствовал, как холодный пот прошиб меня.— А что, если она не шутит? А что, если... если...

— А ну, подробней, пожалуйста...— промолвил я недобро...

— Что? о чем? ..— недоуменно спросила она.

— Подробней, пожалуйста.— О том, как сюда попала. О способе передвижения... и так далее...

— Что с тобой?

— Со мной много чего.— Но отвечай, мне очень нужно это знать...

Она пожала плечами.

— Ну, если это вправду так тебе интересно, то пожалуйста.— Шла себе на свет. Шла-шла и пришла. И нашла тебя здесь, как и думала...

— Как и думала? А с чего ты решила, что я непременно здесь? ..

— А где еще быть человеку, если его больше нигде нет? .— Ни дома, ни в нормальных местах? ..— Где же еще искать, как не здесь?

— Гм. Ну, ладно. Мне, предположим, больше нечего делать, кроме как шататься по таким местам, и ты об этом догадалась. Но зачем ты меня обманула тогда? ..

— То есть?

— Ты говорила, что здесь ничего нет.— Просто роща, да и все...

— А что я тебе должна была говорить? .— Я сама не знаю, что здесь такое. Знаю только, что ничего хорошего здесь быть не может, и все.— Как тебе объяснить про то, что не знаю?

.Верно. Мне стало немного стыдно.— Что я, действительно, привязался к своей милой подруге?

— А то, что тебе вздумается проверять мои слова на практике,— мне тогда и в голову не приходило...

— Мне тоже,— смущенно сказал я, обнимая обретенную Надю. Но так получилось. Меня вообще нельзя оставлять одного, вечно со мной что-нибудь случается.— Куда ты ушла тогда?

— Какой любопытный...— Пусть это будет военная тайна, ага? — Единственное, что я вовсе не собиралась задерживаться. Это произошло по независящим от меня причинам.

— Да! ..— вспомнил я.— Тебя муж нашел?

— Чей? ..— изумленно спросила она.

Боже, боже! .— Мне показалось в тот момент, что из-под меня уплывает земля...

— Надя! — ТВОЙ МУЖ. Он спросил, где ты, кто я, и так далее, — и ушел к реке. Тебя искать. — Что ты меня разыгрываешь?

— Володя, я ничего не понимаю.— Никакие мужья меня не искали, да я и не была на реке.— Ты или сошел с ума, или тебя обманули. Нету у меня никакого мужа...

— Да как это нету? Как это — нету?!! (Я возму-

щался неизвестно зачем, наверное, просто от непонимания).— Он же сказал мне, что.

— Значит, врет. Или он, или ты. Скорей всего, как мне кажется, ты. Оставь меня в покое со своими мужьями.— Нету, еще раз говорю. И никогда не было. Клянусь своей дачей.— И вообще, если хочешь знать, то я. .— Надя остановилась и, махнув рукой, рассмеялась.— Прекратим этот разговор...

.Странность сегодняшних событий все усложнялась, а я и так давно уже ничего не понимал.— Значит, не муж. А чего ему тогда было нужно? ..— Разные предположения мелькали в голове.— Шутник. Жулик. Сволочь. .— Кто еще может быть? ..— Я даже подумал — в порядке бреда (а что было тогда не бредом?) — не этот ли мужик оседлал меня? — Ведь он-то в камыши ушел. .— Правда, не очень в это верилось, да и о такой практике я не слыхал.

.Я, положившись в конце концов на то, что Надя не слишком перепугается, рассказал ей всю свою историю. Начиная от того, как вышел из дома и сел на веранде, и закончив тем, что галопом прибыл в рощу, потерял седока и — не разбирая что к чему, просто от обалдения — вошел сюда...

— Кошмар какой,— сказала она, выслушав меня.— У меня фантазия буйная, но до твоей очень далеко...— Впрочем, я тебе весь вечер об этом говорила.— Неудивительно, что тебя занесло в это странное место... Ну, а если не фантазия. Нет.— Убей меня,— но я ничего не понимаю...

— И я тоже,— сказал я уже более или менее бодрым голосом. С Надей мне сразу стало повеселее. Я даже начал сомневаться, а не примешалась ли к реальным (пусть и странным) событиям сего дня некоторая украшательная доля фантазии... Хотя бы про то от утомления. От нервного перенапряжения.— Ведь сколько дней уже моя бедная голова работает на износ, принимая и перерабатывая огромное количество странностей.— От обворованных не вовремя домов и до. тоже домов. Неизвестно чьих и каких.

— Да! .— А вот это тебе как понравится? (Я было совсем забыл про свой меч. Как выронил его, когда отскакивал от зеленого пятна, перепуганный Надиным вскриком, так и не вспоминал о нем,— и только сейчас,

случайно глянув, увидел его.— Он лежал у зеленого пятна, чуть касаясь его острием. Я указал Наде на меч).

— Ужас. . .— прошептала Надя, и я почувствовал, как напряглась и словно бы затвердела она. . .— Ужас. .

— Ужас не ужас,— но странная вещь, да? . .— Я немного недоумевал, чего она так испугалась.

— Где ты взял его?

— О, это длинная история. И без буйствования фантазии об этом никак не расскажешь. А если коротко, — нашел его здесь. В одном месте. .

— Слушай, мне все это не нравится. . . этот дом. . эта вещь, это. . . — Надя высвободилась и, поднявшись, схватила меня за руку. — Пойдем отсюда. Пойдем! Мне так и кажется, что вот-вот что-то случится. . .

. . .Мне тоже начало казаться, что на нас словно бы глядят. . . или слушают. Надина тревога передалась мне.— Я — внезапно — увидел себя как бы со стороны и изумился неестественности своего поведения.— Сколько всего произошло сегодня; любому порядочному человеку и половины этого хватило бы, чтоб навсегда погрузиться в сумасшествие. .— А я, вместо того, чтоб, обрадовавшись невредимости мозгов, рвануть отсюда куда подальше,— сижу там же, где и сидел, вовсе не думаю о том, что надо убираться подобру-поздорову,— и словно бы ожидаю все новых и новых «приключений».— Как будто я в парке аттракционов, а не. . .— даже и уподобить это место нечему.— Нет, бежать, бежать отсюда,— пока спасительное благоразумие вновь не покинуло меня. . .

И, когда я понял это, мне стало страшно.— Страшно, что я раньше этого не понял.— Страшно, потому что в истинном свете представились мне зловещие события этого вечера. Страх захватил меня всего, сковал, он мешал мне двигаться, удерживал меня на месте,— как раз тогда, когда я понял, что отсюда необходимо бежать как можно быстрее. . .— Страх этот был уже не просто страхом, он был уже настоящей паникой. . .— Мне теперь казалось, что уже поздно бежать. . . бесполезно. . момент упущен.

. . .Наде, которая, выбиваясь из сил, тянула меня к порогу, я помогал не больше, чем — при перетягивании каната — игроки одной из команд помогают игрокам другой. .— Нет, я вовсе не пытался сопротивляться; но мое тело напрягалось против моей воли, тяну-

лось в обратную сторону... И я был сильнее, и я тянул Надю за собою...— Куда? ..— Ноги мои,— неохотно, однако— неуклонно, вели меня... к зеленому пятну.

...Я слышал — как бы сквозь сон — как тяжело дышала Надя, изо всех сил упираясь; я ощущал, что ее рука, крепко вжатая в мою, словно бы закостенела; я чувствовал, как ногти ее впились мне в кисть,— до боли. до крови. .— да, я увидел тоненькую струйку крови, медленно ползущую по руке вниз... Надя, кажется, тоже заметила кровь; она отчаянно забилась, пытаясь разжать пальцы, высвободить руку,— но теперь было уже непонятно, кто кого держал.— Я шел вперед, волоча девушку за собой; с моей руки капала кровь, и пятно все приближалось.— Странно, что я не видел теперь меча: его словно бы накрыла волнующаяся зеленая слизь...— да, это походило на слизь, на жидкое зеленое масло, на очень жирную воду... но не на землю. И эта зелень колыхалась, как волнуемая в глубинах вода, она поднималась, росла, как опара. Капельки крови упали на зелень, и мгновенно обозначились на ней темные узкие дырочки; словно кровь моя проела поверхность и ушла вглубь, протачивая себе путь неведомо куда. Пятно дрогнуло — от края до края — и просияло на миг нестерпимо-ярким, режущим глаза зеленым цветом... Я отшатнулся, закрывая свободной рукой глаза,— и тут почувствовал, что тело мое свободно...— Не теряя ни секунды, я бросился прочь, рванув за собой обессиленно повисшую на руке Надю; мы пробежали несколько шагов, и я, налетев с перепугу на пень у стола, полетел через него, не успев выпустить Надину руку...

— Надя! .. Ты не ушиблась? ..— с тревогой спросил я, оборачиваясь к ней.— Она лежала ничком на земле и, глядя перед собой отсутствующим взглядом, тихо плакала.

— Ты ударилась? Что с тобой?

— Все...— выдавила она сквозь слезы.— Все...

— Что — все?

— Кровь... кровь попала. . — с трудом произнесла она и вновь заплакала.

Я поднялся с земли, подбежал к ней, поднял, усадил.

— Что ты говоришь? Какая кровь? ..— Надя, очнись...

— На пятно попала...— глотая слезы, сказала Надя и указала пальцем на зеленое пятно.— Теперь сюда придут... Гляди.

...Я еще не успел ни перевести глаза на пятно, ни поинтересоваться, кто придет и почему...— Волосы мне взвихрила стремительная волна прохлады, воздух над нами потемнел, и высокий потолок закрыла стая мелких черных птиц или других тварей... Они долетели до дальней стены, развернулись и, опять прогнав волну прохлады, устремились обратно, к порогу, и исчезли за ним... Мы вскочили на ноги от неожиданности и испуганно схватили друг друга за руки... и сейчас же на нас обрушилась темнота. Словно бы погас светящийся воздух, мы перестали видеть что-либо, даже друг друга,— и теперь в непроглядной тьме видно было только зеленое пятно у одной стены... и бледное у другой...

— Темный корень...— в отчаянии прошептала Надя, выпуская мою руку и в изнеможении садясь на землю.— Это она...

— Да,— раздался в темноте зловещий голос... слышанный уже сегодня мною.— Это я...

Надя вскрикнула и прижалась ко мне, а я, обхватив ее рукой, мгновенно обернулся на голос.— К порогу...

...На пороге, спереди и сзади окруженная темнотой, стояла женщина с фонарем.— Та самая, которую мы встретили сегодня... Но это было еще не последнее отчаянье.— Когда она подняла фонарь повыше и огонь высветил ее лицо, мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног.— Я узнал ее...

— Ольга...

— Узнал?..— и от хохота ее я почувствовал, как лед поплыл по моим жилам...

— Узнал!..— повторила она, когда приступ хохота прошел.— Ну, да ведь и времени мало прошло.— И трех месяцев нету, да.

...Это была, Костя, та самая моя подруга, о которой я говорил вам. — Помните историю с...

— Да.— Странно, что вы встретились...— Сколько случайностей...

— Нет, дорогой Костя. Случайности кончились, и мне предстояло теперь узнать их истинный смысл...

— Так ты знаешь ее?..— с ужасом спросила меня Надя.

Ольга опять расхохоталась.

— А ты думала, зачем я говорила привести его сюда? . .

— Надя. .— сказал я дрожащим голосом. . .

. . .Хорошо, что я не потерял сознание, услышав это. А был близок.— Вот теперь мне еще многое прояснилось. И как будто оцепенение все больше спадало с меня: я понимал всю свою глупость и безответственность.— Ведь чувствовал,— и еще аж когда! . .— что все шаги мои кем-то выверены! . .— Почему ж не доверился своему чутью? Что теперь будет со мной? . .— На что способна Ольга, я мог только догадываться. — Обиженная, обозленная Ольга. . .— Фонарь освещал ее руку, и хорошо видны были на ней следы ожога. . .— Да, это я. это я. .— Что теперь будет? . .— Я в ее власти. . .

.Но Надя! Надя! . .— я готов был завыть от унижения и бессилия.— За что? . .— Кто она мне? Что я сделал ей? Я клял себя последними словами и готов был провалиться сквозь землю.— Как можно было быть таким идиотом? . . — Поверить, что я могу быть бескорыстно интересен такой принцессе! . . Идти за ней, куда б она ни завела. . . И — уже здесь, в этом невероятном месте, после множества зловещих событий,— не разглядеть за ними недобрых знамений, слушать несвязные объяснения и не заметить в них лжи? Я в н е й лжи! . .— О, теперь-то я видел, что все было шито белыми нитками; но теперь было поздно.

— Надя. . .— голос мой сорвался.— Надя! За что ты меня так?

Надя плакала, уткнувшись лицом мне в грудь. Ольга с порога смотрела на меня и зловеще улыбалась. Слева от нее, в отделении, вдоль стены,— горело, полыхало зеленым огнем, шевелилось проклятое пятно.— Как-то почти безразлично отметил я, что оно росло, расширялось. . . Оно вырастало ввысь, вздувалось как купол, как огромный пузырь,— и мало-помалу расползалось во все стороны, поедая темный пол.

— Смотришь, как оно растет? . .— раздался голос Ольги.— Правильно. . . Посмотри еще немного и подумай, что это такое.

— Что тебе нужно от меня? . .— спросил я.

— А ты как думаешь? .— Или это не ты выследил меня тогда? Или не ты обжег мою руку? . .— Ольга протянула вперед руку,— и в двойном свете фонаря и

зеленого пятна — на открытой ладони забелел след старого ожога.— Не ты? ..— Отвечай! ..

— Не я...— ответил я ей.— А ваша дьявольская штучка. Которую вы подсунули мне.— Не так, что ли? ..

В доме становилось все светлее, и теперь даже без фонаря можно было различить в полумгле и обстановку, и Ольгу, и.. Надю.— Надя, с непросохшими слезами на лице, слушала, явно ничего не понимая, и только переводила недоуменный взгляд то на меня, то на Ольгу.

— Не я,— опять повторил я.— А если б даже и я? ..— Если б все пошло по-другому,— что сделали бы вы со мной?

— О...— зловеще произнесла она.— Еще не поздно это узнать...

— Ну и злопамятна же ты. .— Я, встретив тебя теперь, не почувствовал бы и враждебности. А ведь мне досталось не меньше, чем тебе.

— Ты так считаешь? ..— загадочно спросила она.— Нет. Я никогда не забыла бы этого.— Я потеряла из-за тебя доверие и теперь принуждена находиться здесь. В ссылке.— Понимаешь ли ты меня? .—В ссылке,— и это тогда, когда уже открывалась мне дорога к высшим тайнам! ..— Да я тысячу лет искала бы тебя, и не было б мне покоя, если б не нашла...

— Сколько злости в тебе...— проговорил я, вытирая пот со лба.

— Много. Вполне достаточно для того, чтобы все рассчитать так, чтобы месть моя удалась.— Я позаботилась о том, чтобы в М-е тебе не стало места. Я устроила так, чтоб ты попал в К-‑... под надежным наблюдением... Но эта милая упрямица (она указала рукой на испуганную Надю) почему-то решила взбрыкнуть, и мне пришлось на ходу переиначить замысел.— Помог счастливый случай и дурак, вовремя подвернувшийся под руку...— Я настигла тебя в камышах, и почти доставила на место, но... кто-то засыпал порошком темного корня дорогу,— и, я подозреваю, что эта «кто-то» — опять моя дорогая подруга... (Надя вздрогнула и прижалась ко мне).— Я сбилась с дороги, и много времени прошла, пока порошок не потерял силу...— Ты, Надя, плохо постигала мои уроки,— насмешливо обратилась Ольга к дрожащей девушке.— Темным корнем пользуются не так... Но, впрочем, я благодар-

на тебе за оплошность... хотя благодарность моя тебе уже ни к чему...

.А теперь. .— Ольга выпрямилась и, казалось, увеличилась в росте. Пятно зловеще полыхало почти рядом с ее ногами.

— Теперь все позади, и час мой пришел.— Все будет так, как я хочу! ..

— И чего же ты хочешь?

— Ты, наверное, хотел спросить,— что я **могу**? ..— Я уже говорила тебе однажды.— Помнишь?

— Плохо.

— Вот,— повернувшись к огромному пятну, она торжественным жестом указала на него.— Видишь?

— Ну. Давно уже...

— Это — Вход в Ничто. Твоя кровь пролилась туда, и теперь он будет расти, пока не достанет тебя.— Я говорила, что живые там не отличаются от мертвых... Там царят неведомые тебе боги; и я даже приблизительно не смогу поведать тебе, что тебя ждет там.— Язык человека беден для этого, потому что люди слишком добры и многого не могут представить себе...

— Спасибо тебе за доброту.

— Я вечно буду помнить твое спасибо. Я часто буду вспоминать о вас... обоих.

Надя вскрикнула.

— Да, и о тебе.— Ты не постигла еще даже и начатков древней науки, но уже сделала несколько глупостей.— Ты не нужна мне. Я отпускаю тебя с моим давним приятелем..

— Что можешь ты сделать мне? .. — гордо спросил я женщину.

— Я заставлю вас войти туда... во Вход.— Самих... Я устала ждать, когда Ничто доберется до вас. Я слишком долго мечтала о такой встрече, и у меня нет больше сил ждать.— А что я могу сделать? ..— О-о! ..— ты думаешь, я женщина и слабее тебя? ..—Да, это так. Но твоя сила не понадобится тебе. Ты поймешь это...— Она опять расхохоталась, запрокинув голову, совершенно сатанинским смехом.

— Мы встретились во второй раз.— Но только теперь — на тебе нет Талисмана! ..

.Я понимал, что она права. Чутье подсказывало мне, что я бессилен против нее... если... если... Что — если? ..— Я пятился назад, прикрывая Надю, испуган-

но выглядывавшую из-за моей спины,— пятился, не сводя глаз с надвигающейся Ольги. Она шла на меня нарочно замедленным, торжественным шагом. Фонарь сиял в ее руке... не фонарь.. нет... но что это?

Натолкнувшись на стол, я скривился от боли, и тут же нащупав доски пола, рванул, пытаясь опрокинуть стол и заградить дорогу ведьме,— хотя бы на время... Но стол не шелохнулся, и я от рывка чуть не упал, на мгновение потеряв равновесие... Ольга опять коротко, зло рассмеялась и возобновила шаг...

.Единственное, чего мне хотелось,— это отойти подальше от зеленого пятна; и мне это удалось.— Теперь мы пятились в сторону бледного (у меня была слабая надежда, что, быть может, оно как-то сможет защитить нас; хотя — как?..) ..— В сторону пятна, в котором я разыскал меч... Я невольно вздохнул на ходу.— И зачем я его так оставил? ..— Вот уж, поистине, день стопроцентных промахов!

Ольга, сообразившая, что мы стараемся отступать к бледному пятну, остановилась, словно бы пытаясь понять, что я делаю.— Это дало мне возможность увеличить расстояние между нами еще на два шага...

— Ты хочешь туда? ..— недоуменно спросила она.— Ну что ж. Пусть это будет твоя последняя воля: погибнуть другой смертью.— Но эта смерть будет еще интересней.— Бледная Сила непонятна даже для меня.— Нескольким Служителям довелось погибнуть здесь...

«А в самом деле, на что я надеюсь? ..» — тоскливо думал я, продолжая,— скорее уже просто от безнадежности,— идти на пятно.— «Она знает, что говорит.— Правда, я чувствовал, что мне там ничего не грозит,— но это было давно, и, быть может, моим там был только меч. А теперь,— что там ждет меня? ..»

«Эх, меч мой...»

Силы небесные! ..— Из бледного пятна, чуть поблескивая, торчала рукоятка меча! ..— Моего, потерянного, вернувшегося меча! ..

«Значит, его не поглотил Вход в Ничто? .. Значит, он вернулся на место? ..» — Я проговаривал торопливо в уме заклинание, силой волоча за собой упирающуюся Надю (у нее после Ольгиных слов сделалась какая-то беззвучная истерика),— спеша, ибо Ольга ускорила шаг, видимо, устав уже наслаждаться зрелищем нашего отступления...

— Я успел...— сообщил я Ольге, поворачиваясь к ней и левой рукой задвигая Надю за спину. В правой руке моей замерла для мгновенного удара неведомая древняя сила...

— Что? ..— голос Ольги сорвался. Расширенными от ужаса глазами смотрела она на меня...

— Я говорю, что опять успел. Как и тогда. А теперь...— и я двинулся на ведьму...

— Не может быть...— шептала она, отступая.— Невозможно. Нет...

— Древний Пленник? ..— раздался в комнате новый голос, и мы, замерев на местах, обернулись на него...

...У полыхающего зеленым огнем Входа в Ничто стоял мужчина... к сожалению, тоже знакомый мне. По той же истории, в которую была вмешана Ольга.— В которой дьявольской хитростью они заставили меня добыть некий Талисман.. В которой только чудо спасло мою жизнь... В которой...

— Бледный Бог. .— словно бы не видя нас, рассуждая сам с собой, произнес мужчина.— Меч Иг-Наура Великого...

Тут он, словно бы вспомнив о нашем существовании, перевел глаза от меча и осмотрел всех нас. Тяжелым взглядом... Глаза его остановились на Ольге.

— Дура...— сказал он.

Ольга стояла на месте, словно бы взгляд мужчины придавил ее к земле,— и тряслась мелкой-мелкой дрожью...

— Дура...— повторил человек. Медленно перевел взгляд и остановил его на Наде, стоящей теперь рядом со мною и с открытым ртом глядевшей на невесть откуда взявшегося человека.

— И еще одна дура...

Взгляд его, помедлив,— словно бы постояв немного,— на Надюше, передвинулся на меня.— Я уже приготовился услышать «— И дурак .» (о, как он был бы прав, если б сказал это!). Но он сказал другое.

— Вот мы и вновь встретились.

— Да. К сожалению..

— Но теперь у меня больше нет сомнений.

— В чем это? ..— поинтересовался я.

— В тебе.— Помнишь, я изумлялся твоим способностям и никак не мог понять природу их?

— Еще бы...

— Теперь этих сомнений больше нет. Я знаю, кто

ты.— Это меч говорит за тебя лучше всех других доказательств.— Я не знаю по-прежнему, как это возможно и почему, но истина, какой бы невероятной она ни была, все же есть истина. — Приветствую в наших владениях наурского князя! ..

— Володя! ..— крикнул я.— Что вы такое говорите?!

— Вот так же точно подумал тогда и я,— ответил мой приятель.— Что он такое несет? Я и сейчас далеко не все понимаю. Но, Костя, попробуйте поверить мне на слово: правда здесь есть. Меч Иг-Наура Великого мог покориться руке только кровного наследника... как это явствует из Заклятия, наложенного в глухие времена на Бледного Бога...

...Я не видел тогда Нади, но Ольга, смотревшая на меня, казалась мне памятником. Ни одного движения,— словно бы даже не дышала,— только в глазах, неподвижных глазах, чуть подрагивали черные льдинки расширенных до невозможности зрачков...

Пятно, зеленой переливающейся горой громоздившееся за спиной мужчины, на мгновение замерло... мелькание постоянно сменяющихся оттенков прекратилось, мелкие цвета и узоры сплелись, обрели очертания,— и ужас оледенил мне сердце.— Боже мой, какие чудовища глядели на меня из пятна! ..— Я, не отрываясь, как зачарованный, смотрел на демонов, отказываясь верить своим глазам, и меч наливался ледяной злобой, тяжелел в моей руке...

— Что тебе нужно от меня? ..— спросил я человека.

— Это зависит от того, как ты поведешь себя.— Болотные боги не были друзьями властителей Хиша; между ними были многие обиды, и поэтому ты чужой нам.— Но враждовать с Наурами мы тоже редко... скажем так,— хотели. А в теперешние времена, когда и ваше, и наше величие в прошлом, и вовсе нет смысла вспоминать древние обиды.— Тем более, ты уже оплатил их...

— То есть?

— Ненароком. Ты вечно путаешь наши карты, но...— человек хитро улыбнулся — в итоге, к нашей выгоде и. на свою голову.— Может быть, довольно теперь? ..

— Чего — довольно?

— Может быть, довольно сражаться друг с другом? — Мы сильнее тебя, князь Наура... сейчас. И, видимо, «сейчас» — это навсегда. — Ты ничего не зна-

ешь о себе, ты подобен человеку, потерявшему память и беззащитному перед миром; хотя, быть может, обретя память, этот человек мог бы перевернуть мир...— Но обрести ее он не сможет.— Мы сильнее, и мы предлагаем тебе союз.

— Говори яснее. Я не понимаю тебя. (Я мельком отметил, что теперь понятно, почему иногда — ни с того ни с сего — у меня пробивается барственный тон.— Кровь сказывается. если человек этот не врет...)

— Я предлагаю тебе поддержку и защиту. Я предлагаю тебе знания, многие знания... столько, сколько тебе нужно знать. Ты увидишь и узнаешь много такого, о чем знали даже не все древние Иги вашего рода, и о чем уж точно не знает ни один смертный...— Говоря людскими понятиями, я предлагаю тебе гражданство и чин. Довольно высокий. — Решай, Наур!.. — Ты пока еще не враг и не гость. Но это не может продолжаться долго, и мне все равно придется делать выбор... если ты не сделаешь его сам.

— Ты собираешься делать мой выбор за меня?..— гордо спросил я его.

— Я посоветовал бы тебе на мгновение забыть о своей гордости. В нынешнем мире она не всегда уместна... Да и в том.. Было время, когда казалось, что силы Науров беспредельны, но вот уже сколькие безымянные тысячелетия прошли с тех пор, как развалины Хиша обратились в пыль, и память о древних Царях исчезла из мира.— Выбирай! У тебя еще есть время... А у меня — другие дела...

.Я даже не знал, что и думать. Перспектива отдаться под покровительство этому человеку, как вы понимаете, не слишком меня радовала. Но я боялся, что он прав: хозяин положения здесь не я, и кто знает,— удастся ли мне выбраться отсюда, если «выбирать» станут за меня?..— Скорее всего — нет. Если у меня и была какая-то слабая надежда на это,— то, вспомнив, что глядело на меня из зеленой горы, стоящей за спиной этого человека́,— я терял эту надежду... Больше всего мне хотелось в тот миг проснуться, открыть глаза,— где угодно,— хоть на свалке, хоть в темнице... Открыть глаза, поглядеть вокруг себя,— и удивиться красоте и благостности жизни...

— Чего же ты требуешь от меня взамен?

— Вот это,— сразу же, словно ожидал этого вопро-

са, ответил он. Вытянув руку и указывая на меч, поблескивающий в моей руке.

— Отдать его тебе? .

— Нет. Не отдать. Его нельзя отдавать, он покорен только тебе и не может принадлежать другому. Мы опасаемся его силы.— Ты видишь, я честен с тобой. . .— Бледный Бог в давние времена появился неизвестно откуда и тягался с нашими повелителями за власть в этих краях.— Надо признать, удача была на его стороне, но, думаю, что все кончилось бы в конце концов нашей победой . . . Но случилось не так.— Он встретил в своих владениях Иг-Наура Великого и был повержен им и заклят на бессчетные времена. . . говоря человеческим языком, «до востребования». Ибо всякий Иг вашего рода должен оставить наследство; Иг-Наур Великий решил добавить к своему наследству еще и сторожа.— Так говорят наши предания.

. . .Верни этот меч обратно. Он не по силам тебе. Ты уже брал однажды вещь, превосходящую твое разумение, и она едва не погубила тебя.— Мы можем уничтожить Бледного Бога, но нам это дорого обойдется.— Мы слышали Заклятье, и никто не знает, кто равен твоему. . . мечу.— Верни его обратно, и пусть дальше сторожит наследие Иг-Наура.

— И больше ты ничего не требуешь от меня?

— Нет. Это все. По крайней мере — в предвидимом будущем.

— Ну, что ж,— сказал я.— Надо подумать.

— Подумай, Наур. А я пока займусь твоей давней подругой.

— Вот уж хорошо бы,— невольно вырвалось у меня.— Пусть она от меня отстанет. Ведь сама была виновата,— чего ж теперь злобствовать? . .

— Не беспокойся,— ответил он.— Она отстанет от тебя, какой бы выбор ты ни сделал.

.Он кивнул головой, и глаза его передвинулись на Ольгу. Ольга стояла, вся побелев, и с безнадежным ужасом смотрела на человека. . .

— Подойти ко мне,— сказал он.

Ольга — робким и одновременно торопливым шагом подошла к человеку. Какая-то гнетущая тоска охватила меня, когда я смотрел на это.— Предчувствие чего-то неожиданного. . .

— Ты виновна, — сказал он, не то спрашивая, не то скорее утверждая.

— Да,— сдавленным голосом ответила она.

— Ты виновна дважды. И потому не заслуживаешь смерти.— Это слишком мягко для тебя. И я придумал тебе наказание.— Вот.

Он сделал какой-то непонятный знак рукой... зеленая гора колыхнулась.. Я в очередной раз подумал, что сошел с ума.— Один из демонов шагнул вперед прямо сквозь зелень, огромная лапа ухватила Ольгу, легко подняла в воздух... Ольга отчаянно закричала...— Демон качнул ее на руке и швырнул с размаху прямо в зеленую массу... Я невольно зажмурил глаза. А когда открыл, Ольги не было уже видно...

— Теперь ты...— Глаза человека глядели на Надю. Она судорожно вцепилась мне в рубашку и тянула меня назад, в беспамятстве страха...— Демон шагнул вперед, протянул громадную лапу, и она нависла над девушкой...

— Нет,— громко сказал я, закрывая Надю. Вот и нашелся кое-какой достойный выход из положения.— Что бы сейчас ни случилось, я твердо решил... я не мог отдать ее этой мерзости. Ведь все ж она немного помогла мне против Ольги.. да в этом ли дело? ..— Я бы попробовал отстоять даже Ольгу, если б мог заранее знать, что произойдет...

Человек недоуменно посмотрел на меня.

— Оставь ее, князь. Это наше дело, и незачем вмешиваться со своим благородством. Мы не сомневаемся в нем. Но ты не знаешь, кто она такая на самом деле...

— Нет.

— Я приказываю...

— А ну, подойди ближе и еще раз прикажи...

Человек скрипнул зубами и сделал повелительный жест. Громадные чудовища вышли из зеленой горы и направились к нам.— Демон, стоявший перед нами (не ожидал такой быстроты от столь огромной твари!) выбросил свою лапу к нам... Я отшатнулся, взмахнул мечом. или, вернее, он взмахнул моей рукой.— Чисто срезанная лапа, толстое бревно, обрушилась на пол, и пламя схватило ее. От рева демона, казалось, лопнут мои перепонки и обрушатся стены дома...

— Что ж...— тяжело дыша, произнес человек.— Ты выбрал свою судьбу, Наур.— Кровь твоя бесценна, но льется она так же, как и у прочих людей. Убить Наура

почти так же легко, как и простого смертного. Ты убедишься в этом. .— Вперед! .— резко выкрикнул он, и чудовища из зелени бросились на меня.

.Меч мой крушил их направо и налево, и, казалось, чуть ли не пел от радости битвы. А может, и старая вражда к болотным демонам добавляла ему ярости. .— Кровь непонятного цвета покрывала лезвие до самой рукоятки, пузырилась, кипела, не успевая впитываться.— Тела демонов разваливались с такой легкостью, словно бы я резал сливочное масло.— Во все стороны летели куски корявой, замшевой плоти; чудовища рушились и ревели, вспыхивали и горели, бросались со всех сторон на меня, и тут же по частям опадали на землю, образовывая уродливые, огромные валы вокруг меня. .— Точно бы новые стены вырастали в комнате.. .— Меч мой был проворен, и я шаг за шагом прорубался сквозь строй демонов вперед. к человеку. а он отступал, не сводя с меня глаз... На мгновение мне почудилось, что испуг мелькнул в них сквозь злобу и растерянность...— человек отступал к зеленому пятну...

.Когда я был уже в паре шагов от него (не уставая валить вправо и влево преграждающих мне путь чудовищ),— он, выкрикнув на непонятном языке что-то злобное, бросился в пятно, и оно поглотило его.. и потускнело.— На моих глазах уменьшалось оно в размерах, съеживалось, отступало к своему первоначальному месту, к стене, освобождая темный пол. Каким-то чутьем я понял, что все кончилось. И дальше ничего не будет. У меня еще хватило сил, я встревоженно оглядел комнату и. не увидел Нади. Мгновенно понял я, что случилось, и этого понимания я уже не перенес. Мое сознание покинуло меня, и я с криком повалился ничком на землю, выпустив из руки меч..

— Вот так...— грустно сказал Володя.— Очнулся — и, заодно, проснулся я с рассветом. Там же, в этом дурацком доме. Окруженный со всех сторон беспорядочно нагроможденными, горелыми бревнами. Изрядно изрубленными.

— Володя, вы всегда под конец приберегаете что-нибудь такое, какой-нибудь такой фактик, который дает основания усомниться в реальности событий, описываемых вами.— Бог с ними, с деревьями.— Что с мечом?

— Не было. Видимо, он опять вернулся на свое место. Охранять клад. Выполнив свое дело...

— Так пятна остались в доме?

— Оба. Но тусклые, еле заметные. У стен.— Правда, я близко к ним подходить все ж не стал...

— А самое главное: Надя-то?..

— Нет... Нади не было. Ни здесь... Ни на ее даче...

— Да-а...

— Я ушел из К-- пешком. Я шел, как пьяный, не разбирая дороги, куда попало. Из меня словно бы что-то вынули тогда.— Пред глазами моими все стояла бедная Надюша, и. Ольга. И старая, и новая подруги мои, сгинувшие по моей оплошности... глупости. по моей вине. Я чувствовал себя самым несчастным, самым ненужным человеком на свете. И самым виновным. Последним мерзавцем.— И, можете поверить, я плакал...

— Верю.. Меня вообще ваши рассказы наполняют печалью. Если не чем похуже. .— Так хорошо жить на свете и знать, что жизнь прекрасна.— Несмотря ни на что, ни на окружающее свинство, ни на грядущее: «И все-таки жизнь прекрасна! .» Но ваши истории приводят меня в отчаяние..

— Ну, что ж,— улыбнувшись, ответил мне Володя.— От отчаянья нужно лечиться чаем.— Индо-грузинским, хорошо заваренным. Можно с пышкой.— Хотите?

— Да, пожалуй.

Мы, как всегда, закончили разговор чаепитием, но я, медленно потягивая чай, все думал о том, что каламбур на сей раз моему гостю не удался.— А по глазам его я видел, что и удасться не мог...

книга

вторая

ЗАКЛЯТЬЕ БОЛОТ

ПЕСНЯ ПЕЧАЛИ

(насечена мечом на камне)

Алеет мгла, и меркнет звездный хор.
Рассвет глядит на старые могилы. —
Мечи и флейты, славу и позор —
Единое забвение покрыло.
Ни гордых дней, ни горьких не вернуть.
Ушли дела, и песни замолчали...

Алеет мгла, и проступает путь,
Случайный путь сегодняшней печали...
Рассветный мир ночного не поймет;
И лишь — бродячий бард, вобравший в слово
Язык светил, дыханье древних нот, —
На чем случится — песню нанесет
Углем души, узнавшей хмель былого

Ю. В. Томашевскому

1. ЧУДЕСА НАЧАЛИСЬ

— А что бы вы сделали, если б вам, например, повстречался крокодил? .— Я имею в виду,— в нашем, советском болоте?

— Тут же бы и утопился,— решительно ответил я.

— От испуга?

— От безнадежности.

...Мы сидели с Володей в месте, избранном и почитаемом несколькими поколениями российской интеллигенции, и пили чай с пышками. Наслаждались мягким летним вечером, волнами прохлады, порой заплывающими с порывом ветерка в раскрытое окно, и вели нашу обычную беседу. Под словом «обычная» я разумею только то, что каждый вечер мы вели подобные беседы. И более ничего.— Ибо с тех пор, как мятежные прорабы духа избрали кухню местом борьбы за освобождение человека от гнета всего человеческого, кухня, по-моему, стала прямо-таки каким-то мистическим местом. На ней решительно невозможно говорить ни о чем нормальном. Язык словно бы сам начинает сворачиваться на что-нибудь безумное (и даже не обязательно политическое). Я уже сколько раз этому удивлялся. Так случилось и на сей раз. Наша обычная светская беседа неуловимо перетекла в необычную, и в результате опять сложилась целая история. Ради любопытства записываю ее с самого истока.

— Как? Вы не верите в такую возможность?..

— Верю. Но душа моя сопротивляется.— Ведь должно же быть на свете хоть что-нибудь такое, чего не может быть!..

— Все может быть,— ответил мне Володя голосом человека, объявляющего суровую, но необходимую истину.— Все может быть...— Вот, не слышали,— кто-то вроде бы в унитазе пиранью обнаружил?

— Обнаружил? Или она себя обнаружила?

— Не было сказано. А какая разница?

— Для нас — никакой. Для чистой логики — тоже.

— Ладно. Я вижу, что неправильно задал вопрос. Задам другой.— А что бы вы сказали о человеке, который его видел?

— Кого?

— Да крокодила же!..

— Ах, вот вы о чем.— Не знаю...

— Ну, хорошо. Еще прямей. — А если б этот человек сказал вам, что он его сам здесь вырастил?

— Вслух бы сказал, что зря, а подумал бы, что он сумасшедший..

— Наконец-то. По правде сказать, я только этого и добивался от вас.

— То есть?

— Мне уже давно любопытно, что вы считаете за сумасшествие.— Я сижу у вас уже какой вечер, рассказывая вам невесть что, а вы только вежливо шутите, да и все. Хотя рассказы мои, по меркам большинства людей,— я знаю,— никак не сочтешь за нормальные.— А следовательно, человека, который претендует быть персонажем своих рассказов, тоже. Но вы странный человек.. Или же — чересчур невозмутимый.— Да, иногда мне кажется, что вас не пробьешь. Итак, позвольте узнать, что вы все-таки считаете сумасшествием?..

— Пожалуйста. В нашем мире все так перепуталось, что зачастую затрудняешься сказать,— что нормально, а что безумно. А есть еще просто вранье. Его, видимо, тоже нужно отнести в сторону «нормального».

— Ловко вы.— Весь мир расчленили...

— Да. Теперь можно ответить на ваш вопрос. Сумасшествие — это когда вранье не приносит тебе пользы. Понимаете? . — Человек, врущий без личной выгоды, и есть сумасшедший.— Если некто объявляется Наполеоном,— то это еще куда ни шло.— Возможно, он просто самозванец. Но когда человек считает себя На-

рам-Суэном или Юдхиштхирой, то это заслуживает самого пристального внимания.— Зачем ему это? . .— Вот такой человек при ближайшем рассмотрении и может оказаться сумасшедшим.

— А может и не оказаться?

— Да. Может быть еще и так, что нам пришлось столкнуться с чем-то неподвластным логике.— Кстати, рад сообщить, что логике в нашем мире мало что подвластно. . .

— Костя, вы приводите меня в отчаянье своей диалектикой. От вас невозможно услышать твердо ни «да» ни «нет». . .

— А с диалектикой так и должно обстоять. Кстати, и диалектика — одна из слабых форм сумасшествия. Идеальная диалектика тождественна шизофрении.— Вы никогда об этом не задумывались?

— Сейчас задумываюсь. . .

— Бросьте. Лучше потом. А сейчас — продолжайте. . .

— Что?

— Не что, а о чем.— О том, как вы вырастили крокодила. . .

— Боже мой! . .— Володя от волнения даже встал из-за стола.— Почему вы. . . откуда вы. . .

— Успокойтесь, дорогой друг. Когда вы собираетесь что-то рассказать, это можно узнать даже без диалектики.— Как только вы спрашиваете о чем-нибудь неожиданном,— вроде крокодила,— то нетрудно сообразить, что у вас про этого крокодила готова целая история.

— Гм. . .— смущенно произнес Володя.— Да. Вы, несомненно, правы. Я как раз и хотел рассказать нечто подобное.— Но только жаль, что вы заранее разгадали это.— Приятней удивлять людей. . .

— Не стоит волноваться. Судя по вашим прошлым рассказам, вы все равно сумеете меня удивить. Так что не много вы потеряли от моей разгадки.

— Да, в сущности, так. Тем более — это не совсем про крокодила. А про гораздо более худшие дела. Начало этой истории вы от меня уже слышали.— Теперь я доскажу вам, что из этого всего вышло. . .

— Как вы понимаете, после всех событий, происшедших со мной, нужно было ожидать либо какого-то ужасного продолжения, либо считать себя безнадежно

спятившим. Я — на всякий случай — считал вероятными обе возможности, хотя предпочтение отдавал первой. — То есть ждал чего-нибудь ужасного изо дня в день. А по ночам, естественно, предавался своим постоянным кошмарам.

А кошмары мои, дорогой Костя, становились все любопытней и загадочней. Впрочем, это позже. Сначала нужно сказать, что я некоторое время опять жил в М-е. Во-первых, потому, что больше было негде, а во-вторых, вследствие того, что причина, выжившая меня некогда из этого милого городка, по моему разумению, больше не существовала.— Я имею в виду Ольгу...

— Ольга, Ольга! ..—Не было такого дня, когда б я не вспоминал отвратительные последние дни нашего знакомства, и не содрогался бы вновь... — Такого дня, когда б я не вспоминал ее. и Надюшу... Иногда — со страхом.. Чаще — со стыдом. с раскаяньем... С ощущением вины. . .— Неизбывной... Или — неизбываемой... Ибо мне тогда и в голову не могло прийти,— где они сейчас, что с ними сейчас? ..

Так прошло некоторое время. Я, в конце концов, обрел крышу над головой (один из сослуживцев помог мне найти — довольно недорого — небольшой домик на окраине М-а). Начал возвращаться к жизни, присущей обычным людям.— Но, конечно, недавних событий, так решительно вырвавших меня из этой обычной жизни, забыть не мог.— Пусть даже не всегда со страхом, но, по меньшей мере, всегда с тревогой,— я вспоминал все это. . .— По вечерам, забравшись на кровать, поставив на столик кружку с чаем, я сворачивал самокрутку и — медленно, полутревожно-полумечтательно перебирал события...

...Володя нежданно фыркнул и посмотрел на меня.

— Что? ..

— Анекдот! .— Князь какого-то Наура,— небритый, в обшарпанном домике, с самокруткой в зубах! ..— Князь-разбойник! ..— Каково?

— Да. Очень забавно...

— Кстати сказать, это была одна из наиболее интересующих меня загадок.— Кто такие Науры? .— Я никогда в жизни не слышал о них и, следовательно, это должно было быть в такой древности, что никакой археологии не поддается.— Кем они были? Какими силами владели? .— Если им покорялись неведомые чудовища и их опасались древние боги?

Эта загадка мучила меня.— Мне поведано было, что я тоже из этого рода.— Как это могло быть?.. Как — из неведомой древности — дотянулась живучая кровь Науров до наших времен?.. И, наконец, — почему я раньше ничего не знал? Ведь есть же генетическая память (если хоть в этом ученые не врут)?..— Правда, о принадлежности моей к этому до-сказочному роду мне говорил человек, которому я предпочел бы не доверять, будь у меня такая возможность...

...Ну и, конечно, едва ли не больше всего заботило меня полное неведенье грядущего. Я чувствовал себя очень неуютно.— Не устроят ли мне что-нибудь пакостное? Вроде Ольгиных проделок?..— Ведь я, кажется, достаточно им насолил. (Я не очень догадывался, кто это — о н и, но считал их — за неимением более точных знаний — какой-то сектой, ветвью сатанизма, со специфическим М-ским уклоном). И, хотя со времени последних событий уже прошло около месяца, а со мной еще ничего серьезного не случилось (правда, однажды я по рассеянности наскочил на стол и чувствительно ушиб ногу, но почитатели демонов здесь были явно ни при чем),— я все же остерегался чувствовать себя в безопасности.— То, что местные бесолюбы не предпринимали против меня никаких шагов, ничуть меня не успокаивало.— Я еще не забыл, как они легко и непринужденно обвели меня вокруг пальца, вручив свой Талисман, а позднее — заманив в этот проклятый дом с зеленым пятном на земле... Я не забыл, как внимательно следили за каждым моим шагом, оставаясь сами незамечаемы мной,— тот человек... да и Ольга...— Я опасался изощренной хитрости...

Еще я часто думал о своем мече, оставшемся у клада Иг-Наура. О победном оружии, спасшем мне жизнь... или, возможно, что-то большее, чем жизнь.— Да, мне даже так казалось.— Я все не мог понять смысла слов того человека, когда он говорил Ольге, что смерть — легкое наказание для ее вины; смысла понять не мог, но вполне полагался на то, что человек знал, о чем говорит...

Вот эти все темы: человек, демоны, женщины, пятна, Талисман и многое другое,— постоянно присутствовали в моей голове, сплетаясь в такой клубок, что я, чем больше думал, тем больше запутывался.— Но из всего вышеупомянутого я с наибольшим удовольствием думал о мече. Я со временем даже стал приберегать

его напоследок, и, когда размышления над другими темами доводили меня до ужаса, до омерзения,— тогда я торжественно грозил своим думам бледным мечом,— и это немного скрашивало мое существование...

Я жалел о том, что не догадался прихватить меч с собой; с ним бы я чувствовал себя гораздо увереннеи. У меня даже мелькнула однажды идея — съездить и забрать его, но я, конечно, сейчас же эту идею оставил. Но вспоминал о своем мече я постоянно, и зачастую до того сосредоточенно, что даже ощущал легкое гудение в висках и покалывание в ладони; словно думы мои дотягивались до неведомых глубин, в которых дремлет меч, ожидая вызова; и он, услышав, тянулся ко мне... И так продолжалось, пока я не уставал от напряжения.

Да, меча мне явно не хватало. Тем более, что в какое-то время мне начало казаться, что за мной все-таки следят.— Может быть, это я сам себя довел. Постоянным ожиданием. А может, и впрямь следили. По ночам я слышал какой-то осторожный шум то за дверью, то за окнами; я распахивал дверь (предусмотрительно — хотя, видимо, не очень основательно — вооружившись кочергой) — и за дверью никого не находил.— За окнами порой, казалось мне, стояли черные тени — и, постояв, уплывали из виду, стоило мне приблизиться к окну... Однажды с грохотом свалилось с полки пустое ведро в сенях,— и, хотя его могло сдуру скинуть какое-нибудь домашнее животное, крыса или кошка,— могло ведь и не животное... Вот что было обидно. Никак нельзя было угадать,— то ли это случайные события, происходящие очень некстати и все больше расшатывающие мои нервы,— или действительно слежка... только очень грубая и неискусная.— А иногда думалось, что они злонамеренно производят шум,— словно бы имея задание не предпринимать против меня никаких решительных действий, а издеваться надо мной. Сводить меня с ума.— Я должен признать, что, если они преследовали такую цель, то они весьма успешно продвигались к ней. А иногда случалась передышка на несколько дней,— ровно на столько, чтоб я только-только успел отдышаться... А потом все начиналось сначала... И снова я, обливаясь холодным потом, сидел ночи напролет на кровати с кочергой в руке, готовый вот-вот броситься хоть к двери, хоть к окну, и подороже продать свою жизнь... А потом незаметно засыпал, и ут-

ром, невыспавшийся, с тяжелой головой, отправлялся на работу, мечтая только о том, чтобы день был спокойный и выпала возможность вздремнуть где-нибудь в уголке... Приготовиться к следующей ночи...— О, как мне недоставало моего меча!..

...И вот, в один из вечеров, устав угнетать себя воспоминаниями и предчувствиями, я сидел на кровати и, сонно хлопая глазами, пересматривал кое-какие фотографии.— Разные. Совсем разных времен. Сделанные мной и не мной...— Полюбовавшись какой-то очередной, я снял ее, и... рука моя дрогнула. — Ольга...

Ольга! Я уже и забыл, как она выглядит.— С болезненным любопытством я рассматривал ее, словно бы впервые видел.— Да, она красива. Темные волосы. Темные, строгие глаза... Нет... не строгие.— Таинственные... пугающие...— Да, такие женщины и бывают ведьмами...— Ишь, как глядит... даже не по себе становится...

И тут я почувствовал звенящий шум, нарастающий, накатывающийся... Волна прихлынула к ушам, звон стал тонким, почти нестерпимым,— и волна отхлынула, оставив слегка дребезжащее эхо... Глаза на фотографии словно бы обрели глубину; перед взором моим пробежала мгновенная рябь,— и тут же вернулась четкость, кажется, даже цвет...— Я смотрел на оживающее лицо, холодея, пытаясь бросить фотографию, вскочить, закрыть глаза,— но не мог двинуться, отвести взгляда. заткнуть ушей...

— Володя...— тихим замирающим голосом сказала она.

...Я сидел, как будто залитый в форму, не в силах даже разжать губ, чтобы ответить или хотя бы закричать,— и смотрел, смотрел...

— Володя...— повторила она таким же угасающим голосом.— Ты слышишь меня?

— Да...— умудрился я ответить каким-то чудом.

— Ты жив?..

— Жив. А ты?

— Помоги мне...— произнесла она, и голос ее, казалось, стал еще тише.

— Что с тобой? Где ты?

— Не знаю... внизу...

— Не пойму.— Где ты?..— я обрел свободу говорить, я почти кричал.— Что с тобой делают?

— Здесь ужас...— сказала она, и голос ее все слабел и слабел...

— Оля!.. Оля!..— Как тебя найти?..— Ты слышишь меня?

— Трудно говорить...— сказала она еще тише (если только это было возможно!) — Помоги...

— Как? Где искать? Куда?..— Я, почему-то испугавшись, что мне не хватит времени досказать (словно бы в междугородке, когда заказанное время истекло).— Куда мне?.. Место!.. Скажи место!..

— Все...— сказала она, и голос ее почти совсем растаял.— Не могу... Ищи...

— Оля!.. Секунду!..

— Там, где мы были... — словно бы на миг продлевая угасание, молвила она. — Там ищи...

— Оля!.. Оля!..

Но голос ее прервался, и, как я ни кричал, спрашивая снова и снова, — где она, что с ней, где Надя, как искать, — она не отвечала. — Я звал, я кричал, — отчаянно, безнадежно, голос мой перешел уже просто в звук, просто в крик без слов, — и я проснулся от этого крика...

Тихо было в доме, только часы на стене отсчитывали медленные ночные минуты. Фотографии валялись на полу беспорядочной кучкой. — Вверх ногами, зацепившись нижним обрезом о кровать, стояла фотография Ольги...

...Сон?.. Видение?.. — Я не мог дать однозначного ответа, но, обжигая пальцы наспех свернутой самокруткой, напряженно осмысливая только что пригрезившееся мне диво, — я все-таки склонялся к тому, что это не просто сон. — Конечно, мне и не такое еще снилось порой; но все же теперь, когда настороженно молчала дымная темнота в комнате, и только чуть слышно потрескивала бумага самокрутки, поедаемая огоньком, — я улавливал — словно бы чутьем — еле слышную волну отчаянья, тоски, безнадежного ужаса, — чуть-чуть доплескивающую неведомо откуда до меня... — Думаю, что, прислушавшись внимательней, я бы смог даже разобрать слова, — ибо наверняка сейчас до меня пыталось достучаться что-то вроде тех напевных причитаний, которые часто улавливались мною в прошлые, богатые

невероятными событиями, времена... — Сон это был или не сон, — но теперь, проходя впотьмах к выключателю, я уже твердо знал: чудеса начались...

2. НОВЫЕ ЗАГАДКИ НА СТАРОМ МЕСТЕ

Электричка на сей раз попалась без странностей, и никаких «случайных» попутчиц не было, а потому ничто не мешало мне по дороге еще раз все обдумать и убедиться, что я правильно понял Ольгу. — Конечно же, она говорила об этом загадочном доме неподалеку от К--, о доме, в котором светится темным светом воздух и земля иных времен, земля народных легенд, проступает на полу двумя пятнами. Зеленым и бледным... — Несомненно, Ольга говорила об этом месте; и вот я все-таки ехал в К--.

Что мне предстояло сделать здесь, — я не знал. — Быть может, мне вообще ничего не удастся сделать, — но попытаться я все-таки был должен. — «Попытаться ЧТО?..» — спросите, быть может, вы, — и будете правы. — Не знаю, ЧТО. — Что-то я должен был сделать, это все, что я знал....

Я не имел, естественно, никаких стратегических замыслов, не строил планов... — Если Ольга говорила, что я найду ее здесь, — значит, нужно было положиться на нее. — Или я встречу ее, или же получу какую-нибудь весточку, какое-то указание, что мне делать дальше...

«— А хорошо, что она жива!..» — Впрочем, вспоминая все ту же сцену разговора Ольги с верховным демонослужителем (я так понимал его должность), обещавшим Ольге наказание хуже гибели, — я с тоской думал, что, может быть, это наказание Ольга сейчас и отбывает... — И если так, ей сейчас, видимо, очень плохо... Так плохо, что... — «Нет. — Все-таки хорошо, что она жива! . — И пока она жива, есть надежда на лучшее...»

...Я медленно шел вечерней дорогой (нарочно выбирал рейс, чтобы попасть в К-- к ночи), и грустно улыбался.— Несколько часов я пробыл здесь в прошлый раз, но их оказалось достаточно для того, чтобы маленький поселок на краю нашей глухой области смог

уже стать для меня родиной легенды. — Да, в прошлый раз я ехал в тихий загородный поселок, а сейчас — возвращался на места боевой славы.

Вот здесь, на этом месте, —я заметил огонь и спросил Надю о нем. — Он и сейчас был виден.—Тусклый, слабый свет вдалеке. — Но шут с ним, мне еще предстоит попасть туда...

Вот на этом месте мы встретили Ольгу, и я не узнал ее голос...

Вот здесь мы были, когда она окликнула нас...

...Надин дом. — Темны окна, никого здесь нет, и самый дом, казалось, дремлет, не тревожимый никем, и снится ему хозяйка, давно не бывавшая здесь. — Может, еще что снится... — А может быть, и сам я, ждущий на диване ушедшую на минутку Надю.. — Все это было, было, было. — Возможно, ничего уже не вернуть, и я прохожу мимо дома случайной тенью, неизвестно зачем вернувшейся на места своей печали...

Я свернул к реке, кинув прощальный взгляд на веранду, на свое плетеное кресло, на место, откуда я выпрыгнул, заслышав зловещий напев неведомых сил, искавших меня...

..Камыш. Ночная прохлада, дыхание ранней осени. Слабое шуршание сухих стеблей. Запах болотной воды. Чуть видимый сквозь заросли — тусклый огонек издалека... — Туда...

Я плохо запомнил дорогу. — Я только вспоминал напряженно свой меч, чувствовал гудение в висках, покалывание в руке, — и это ощущение вело меня вперед безошибочно. — Словно бы я шел на магнит. Вот только старался на всякий случай не терять надолго из виду огонек. — А он все приближался, приближался...

...Роща. Заболоченная роща. За спиной моей осталось пройденное болото. Противно хлюпала в туфлях вынесенная из этого болота холодная, грязная вода... Свет все приближался, он становился сильнее, шире.. Захваченные им деревья выглядели на фоне темных собратьев, как побеленные. — Давно, столь долгое время тому назад, что известка выцвела, посерела, — но все ж еще можно заметить ее следы.. — Чем ближе, тем сильнее становился свет; вот уже — нету ничего, кроме

него, все поглощено, вобрано, — и я, зажмурившись, шагаю...

Я опять стоял на пороге. — Тот же дом, та же обстановка... Ничего не изменилось здесь. Вот — зеленое пятно; у другой стены — бледное, таящее мой меч и охраняемый им клад Иг-Наура Великого.. моего невероятно дальнего. родственника... — Смешно было думать о родстве с человеком, с которым не осмеливались враждовать хозяева вон того, зеленого пятна... — Те самые, от одной мысли о которых мне становилось не по себе. И хотелось убраться куда-нибудь подальше и навсегда забыть дорогу в эти места...

Но, прежде чем убраться, нужно было выяснить что-нибудь об Ольге. Ведь не зря же я сюда ехал?

Но где она? .. — Пусть не она, — ведь на это надеяться нельзя, она в плену; но где весточка, какой-нибудь знак? .. — Я внимательно обвел взглядом стены, покрытые паутиной, но не встретил нигде ни знака, ни надписи. То же на полу, на столе, на деревянном ложе. — Вообще, казалось, в этом доме после меня еще никто не бывал; обгорелые, порубленные бревна так и валялись на полу... С опаской посмотрел я на зеленое пятно. — Оно едва-едва зыбилось, но, кажется, было спокойно. — «Ну, и хорошо. .»

Что мне делать — я решительно не знал. Никаких следов Ольги, никаких вообще следов чьего-либо пребывания здесь. «Быть может, я ошибся? .. — подумалось мне. — Не угадал место. . — А может...»

. Мысль мне совсем не понравилась, но, увы, показалась очень правдоподобной. — Да, скорее всего, именно так и должно было быть. — С чего бы Ольга, находящаяся в месте худшем, чем могила, могла бы свободно оставлять вести о себе в столь безопасном.. конечно, по сравнению с ее нынешним, — месте? .. — Нет, этого не могло быть. Она звала меня помочь, а не получать известие. — Добраться до нее и помочь. Вот так. — И я, увы, твердо знал, что мне надо делать: идти к зеленому пятну. «Нет, — сразу же подумалось мне тогда, — не лукавь перед собой... — Не к пятну. — В пятно...» — Войти в зеленое пятно и встать на неведомый путь, ведущий к спасению Ольги... или, быть может, к разделению ее участи. — Кто знает, куда я попаду? .. — Я вспомнил чудовищ, виденных мною в прошлый раз в этом пятне... — Да, это гибельный путь. Даже если он приведет к удаче, а не к гибели, — все

равно... Это не путь для человека... — Я чувствовал, что это так... но мне было нужно идти именно этим путем...

Но, естественно, я вовсе не собирался сгинуть даром. — «Нет, милые.. Что бы ни ожидало меня у вас, я приду вооруженный... И, если мне суждено сгинуть тут, это случится не просто так. — Пусть я не Иг-Наур Великий, но, клянусь Бледным Богом, вы до-олго будете вспоминать нас... До-олго! .. И не раз придет еще вам на ум, что, может быть, не зря ваши древние хозяева опасались враждовать с моим родом... — Ох, не зря! .. Ох, не напрасно! ..»

Не знаю, с чего это меня потянуло на такой странный монолог, — да еще и беззвучный. — Может быть, от злости. А может, от страха. — Я погрозил зеленому пятну кулаком и направился к бледному. — Рукоять меча уже торчала из него, — как голова щуки из народной сказочной проруби, — и, когда я увидел ее, это зрелище сразу придало мне бодрости. — Ничего, мы еще повоюем! ..

...Увы, я был прав. Повоевать мне еще пришлось, и гораздо скорее, чем я этого ожидал. Я произнес про себя заклинание (еще в прошлый раз стало известно, что можно произносить его и в уме, результат одинаковый, — а выдавать себя голосом до времени не хотелось) — и взялся за рукоятку... В тот же миг неведомая сила рванула меня за руку, и я, не успев даже испугаться, упал прямо на бледную землю пятна, — где-то в метре от того места, где торчала из земли рукоятка... Упал с мечом в руке, успев (уже когда катился по земле) осознать, что в место, где я только что стоял, ударилось с огромной силой неведомо что... — Перебросив меч в правую руку, я вскочил на ноги, лицом к опасности... — Господи, что за ужас стоял у пятна! ..

...Я не могу описывать чудовищ, потому что язык человеческий беден для этого, — и, пока не встретишь подобный кошмар въяве, все равно не почувствуешь его ни по каким пересказам. — Ужасная тварь трехметрового роста стояла передо мной; в одной лапе чудовища был зажат огромных размеров каменный меч, а в другой...— Не поймешь, чем был еще вооружен демон, ибо другая лапа его сжимала деревянный суковатый обломок, а само оружие уже обуглилось на бледной земле пятна, и не было теперь похоже ни на что...

...За одно мгновение я понял, в чем дело. — Меч мой спас меня от гибели, рванув за руку и уведя из-под удара, — а земля сожгла оружие демона...

...Но у чудовища оставался меч, и я, хотя и сообразил, что сама земля этого пятна защищает меня, — все же не мог стоять тут долго. — Кто знает, не спешат ли сейчас на помощь моему чудовищу какие-нибудь столь же привлекательные его собратья?.. — И мой меч, казалось, тоже ныл от нетерпения в руке, тянул вперед, навстречу ужасному гостю... — А я, хотя и понимал, что победа скорее всего будет за нами (то есть, за моим мечом) — все же колебался... — Слишком уж неприглядно было существо передо мной. — Поймите меня правильно. — Даже при уверенности в победе, для этой победы предстояло броситься на чудовище, один вид которого заставлял меня подозревать, что не все в порядке с мозгами было у его созидателей, Хозяев Болот...

— Вам случалось когда-нибудь давить скорпиона? Ногой?.. — отвлекаясь, спросил меня Володя.

— Приходилось.

— Тогда вы должны помнить впечатление. — Давишь его, нога у тебя защищена подошвой, твердо знаешь, что ничего не грозит, а все ж — как-то не по себе...

— Да... — вспомнил я это ощущение.

— Вот, примерно об этом я говорю. — На чудовище, даже логически побежденное, следовало еще сначала напасть...

— Как твое имя, смертный?.. — низким, глухим голосом спросил меня демон, увеличивая (возможно, и без умысла) мое смятение. — Я не знал, что эта тварь может еще и говорить...

— Как твое имя?.. — повторил он, не дождавшись ответа. — Или величие мое заставило онеметь твой язык?..

— Не твое дело, — гордо (видимо, опять взыграла кровь) ответил ему я. — По моему мнению, вопрос об имени был в такой ситуации совершенно излишним. — Убирайся отсюда...

— Как твое имя? — вновь повторил он.

— Ты задаешь напрасный вопрос. Что тебе до моего имени, когда через минуту тебе ни к чему будет уже и твое?.. — Если оно у тебя вообще есть?

— Назови мне свое имя и выходи сюда... — де-

мон показал концом обломка на землю за пределами пятна.

— Мне жаль тебя. Ты погибнешь по своей глупости. — Знаешь, что у меня в руке? — Я взглянул на свой меч, все больше наливающийся злобой...

— Я знаю только то, что надо знать, — ответило чудовище. — Выходи!..

Но именно этот миг, когда оно произносило последние слова, и выбрали мы с мечом. — Я прыгнул к демону, и взметнувшийся меч просиял в полумгле... — Демон, взревев, взмахнул своим мечом, и одновременно со взмахом метнул в меня другой лапою свой увесистый обломок... — Я уклонился от летящей дубины, сделал еще шаг; меч мой отклонил в сторону его меч и затем словно бы щегольнул передо мною своим умением драться; если б это еще произошло не так молниеносно, то я б, наверное, гораздо лучше оценил его боевые качества. . — У бросившегося на меня с голыми лапами демона горизонтальным ударом были срезаны ноги, и меч, не остановив движение, только изменив угол его, тут же взметнулся наискось вверх, разрубив пополам туловище — от левого бедра до правого плеча твари. — Так что, гибельный для себя шаг ко мне делал еще целый демон, а в результате молниеносного движения моего меча этот шаг (уже не шаг, а полет) доделала какая-то часть его, треугольной формы, с одним бедром и двумя плечами, с ревущей головой. Да еще и объятая пламенем по срезу. — Вот этот треугольник и летел прямо в меня... — Меч мой успел опуститься и опять взметнуться (при этом едва не вырвав мою руку из плеча), — и на расстоянии вытянутой руки от меня летящий остаток демона был раздвоен вертикальным ударом и распался на половинки по обе стороны от лезвия.

. Меч мой, видимо, на рассчитал моей силы, и я упал от рывка, едва не угодив на горящие обрубки. Поднялся. Осмотрелся. . — Все спокойно, больше никого не видно. Во всяком случае — пока.. Горели останки чудовища, невдали валялся переломленный каменный меч..

Я отвернулся от поля боя и благодарно взглянул на свое оружие. — Вот, оно еще раз выручило меня...

. Меч так же веял холодом и, казалось, чуть вибрировал в руке, но теперь к обычному ощущению добавилось еще кое-что... — Что?.. — Я не понимал, но

в голове моей нарастал какой то гул... словно бы — не снаружи идущий.. словно бы — во мне... И я закрыл глаза...

На этот раз видение было быстрым и беззвучным. — Я опять увидел Иг-Наура Великого, и опять мне стало жарко, словно бы кровь быстрее потекла по жилам. — Иг-Наур передавал молодому человеку, очень похожему на него («— Сын или родственник...») небольшой, изукрашенный непонятной вязью, мешочек (видение опять было нечетким, как будто по плохо настроенному телевизору) — и что-то беззвучно говорил ему. — Видимо, заклинание, призывающее меч. — Потому что юноша, выслушав царя, высыпал на пол (все это происходило в какой-то большой комнате — наверное в царском дворце) бледную землю из мешочка и наклонился к кучке.. Губы его беззвучно произнесли заклинание, он протянул левую руку. . — И, к изумлению моему, из рассыпанной на полу кучки достал за рукоять левой рукою — мой меч!

Я изумился настолько, что видение, наверное, было перебито моим изумлением. — А может, больше мне ничего не хотели показать. — Во всяком случае, шум утих, и я почувствовал, как ток, под которым я словно находился во время грезы, ослабел... — Еще толком не осознавая ни того, что видел, ни того, что делаю, я уже подошел к бледному пятну, и набрав полную горсть земли из него, засыпал ее в карман... — Зачем? . — Я пока еще не знал этого, но чутье подсказывало мне, что я делаю что-то очень разумное...

Остатки демона уже почти догорели, и я, собираясь покинуть дом, на мгновение задержался... — Одна странность привлекла мое внимание. — Недалеко от места, где дымилась обгорелая плоть, лежал на земле какой-то темный шарик, довольно интересный на вид. — По всему было ясно, что шарик этот принес с собой демон, потому что до его появления ничего подобного здесь не было. — Я ведь внимательно осматривал дом, и такую вещь заметил бы непременно. — Из чего был шарик, не знаю; темно-бурого цвета, размером с небольшое яблоко. — Что это такое? Зачем это? — Я тронул его своим мечом, но с шариком ничего не случилось. — Значит, он не был опасен для меня (я давно уже понял, что меч мой враждебен ко

всему, что опасно мне. и, видимо, опасен вообще всему живому. — Если верить заклятью: «...лелей голодную жажду крови чужой, и верность — крови моей...» — Правда, второй вывод мне, к счастью, не удалось пока проверить, но в первом я был убежден).

Итак, я поднял этот безопасный шарик. С недоумением повертел его в руках (положив меч на колени), — и, случайно потянув за какой-то отстающий слой, понял, что этот шарик — умело свернутая и скрепленная невесть чем — одна длинная полоска.. Я развернул ее, и. освещенный темным светом дом качнулся и поплыл на мгновение в моих глазах. — Да ведь это письмо. и письмо — м н е... от Ольги...

Послание было составлено явно наспех, а возможно, составлялось урывками, в редкие мгновения, когда у Ольги появлялась такая возможность. — Оно было не написано, а нацарапано, — быть может, ногтем, — на этой бурой ленте... Я с трудом различал корявые буквы.

«Володя! Помоги. Если сможешь... если захочешь. Я виновата перед тобой, но — помоги... Через Ничто не ходи, ищи в моем доме ночную мазь... Найди Надю, она должна знать.. Возьми меч, но берегись. — Дремлющая Сила ожила...»

Вот такое послание. Перечитав его дважды, я опять свернул ленту в шарик и положил в карман (на всякий случай, в другой карман). — Что бы это все значило? — Выходит, Надя жива? Выходит, я должен был идти не сюда, а в Ольгин дом? — Ведь мы и там с ней встречались, не только здесь. Выходит, Ольгу все-таки можно спасти? Выходит.

И много чего еще «выходило». — Но главное!.. — Я не знал, что и подумать... Только — глядел на обгорелые останки чудовища и ничего не понимал. — Выходит, эта тварь несла мне Ольгино послание?

«Вот зачем он спрашивал мое имя...»

Но, не успев еще развить эту мысль, я ощутил, что в доме есть еще кто-то. . — Мгновенно, не отдавая себе отчета в своих действиях, я схватил меч, рывком вскочил. и тут же упал, ибо в спину меня с силой толкнули... — «Эх, проворонил!..» — Спереди ко мне

подскочил человек в черной повязке до глаз, ухватился за лезвие меча, пытаясь обезоружить меня... — Я не придал особого внимания крику дурака, потому что, во-первых, знал, чем это должно кончиться, а во-вторых. . — а во-вторых, потому, что меня гораздо больше интересовало другое: я был со всех сторон окружен людьми в черных повязках; руки их, отведенные для броска, замерли в воздухе, и копья, нацеленные в меня, готовы были вот-вот рвануться вперед...

«Вот и все... — Взяли... — И меч не поможет...» — обреченно думал я, пока меня связывали. — «Вот и все...» — Я готов был закричать, завыть, — но не от страха, от отчаянья. — Стоило вынести бой с чудовищем, получить послание, узнать столько важных вещей, — и все для того, чтобы закончить это... ничем. «Ничем» — для Ольги... для Нади.. А для меня... — Что они сделают со мной?

— Оставьте его, — раздался в доме повелительный голос. увы, узнанный мною и вряд ли потому предвещавший что-либо хорошее. — Развяжите его...

3. УНИЖЕНИЕ

— Вот мы встретились уже в третий раз, — сказал человек.

— Да, — ответил я, потому что надо было что-то говорить.

— И каждый раз это было неожиданностью для тебя... Проще говоря, каждый раз ты был застигнут врасплох.

— Верно. Удивительная у вас способность...

— О чем это говорит? . — продолжил человек, словно бы пропустив мимо ушей мои слова.

— О вашей подлости, естественно.

— Пусть так, если ты настаиваешь. — Но я хотел услышать другое, более осмысленное...

— Что?..

— Признание.

— Чего?

— Моей правоты. — Я ведь предупреждал, что мы сильнее тебя...

— Послушай, что вам вообще от меня надо?

— Ты невежлив и заносчив, — заметил человек, качая головой (странное зрелище, — когда человек с ли-

цом, закрытым до глаз черной повязкой, качает головой). — Впрочем, это наследственное. — Ты — в который раз — впутался в наши дела, и теперь спрашиваешь, что нам надо?

— Сволочь. Не добрался я до тебя в прошлый раз, — со злостью сказал я. — Вот бы ты тогда философствовал.

В глазах его, казалось, на мгновение полыхнула ненависть, но он сдержался. — Только, поглядев искоса на мой меч, мерцавший бледным светом на земле, сделал знак рукой, приказывая двум людям, стоящим за моей спиной, отвести меня подальше. — Приказ тут же был исполнен, и меня отвели назад.

— Боишься? — злорадно спросил я.

— Тебе не понять моих действий, Наур. Но я отвечу. — Бояться мне нечего. — Ты не успеешь взять меч. — При первом шаге в тебя вонзятся все копья, которые ты видишь перед собой. — Этого будет гораздо больше, чем достаточно...

. Да. Я понимал это. Слишком много жал глядело на меня со всех сторон. Даже если б меч был сейчас в моих руках, все равно я вряд ли бы мог надеяться на удачу. — Слишком много людей было вокруг меня; слишком много закутанных в черное лиц глядело на меня из полумглы. — А там, у стены, опять вспухало, сияя ярко-зеленым светом, проклятое пятно, и отвратительные морды нездешних существ, проявляясь в нем одна за другою, тяжело ворочали выпуклыми глазами, разглядывая меня... — Только теперь я (как всегда — с безнадежным опозданием! .) — стал отдавать себе отчет, насколько глупой и авантюрной была моя поездка сюда. насколько непродуманным и тщетным было мое упование на силу меча...

— Но принять меры предосторожности не мешает. Ибо ты сам не ведаешь, что творишь, и мне хочется избежать случайных недоразумений. — Я должен беречь мой народ..

«Может быть, он смог бы разметать их всех.. Но — как успеть до всех добраться? .»

— Ты о чем-то задумался, Наур? — услышал я голос человека. — Или просто не удостаиваешь меня вниманием?

— Нет, — ответил я ему. — Я просто устал. — От дурных забот. От бесполезных слов. От ненужной мне, — да и не мною начатой, — истории... От всего..

— Значит, ты в обиде на нас, Наур? .. — насмешливо спросил он. — Ты обвиняешь нас в своих бедах? .. Предъявляешь нам счет? .. — Ну что ж, мы готовы заплатить тебе.

— Ну, и я готов, — гордо сказал я и с презрением посмотрел на человека. Скрестив руки на груди. — Все равно погибать, так почему бы не делать это как можно достойней...

— Мы ценим твою доблесть, — и в бою, и пред лицом гибели, можешь не сомневаться. — так же издевательски продолжил человек, а я изнывал от бессильной злобы, слыша эту снисходительную нотку в его голосе. — Впрочем, это священное право победителя: издеваться над побежденным. — Но только демоны, — и я, несмотря ни на что, до сих пор убежден в этом, — с охотой пользуются таким правом...

— Ладно. — Чего вы тянете? — хмуро спросил я.

— Ничего. — А ты что, куда-нибудь спешишь? .. — осведомился человек. — Или тебе не нравится у нас? — Но ведь мы тебя и не звали...

— Я больше не стану отвечать тебе. — Надоело..

— Или же ты боишься? А?

...Я молчал.

— Боишься. — утвердительно ответил на свой же вопрос человек. — Но ты не бойся. Кто знает, — как сложится твоя судьба? . — Быть может, мы тебя освободим. — Ты ведь не знаешь?

Я молчал.

— Вот, — сказал человек. — Не знаешь. . И даже я не знаю. Но пока — успокойся. Отдохни. Побеседуем. — А хочешь, сказку тебе расскажу?

. Я улыбнулся как можно шире.

— А я ведь вправду хочу рассказать сказку. Такая у меня должность, — вздохнул он, — рассказывать тебе каждый раз сказки. — О чем ты сегодня хочешь узнать?

Я продолжал молчать.

— Ну, тогда придется выбирать мне. — Я расскажу сказку о непутевом наследнике древнего и почтенного рода, вмешавшегося в дела не для своего ума, и почему-то теперь обиженного на ни в чем не повинных обитателей сопредельной державы... — Итак. — Жил этот наследник, да жил, никуда не лез, но вот однажды привелось ему получить некий случайный подарок, —

скажем, Талисман. — Ибо он так его называл. — Что это за Талисман — он не ведал, но понимал, что вещь эта не простая. Что она исполняет кое-какие желания. Как волшебная палочка. — И тогда он, заинтересовавшись, решил испробовать ее в деле. — То есть, едва ли не сжег руку своей любимой девушке... и совершил еще несколько подобных подвигов. — Кажется, сам того не желая... — Я правильно говорю?

Я молчал, стискивая зубы, — от злости и... стыда. Ибо в словах этой гадины была правда...

— Потом эта игрушка ему надоела, или показалась некрасивой, — уж не знаю, — и он, решив избавиться от нее, выбросил ее в болото.. — Что, нельзя не признать, было наилучшим решением, какое только могли потребовать от нашего героя истинные хозяева этой игрушки. . — Человек слегка поклонился мне. — Кстати сказать, от волшебных вещей так просто не избавляются.. Ну, это к слову. Пойдем дальше...

. А дальше — все продолжалось в том же духе. Герой наш однажды ухитрился добраться сюда, в это место, и здесь ему удалось добыть еще одну странную игрушку, — на сей раз — меч... С этой новой игрушкой он распорядился так же разумно, как и с прошлой. — То есть, загубил несколько обитателей здешних мест и, выгнав остальных с родного пепелища, с победой удалился. — При этом забыл свой меч здесь, а теперь, вспомнив о нем, вернулся забрать. — Мимоходом загубив еще одно безвинное существо... — А будучи застигнут на месте. подвига, — нежданно-негаданно обиделся. — Я все верно говорю?

— Тебе виднее. — Но ты уже все сказал?

— Сказка окончена. — Правда, нужно добавить еще кое-что. — Здешние обитатели, восхищенные и даже, возможно, слегка испуганные ратной доблестью героя, предлагали ему мир, дружбу и возможность поселиться на их землях со славой и почетом. Но он.

— Хватит сказок, — сказал я.

— Да. . — ответил мне человек и выпрямился. Теперь тело его обрело гордую осанку, в голосе зазвучала торжественная нота. — Хватит, Наур. Больше не будет сказок. — Тогда мы действительно предлагали тебе кров и славу. Но теперь — ты не нужен нам.

— Ну, и хорошо...

— Да. Ты не враг и не гость. Как гость — ты не достоин гостеприимства; а как враг — ты не стоишь

внимания. Теперь мы знаем это. — Ты бесполезен, а если правдиво — то просто вреден для любого, кто доверился бы тебе. — Ты шагаешь только тропами несчастья. — Я уже говорил тебе, что ты путаешь наши карты очень удачно для нас. — И теперь...

— Что же я все-таки полезное сделал для вас?.. — Все никак не пойму...

— Талисман. — Ты думал, это вправду волшебная палочка? Игрушка из сказки?.. — Таких сказок не бывает на свете, Наур. Ты думал, Болотные Боги для твоей забавы веками создавали свое Заклятье? — Нет! (Голос человека все крепчал и становился все торжественней). — В древние времена было создано оно для заветного отмщения смертным. В давние времена оно было передано им в руки, чтобы однажды — по свободной воле смертного — вернуться из человеческой руки к своим Хозяевам... — Ты вернул его, Наур. Ты сделал это по доброй воле. Ты освободил скрытую в Талисмане Дремлющую Силу; теперь она не заставит себя долго ждать. — Ужас и отчаянье идут в мир, — ужас и отчаянье, каких уже много веков не знала земля... Но теперь нету древних царей, способных встать против этой Силы. — Не поднимутся из могил те, кто доблестью и мощью своей могли отменять замыслы Древних Богов... А наследники их сами призывают беду на свою голову... — Ты сделал это, Наур. — Ты сам, добровольно!.. — Человек запрокинул голову и злобно расхохотался...

. Я шагнул к нему, но сильные руки тут же схватили меня с обеих сторон, — и, как я ни напрягался, вырваться мне не удалось. — Стоял на месте и с бессильной злобой смотрел на человека. — Много бы я отдал сейчас за умение испепелять врага взглядом...

— В тебе опять пробудилась природная доблесть? — спросил меня человек, отсмеявшись. — Смотри, она опять приведет тебя к какому-нибудь непредвиденному результату... — Отпустите его... Он не опасен...

Руки, стискивающие меня, разжались, и я, тяжело дыша, смотрел, смотрел на человека... — Эх, если б я мог до него добраться!

— Ты, наверное, ждешь от нас наказания за свои дела?..— с презрением спросил меня он.— Нет. Ты не опасен; ты нам безразличен.— Иди куда хочешь. — Иди, только помни наперед, что мы сильнее тебя.—

Ну, да я уже сколько раз говорил, и возможность убедиться у тебя была..

. Мне сначала показалось, что я ослышался. Или — что демоны теперь решили поиздеваться надо мной таким способом. — Я смотрел, смотрел на человека...

— Иди, Наур, Можешь даже забрать свой меч. Все равно — ничего доброго ты им не сделаешь. — Иди. Ты слишком ничтожен, чтобы держать на тебя зло. — И мы не держим его. — Ни за старые обиды, ни за новые. — Он указал на обгорелые останки убитого демона, на разрубленное тело человека, столь неосмотрительно пытавшегося разоружить меня. — Будем считать, что твое зло покрыто той пользой, которую ты принес нам. сам того не ведая. — Скоро ты увидишь плоды своих дел. Потому — ты свободен. — Иди. Ты не страшен нам. — Ты жалок, Наур...

. Ряды людей в черных повязках дрогнули и раздались в стороны, освобождая мне дорогу. Руки с копьями опустились, и когда я, подобрав меч, молча пошел к выходу,— с опущенной головой, сам не свой от обиды, от унижения,— люди только внимательно смотрели на меня.— С насмешкой.. С презрением...

4. РАЗДУМЬЯ ПОБЕЖДЕННОГО

Последние слова Предводителя Демонов еще долго звучали жгучим эхом во мне. — Да, я действительно был жалок. — Особенно жалок я был в тот миг, когда, выйдя за порог и убедившись, что меня никто еще не остановил, поддался безотчетному страху и бросился бежать,— со всей скоростью, на какую был способен, делая зигзаги, чтоб уберечься от возможного копья в спину. . — Да, я был очень жалок. — Правда, на бегу я сам себя презирал, — но от этого скорость моя вовсе не уменьшалась. Перешел я от бега на быстрый шаг (тоже очень быстрый. .) только где-то на середине К- -.

Я шел по К - -, сердце тяжело бухало в груди, так же тяжело, казалось, бухала ночная темнота, и звезды пульсировали в небе.— Да, я был плохим хранителем родового достоинства.— Настоящий Наур, думалось мне, невзирая на копья, бросился бы на врага и, мгновенно уподобившись дикобразу, истекая кровью из многочис-

ленных ран,— все же достал бы его и забрал с собой в гибель... А может быть, достал бы и еще нескольких... Даже — нет: я чувствовал, что на настоящего Наура не смели бы так напасть... и не сумели бы так напасть. — Я проворонил опасность; я не сумел с честью вывернуться из беды; я бежал, позорно бежал от врага.. — Нет. . — Поникший, потерянно расхаживающий по площадке в ожидании электрички на М., я был не наследником древних царей, а простым обывателем, которого только что прижала в темном углу шпана и, пригрозив набить морду, отобрала десять рублей и талон на водку... — То есть, я был — самим собой...

...Хорошо, что большинство жителей страны — такие же простые обыватели, и потому без нужды не выходят из дому после наступления темноты.— Ни в электричке, ни в М-е (впрочем, в М-е я на всякий случай шел «задними дворами») я не встретил никого, и потому — человек со странным мечом не стал наутро достоянием гласности в городке.

Я добрел до своего дома, уже устав за время пути переживать свой позор. — У меня, видимо, начиналось какое-то нервное потрясение. . — И я, последними усилиями воли сдерживаясь, чтобы не закричать, не зарыдать или не сделать еще чего-нибудь столь же глупого и шумного, торопливо искал ключ, открывал дверь (не сразу попал в скважину), мечтая только об одном: забыться. Хоть ненадолго.— Облиться холодной водой, съесть несколько снотворных — и постараться забыться... отойти, отдохнуть. Ибо нервы мои уже почти не выдерживали... — А когда в сенях, в углу мне бросился в глаза — четко и ясно — некто высокий в пальто,— нервы сдали, и я с каким-то звериным рычаньем рубанул его своим мечом..

Силы небесные! .. — Если я ранее не сумел сойти с ума от ужасов, сегодня впору было сделать это от позора... — От цепочки непрестанных позорных деяний, совершаемых мной сегодня. Включив свет, я увидел разрубленную молодецким ударом вешалку, и валяющееся рядом на полу мое разрезанное пальто...

...Это было мое единственное пальто, но не в том дело.— С невероятно идиотским, видимо, лицом, с грозным мечом в руке, я стоял над убитой одеждой и, глядя на нее пустыми глазами, бессмысленно улыбался. — Не помню сейчас, какие чувства стучались, бегали, ме-

тались в моей несчастной голове... — Помню, что после я, выронив меч, мягко упал на колени возле сраженной вешалки,— и заплакал... Заплакал обиженным плачем ребенка, не понимающего ничего на свете...

...Первым моим чувством, когда я очнулся утром, было то же самое: стыд. Вторым — тревога. Испуг.— Что-то я слишком поспешно начал хвататься за меч.— Пусть я для начала всего-то зарубил вешалку; но этак еще немного осталось,— и я любого, кто наступит мне на ногу, буду на месте раздваивать...— Нет, прослыть маньяком-убийцей меня вовсе не устраивало... — Надо было что-то делать с собой... И надо было вообще что-то делать...— Но что? Что я мог сделать?..— Мне казалось, что все надежды потеряны...

Следующие пару дней я занимался тем же, чем и в первый после возвращения: упивался собственным позором и пытался как-то прийти в себя. Изживал отчаянье, вспоминая подетально тот несчастный день, выжигая в себе те чувствительные окончания, которые отвечают за мою способность стыдиться... Не знаю, насколько хорошо это у меня получилось, но детальное припоминание последнего происшествия помогло мне в другом. — Ибо, несмотря на очевидную неудачу моего предприятия, кое-какие полезные сведенья я все же получил. Оставалось сообразить, как их использовать.

Итак. Во-первых, я понял, что не надо полагаться на волшебные вещи до такой степени, чтобы полностью доверять им заботу о своей безопасности.— Дважды у меня была возможность проверить это на практике,— и теперь я, наконец, убедился...

Во-вторых, выяснилось, что существуют демоны, которых можно приручить и использовать для выполнения мелких не-демонических поручений (правда, мне все же не было ясно, почему прирученный Ольгой демон сначала попытался убить меня, а только потом спросил мое имя.— Может, демоническая сущность перевесила? ..).

Далее.— Грозные служители Болотных Богов вовсе не всесильны (правда, это наблюдение не мне бы делать): они не смогли помешать Ольге написать и передать весточку, не сумели изолировать Надю от сообщения с Ольгой..

Еще было известно, что Надя то ли вовсе на свободе, то ли на положении более легком, нежели Ольга.—

Скорее всего, вообще на свободе.— Иначе Ольга вряд ли советовала бы сначала отыскать Надю, а потом уж — ее. «Правда, — тут же подумалось мне, — Ольга может просто не знать, где Надя и что с ней,— и просит поискать ее на всякий случай, наудачу...» — Да, могло быть и так; но хотелось надеяться на лучшее.

...Кажется, в основном все. Кое-что я постарался запомнить потверже. Как своеобразную инструкцию для будущего.— «Памятка для того, кто намеревается успешно бороться с демонами»...

Это все я вынес из своего приключения, как уже данные выводы. Но были и загадки, которые еще предстояло разгадывать. — Одну из них можно было разгадать прямо в своем доме, и я не мешкая занялся этим.

Бледная земля была в правом внутреннем кармане моего пиджака. Я выгреб ее всю и осторожно высыпал на пол.— При свете дня она не мерцала своим странным светом, а выглядела как обыкновенная почва, только что обесцвеченная.— Вспомнив видение, я решил проверить кое-что, пришедшее мне на ум в связи с ним.— Я взял свой меч в левую руку и, едва дыша от внимательности, медленно вонзил его в кучку на полу... Меч входил в землю!.. Он входил в нее легко и свободно, почти без моего усилия,— как входил вообще во все, что мне доводилось им рубить.— Он ушел начисто, его скрыла бледная земля...— Я смотрел на это и прыгал от радости, как школьник, которому впервые самостоятельно довелось взорвать в костре баллончик от аэрозоля. — Чудеса, чудеса!.. — Отпраздновав исчезновение меча, я протянул левую руку над землей и произнес — по такому торжественному случаю вслух — заклинание, и рукоятка вынырнула из земли в мою руку.— Правда, после первого удачного опыта радость от второй удачи была несколько скромнее, но в общем хорошее настроение вернулось ко мне.— Теперь, в случае надобности, мне не придется ехать либо идти куда-нибудь через людные места с мечом в руках; я могу нести его в кармане... — Замечу наперед, что это были далеко не все возможности комплекта, состоящего из бледной земли, меча и...— Впрочем, далеко вперед я забегать не намерен.— Тогда, с первого раза, я больше ни до чего не додумался; но даже такое применение вновь открытых способностей бледной земли (или ме-

ча) было уже удобством...— А что современный человек ценит больше, чем удобства?

.Разгадку самого явления я не нашел. Впрочем, можно предположить два наиболее вероятных варианта.— Во-первых, меч мой (о чем я никогда не забывал) — в сущности не меч, а один из могущественных демонов древности; если так — то вполне возможно, что ему под силу изменять свои облики, свои размеры...— Вот, именно способность изменять размеры меня и интересовала.— На земле, очерченной знаком и, так сказать, «околдованной» наговором Иг-Наура, он мог уменьшаться до такой степени, что свободно умещался в любую горстку этой бледной земли...

Вторая гипотеза исходила не из размеров меча, а из глубины его залегания под землей.— Глубины, из которой практически безразлично, в какое место на поверхности выходить, лишь бы было «окно» для выхода (то есть бледная земля) — и воля Наура, призывающая Бледного Бога к делу.

Не знаю, верны мои гипотезы или нет, но, в конце концов, это неважно. — Я, слава, богу, не научный работник и вовсе не призван заниматься размножением вероятностей.— Главное, что я набрел на свойство меча, могущее быть мне полезным...— Не откладывая, я тут же принялся шить мешочек, и вскоре бледная земля, засыпанная в него, упокоилась в том же кармане, что и была... И тут я заметил за ней еще одно любопытное качество.

...Сначала — о предметах. Их четыре: карман, а в нем — авторучка и трехрублевка. Четвертый предмет — тот самый мешочек, какой я только что сшил.— Сами по себе эти четыре предмета не очень потрясают ум, но я вспомнил, как бледная земля сожгла оружие демона, убитого мною в тот несчастный вечер.. Одно воспоминание потянуло за собой другое,— и я припомнил, как Ольга, в гибельный день нашей последней встречи, сообщила мне, что несколько демонов погибли на этом пятне.

«Значит ли это, что земля пятна уничтожает только то, что связано с нечистыми силами, и обходит вниманием нормальные предметы, вроде ручек и денег?..»

Нужно было проверить новую догадку.. Я сообразил быстро.— В левом кармане пиджака лежало свернутое в бурый шарик послание Ольги.— Вот вещь из мира демонов!..— Я вытащил шарик, развернул, переписал на

всякий случай текст на листок бумаги, высыпал бледную землю на пол и положил шарик на кучку...

...Шарик обуглился очень быстро.— Пошел легкий дым, форма шарика начала меняться, огонь разворачивал послание... Несколько слоев, отстав, изогнулись и съежились. Мгновение — и горстка темного пепла лежала на бледной земле...

Ну, что же. И это открытие как-нибудь используем.— «Если б я знал раньше!..— вспомнил я свой поход в К--.— Я бы мог закидать демонов землей из пятна, или, на крайний случай — набрать ее побольше. .»

Но ладно. Пусть и поздно — я сделал это открытие.— Да, Науры были великим народом.— Не зря их боялись Болотные Боги..— Ой, не зря!..

Другая загадка, не дававшая мне покоя,— Талисман.— Как я привык его называть.— Что же это такое на самом деле? Что я сделал реально ужасное, бросив его в болото?..— «Ужас и отчаянье идут в мир...»— сказал мне Верховный Демонослужитель.— «Ужас и отчаянье, каких много веков не знала земля...» — Что же это могло быть?..— Я долго пытался сообразить.— «Дремлющая Сила»...— Ольга тоже что-то говорила о ней... Но что она есть?..— Я даже не «терялся в догадках», как любят говорить: у меня и догадок не возникало.— Ужас и отчаянье...— Уж если повелитель чудовищ, от одного вида которых у неподготовленного человека может кровь в жилах застыть, говорит об у ж а с е,— значит, он знает, о чем говорит.— И, значит, я, с моим дилетантским понятием о чудовищах, вряд ли это смогу представить...

Итак, ничего мне не удалось понять в этой загадке, кроме одного: речь идет о чем-то действительно ужасном. Причем — человек пообещал мне, что скоро я увижу плоды своих дел..— Что это ЧТО-ТО было создано на погибель смертным...— «Всем, что ли?..» —Я не знал, как велика опасность, опять-таки потому, что ничего не знал о ее сущности; но думы мои были мрачны, и мужественное, хотя и нерадостное, чутье подсказывало мне, что лучше преувеличить опасность, насколько это в моих силах, чем преуменьшать ее... Более того: оно подсказывало мне, что «преувеличить» ее

трудно...— А я, как уже неоднократно говорил, вполне доверял своему чутью.— Быть может, это даже не чутье, а мудрая кровь древних Науров подсказывала мне...— Пожалуй, так оно и было.

...И было у меня еще одно дело. Для совершения которого нужно было идти в Ольгин дом. Что я и намеревался сделать, немного отдохнув и набравшись сил.— Потому что я не собирался сдаваться. Гордая кровь древних царей не позволяла мне сделать этого.— Нет. .— Даже побежденный, даже униженный своим врагом, я не собирался сдаваться. Я только набирал силы после поражения.— Первым шагом в возобновляющейся необъявленной войне был — с моей стороны — поход в Ольгин дом.— За ночною мазью...

5. ЗА НОЧНОЙ МАЗЬЮ

Ольгин дом...— Дом, в который я ходил когда-то спокойно и беззаботно, ничего не подозревая. — К своей подруге...

...Дом, в который я вошел однажды — еще не ведая, что вошел к будущему врагу... и не ведая — *куда выйду* и чем все это закончится...

...Дом, в который я вошел опять, но уже ни к кому,— и теперь — совсем другим человеком... А это самое «все» — *еще не закончилось*...

...Соседи, ненавязчиво опрошенные мной, говорили, что давненько не видели хозяйку дома. Но, поскольку ко мне там в свое время привыкли, расспросы не вызывали никаких подозрений, ответного любопытства... В дом можно было попасть,— я знал, где ключ,— и мое вторжение туда соседей не удивит...

И вот я в доме.— Надо сказать, мне в прошлые времена не слишком нравился Ольгин дом.— Не очень уютный; мрачноватый.— Дом, обстановка...— Впрочем, теперь-то я знал, что это дом ведьмы, так что нечего рефлексировать.

Мне нужно было взять ночную мазь. Я в последний раз видел ее в шкафу...— Я направился к шкафу и потянул за ручку двери...— Шкаф не открылся.

Подергав еще немного и убедившись, что точно заперто, я начал искать ключ.— С поиском мелких предметов мне почему-то всегда не везло. Слишком много труда я вкладывал в него, и хорошо — если вообще результативного. . .— В данном случае весь мой труд был абсолютно бесплоден. Я поискал в ящике стола, в многочисленных мелких вазочках, какие стоят во всех домах средней и худой руки как емкости для мелких предметов, наиболее часто используемых в хозяйстве. . . В кухонном столе, среди ножей и вилок. . Потом опять пошел к шкафу дергать его. На сей раз я дергал длительно и раздраженно.— Где-то минуте на третьей дерганья ко мне пришла мысль,— не слишком ли я стремительно глупею в последнее время? . .— Тогда я оставил шкаф в покое. . . и, к сожалению, не придумал ничего лучшего, как снова перерывать весь дом.— Медленно. . . тщательно. . . затем — все более торопливо и беспорядочно.— Теперь откуда-то возникла и начала укрепляться во мне уверенность в том, что надо спешить. . .— Я спешил, я бросался к одной вещи (например, к вешалке с одеждой) — и, не закончив еще обшаривать ее, кидался уже к другой,— например, к проверке наволочек. .— Беспристрастный наблюдатель, знающий о цели моих поисков, наверняка хохотал бы, глядя на мое кружение по дому. . .— В какой-то миг я сообразил, что, если шкаф заперт, то мазь, возможно, спрятана где-то в другом месте. . .— И начал теперь искать еще и мазь.— В тех же местах, где только что искал ключ. . .— В итоге, я искал теперь и ключ, и банку, временами забывая — что именно и как оно должно выглядеть, — а в перерывах ходил дергать шкаф. . . — Я навел беспорядка не меньше, чем наемный разоритель, и уж гораздо больше слепого грабителя. . .— А чувство необходимости
спешил, я бросался к одной вещи (например, к вешал-
меня. . . В конце концов, сообразив, что нужно на всякий случай позаботиться о своей безопасности, я решил достать меч, а потом уж продолжать поиск. . .

Я вызвал меч. . . от спешки забыв высыпать землю из мешочка на пол. И в результате получил рукоятку, тянущуюся ко мне прямо из мешочка. .— Это было очередным открытием, но я только запомнил его, а обдумывать было некогда.— Вытащив меч, я оставил его в левой руке, а правой начал опять дергать за ручку шкафа. . .

Если б это был современный шкаф, ручка бы дав-

ным-давно оторвалась,— и скорее всего, вместе с дверцей. Но шкаф был старый, еще времен добротного тоталитаризма, когда качество любого запирающегося изделия обязательно должно было гарантироваться,— и потому дверца держалась...— Вот уж верно был день веселья для потенциального наблюдателя! И день глупости для меня!..— Для того, чтобы догадаться, что дверь можно открыть с помощью меча, мне потребовалось еще некоторое время дерганья... Но затем уж я не сплоховал.— Воспоминания о моем мече всегда отрезвляли меня...— Потому я не использовал меч в качестве ломика, а рубанул им по петлям, и срезанная дверь мягко рухнула к моим ногам.

«Хорошо...» — Я усмехнулся, вспомнив заклинание: «Вещий ключ — отвори глубину. Возврати достоянье владыки...».— Вот, теперь Бледному Богу пришлось побыть и своеобразным ключом...— И в тот же миг с изумлением почувствовал я, как мелко-мелко затрясся мешочек с бледной землей,— и, казалось, зашевелился, начал менять форму. — «Нет-нет! Не сейчас!. — Вернись обратно!..»

— «Ну и ну!.. Неужто «достоянье владыки» чуть было не вышло сейчас на свет?..» — Скорей всего, так оно и было, но мне вовсе не хотелось здесь, в чужом доме, основательно располагаться и заниматься изучением своего наследства...— Нет уж, потом.— Хорошо, что мои бездумные действия могут приводить не только к неприятным результатам, но иной раз — и к полезным,— однако: не сейчас. Сейчас — мне нужна только мазь...— Я засунул меч в землю, упрятал мешочек в карман и начал шарить на полках.— Шкаф был глубокий, и плохо виделись в его темной внутренности предметы... Я искал наощупь.— Расческа... духи...— вот! Пальцы коснулись баночки. — О, выпуклая радость узнаванья!.. Успех сопутствовал мне сегодня!..

Я вынул руку из темной глубины.— Да, та самая баночка. Если ее сейчас открыть,— мне увидится темного цвета мазь, и резкий болотный запах поплывет по дому. Но это — тоже потом.— Еще когда обдумывался план похода, я сразу решил забрать мазь с собой, а не использовать на месте.— Ибо, как я понимал (и правильно) — мазь действует в любом доме, не только в Ольгином.— А перед тем, как отправиться в то место, в каком я уже однажды побывал, отправившись за

Ольгой, и чуть было не нажил себе неприятностей («Какое там — чуть не нажил: ведь там-то, на деле, все и началось...» — тут же подумалось мне) — надо было еще отдохнуть и подумать...— Я уже зарекся делать необдуманные походы...

Я спрятал мазь в карман и огляделся.— Кошмар какой!.. Что же это я тут наворотил? А вдруг кто обнаружит весь этот беспорядок в доме, в котором нет хозяйки?

«Естественно, — сообщат в милицию... И — ...»

Мне не очень улыбалась перспектива быть разыскиваемым по подозрению в хищении (или, скорее, в разорении) чужого имущества. И потому я начал быстро приводить дом в благопристойный вид...

Правильно говорят, — ломать не строить. — То, что я, шутя, играючи, наворотил всего-то за час, невозможно было вернуть в первозданное состояние и за полдня (и то вряд ли).— Я пытался хоть кое-как упорядочить наиболее хаотические кучи мебели, одежды или других вещей, о полном порядке не помышляя.— Но хоть что-то сделать...

...На этом занятии меня и поймали. Произошло все, как и в К - -, только намного мягче.— Сидя на коленях возле отрубленной дверцы шкафа и соображая, что бы тут можно сделать,— я вдруг ощутил присутствие в доме людей...

— «Господи, какой дурак!..» — выругал я себя и начал подниматься.— Медленно и как можно естественней, создавая впечатление, что я встаю просто потому, что надоело сидеть на корточках, а вовсе ни по какой другой причине.— Что я вовсе не догадываюсь о наличии в доме посторонних. Краем глаза я заметил, что сбоку от меня никого нет...— Значит, не окружили...— Я постоял несколько мгновений, произнося в уме заклинание и продолжая стараться выглядеть как можно безобидней (сколько сил мне это стоило!..) — а потом, сунув руку в карман и нащупав рукоятку, неторопливо развернулся.. И в первое мгновение ничего не понял.— В комнате был только один человек, незнакомый мне. Он стоял на пороге и внимательно глядел на меня...

«Демон? Родственник?.. Жулик?..» — в такой по-

следовательности возникали вопросы, когда я глядел на этого человека. Вид у него был вполне обыкновенный. Лет пятидесяти, с небольшой бородкой, внимательными глазами и строгими чертами лица.— Что-то в нем неуловимо напоминало тех людей, с которыми в последнее время так часто сталкивала меня судьба.— Правда, он не производил впечатления особо крупной величины (как те), но... Он ведь мог быть и средней величиной; а меня сейчас и это не радовало. — «Лучше всего, если б он оказался жуликом...» — Но, однако...

— Добрый вечер, — сказал я (не то — сообщил...) ему, справляясь с волненьем.

— Да.

— Вы кто? — Простите за неуместный вопрос...

— Я? .— он усмехнулся.— Это зависит от того, с какой стороны смотреть...

— Мы с вами встретились в чужом доме,— сообщил я ему. — Хозяйка отсутствует. Если в пустой дом забирается один человек,— это уже подозрительно.— А если он — чуть погодя — встречает здесь еще и другого..

— Ах, так вы тоже забрались в чужой дом?

— Теперь я понимаю, что вы здесь — человек чужой.— Значит, смотреть на вас можно...

— Только как на жулика? .— докончил он, подмигнув.

— Гм.

— Нет, я все ж не жулик. Я скорее, вымогатель.— Он усмехнулся.— Раз уж вы предпочитаете смотреть с точки зрения уголовной.

— Да ведь здесь не с кого вымогать.— Хозяйки-то нет...

— Да. Но я-то надеюсь, что она когда-то бывает! .— Вот сейчас, например.— Поглядел,— дверь открыта. Постучался — не отвечают.— Думаю, войду...

«Вот так да! .» — Я не слышал стука.— Неужто я до того погрузился в свои дела, что проворонил стук в дверь? .— «Ну, тогда понятно, почему меня все время врасплох берут...— Я не только стремительно глупею, у меня и чутье слишком притупилось. .»

— Вошел, — а тут вы в квартире прибираетесь. — Я подумал,— родственник, а то — новый хозяин. Вещи

после переезда расставляете.— Хотел уйти, но вы обернулись. . .— продолжал докладывать человек.

.Да. Теперь кое-что стало понятно.— Но неужто я впрямь так долго не замечал его? . .— Он, значит, стоял, наблюдал за мной, а я все не соображал, что в комнате — человек! . .— Нет, прямо-таки поразительная бесчувственность!

«Хорошо еще, что он не соображает, что я тут делал. . .— Нет, но я-то! . .»

«Куда уж тебе с демонами воевать,— сказал я сам себе.— Тебе только квартиры чужие разорять. . .»

— Конечно,— ответил я человеку,— я догадываюсь, что вы никакой не вымогатель.— Прошу прощения,— странный у нас разговор получился. . .— Давайте начистоту.— Мне нужно было кое-что узнать о хозяйке этого дома. Я очень давно ее не видел. Соседи уверяют, что тоже не встречали ее несколько месяцев.— Я знаю, где ключ,— я раньше бывал здесь,— и вот, вошел. . . А когда появились вы, я подумал, что вы — либо жулик, либо близкий человек. . . И в этом случае — можете что-нибудь знать о ней. . .

— О,— ответил он,— отнюдь нет.— Я действительно пытался попасть сюда несколько раз, но это все. А пытался попасть по причине, действительно похожей на вымогательство. — Дело в том, что очаровательная женщина, жившая здесь, обратилась ко мне некогда за делом.— Ей необходима была одна редкая травка, и у меня такая случайно имелась. . .

— Так вы — знахарь? . .— невольно перебил я его.— Тогда все выглядело еще более ясно. Несомненно, Ольга — по долгу ведьмы — должна была заниматься травами.

— Ну, пусть будет так. Хотя я не люблю этого слова. . .— И вот, мы сговорились о цене, и я принес ей эту травку. . .

— А как она называется? . .— Прошу прощения, опять вас перебил. . .

— А вы хорошо разбираетесь в травах?

— Честно говоря, совсем не разбираюсь.

— Тогда какой смысл? . .— Название на латыни вам ничего не скажет, а народного названия она не имеет. Слишком редка. .

— Да,— согласился я.— Продолжайте, прошу вас. . .

— Итак, я принес ей траву, но она тогда не смогла заплатить за нее. Просила зайти позднсе. И почти

сразу же — как в воду канула. — Я заходил через неделю...

— Странно...

— Да. И вот уж какой раз захожу, а все не застану...

— Гм,— произнес я. Ясно, что человек был обыкновенным смертным, у которого Ольга для каких-то своих ведовских целей доставала травы...— Как объяснить ему, кто такая Ольга? ..— Или этого вообще не надо объяснять? ..— Как ему сказать, что вряд ли он сможет когда-либо получить деньги за свой товар? ..

«Как тяжело, оказывается, говорить с обыкновенными людьми,— с удивлением, но и с гордостью подумал я.— Невозможно растолковать ему самые простые вещи, чтоб он не посчитал меня сумасшедшим... А уж моих забот ему вообще не понять; и хорошо. Пусть он не знает других бед, кроме голода и разорения...— Не всем по плечу тягаться с тайными силами; не всем дано нести непосильную ношу нечеловеческих знаний...»

— ...и я думал,— это вы мне что-нибудь скажете...

«Что ж.— Я скажу. Я открою тебе то, что ты окажешься в состоянии понять...»

— Нет,— ответил я вслух.— Вряд ли я могу сообщить вам много. По крайней мере — утешительного у меня ничего нет. Мы с месяц назад расстались с хозяйкой этого дома при странных обстоятельствах и в более чем странном месте. Ну, это неважно.— У меня есть основания думать, что она угодила в серьезную переделку...

— То есть? .. — заинтересованно спросил он.

— Что?

— Вы уверены, что в серьезную? ..

— Да. Я думаю, она в большой беде. (Человек этот был немного симпатичен мне, и я хотел чуть-чуть намекнуть ему на истинную Ольгину сущность. Отчасти — просто из дружелюбия, отчасти — для того, чтобы он в будущем более осторожно раздавал свои травы.— Ибо я был уверен, что траву для хороших целей Ольга вряд ли бы стала искать).— Думаю, на нее предъявили права ее хозяева.— Понимаете?

Человек напряженно слушал. На лице его я заметил нечто вроде легкого недоумения.

— ..то есть, я хочу сказать, что она собирала травы. ну, скажем, не с обычными целями. И с не очень благими... И не сама по себе, а работая на других...

существ... людей...— Я запутался в словах и замолчал, ожидая вопросов. Легче отвечать — в случаях, когда пытаешься рассказать о таинственных делах — на вопросы собеседника: становится понятно, что он воспринял, а что — нет.

— Ладно,— сказал мне человек.— Скажите мне, какова вероятность того, что она действительно попала в беду?

— Думаю, сто процентов,— ответил я, немного удивившись, что он никак не отреагировал на мое — несомненно, загадочное — сообщение.— Я присутствовал при том, как ее затянуло...— Я опять замолчал...

— Продолжайте...

— Это так просто не объяснишь,— сказал я,— дело в том, что...

— Вам знакома такая вещь? ..— перебил меня человек.— Спокойным голосом, в котором было что-то, заставившее меня насторожиться.— Он вынул руку из кармана и показал мне связку ключей, на которой висел странный брелок. Он представлял из себя костяную квадратную пластинку, на которой был вырезан непонятный знак.

— Нет,— недоуменно ответил я.

— Странно...— пробормотал человек, внимательно глядя на меня.— Очень странно... Вы действительно не знаете этого знака,— я наблюдал за вашим лицом, когда вы рассматривали. — Но откуда вы знаете о Болотных Богах?

— А вы...— И тут я все понял.— «Силы небесные, опять! ..»

Человек сделал знак рукой, и из-за дверного проема, из коридора, вынырнуло четверо высоких людей в черных повязках. — Опять! опять!

Я тихонько опустил руку в карман и быстро вспомнил заклинание. — «Будем надеяться, они не догадываются, что меч со мной. Ибо они ничего не знают о свойствах этого — чужого им — предмета. . — Вот и все. Пусть теперь поближе подойдут...»

— Послушайте, — еще раз переспросил меня человек, — вы уверены, что она попала в переделку?

— Кто? .. — Ах, да. Я же говорил, что видел это.

— Видели? До самого конца? ..

— Да. Более того, — это я, по случайности, подставил ее... Правда, у меня выхода не было. — То ли самому погибнуть, то ли...

— Вот как! .. — Человек некоторое время помолчал, а спутники его в черных повязках почему-то остановились у порога, перейдя его, и дальше не двигались. — Я недоумевал...

— Послушайте, — сказал, наконец, человек. — Вы очень интересуете меня. — Не откажетесь ли вы пройти с нами. — скажем, в гости? . — Если у вас есть какие-то подозрения, — а я чувствую, вы немного понимаете в тайных делах, в отличие от смертных. хотя не могу сказать, по какой причине это получилось. . — Но, если подозрения есть, — могу гарантировать вам полную безопасность...

«Вот так да! .. Кто ж они? .. — Если только... если только — не ловушка...»

— Но кто вы все же? ..

— Потом поймете, — усмехнулся он. — Я вам разъясню по дороге. Я просто обязан показать всем человека, совершившего очень полезное дело... — Пойдемте. Вовремя мы с вами встретились...

...И вот я, совершенно сбитый с толку, направился к выходу из дома в сопровождении пятерых спутников. В очередной раз ничего не понимая. Ни в нормальном мире, ни в ненормальном. — «Кажется, опять демоны, но на сей раз — какие-то другие...»

6. АТЕИСТЫ

Дорогою он мне действительно кое-что рассказал. — Да, в самом деле, это были тоже демонопоклонники; но другие. Отколовшиеся некогда от поклонников Хозяев Болот и теперь образовавшие свою секту, многочисленную и сильную. — Да, много он мне порассказал.. Я только шел и хлопал ушами. — Ну и ну! .. — В этом маленьком городке демонопоклонников больше, чем жителей! ..

Итак, вот что мне удалось узнать. — Около столетия назад у бесопочитателей произошел серьезный раскол, разделивший единую некогда державу на две — со временем почти совсем разошедшиеся друг с дружкой — части. Многим давно не нравилась слишком большая власть Верховного Правителя, — по их мнению, он ста-

новился по отношению к остальным почти в ряд с Хозяевами Болот; они же хотели просто поклоняться Болотным Богам, обходясь без строгой иерархии между собой...

Движение за демонические реформы возглавил Второй Правитель. — Долгое время в державе длилась почти никак не проявляющаяся вражда, но однажды все накопилось, — и произошел раскол. — Большая часть демонолюбов отпала и ушла из Болотного Царства...

— Странно, — заметил мой проводник, — что сами Болотные Боги никак не отреагировали на это. — Словно бы не заметили...

— А что они должны были сделать?

— О! . — это мне трудно даже представить... — Но они вообще ничего не сделали.

Второй Правитель увел свой народ в другие края, чтобы там, на новых местах, стать Первым. Поселились отщепенцы среди людей, а для поклонения — нашли себе другое место, вдали от Болотного Государства...

— Какое? .. — спросил я.

— Погодите, — ответил он, — позднее об этом...

...Со временем никаких связей, кроме ненависти, ничуть не угасшей за долгие годы, не осталось между «отщепенцами» и «верными». Новая секта, чтобы не развалиться дальше, начала теперь цементироваться, уясняя себе и по ходу уяснения — непроизвольно вырабатывая, — отличия от старой. — Так выяснилось, что иерархия практически упраздняется; что Правитель — только мудрейший и опытнейший, да и все, — а не царь и бог для остальных. Что он отвечает за страну (или за диаспору, как угодно) — но не за личные дела каждого подданного.— Такова была внутренняя стратегия.

Выяснилась и разница во взглядах на мир смертных. — Если прошлая держава (они называли ее «прошлой», чтобы еще более подчеркнуть свою обособленность) — была тяжела и угрюма в этом отношении и все ждала некоего решительного момента для исполнения своих ужасных замыслов, — то у новой были свои, более мирные, планы разрушения мира. Не столь грубые. Но, как сказал человек, более надежные. И более постепенные...

— Так что, — заверил меня он, — на ваш век хватит. Можете не беспокоиться...

— Вы опоздали, — ответил я ему, — мы уже разрушены...

— Да; но то новое, что должно появиться на вашем месте, воздвигнется после вас, а не вместо вас, — сказал он. — Вы видите, мы вполне миролюбивы...

. Изменения произошли даже в идеологии. То есть, в религии. — Новая секта постепенно эволюционировала до... атеизма.

— Атеисты? .. — изумился я.

— Да. А что? .. — На мой взгляд, это самая здравая точка зрения на жизнь...

«Атеисты, — думал я, даже несколько развеселившись от неожиданности. — Атеисты-демонопоклонники... Что же это, а? ..»

«... Впрочем, все атеисты одинаковы. — Кроме: а) Молодых, б) Инфантильных (возраст неважен), в) Атеистов от ненаблюдательности. — Говорят, были еще атеисты от отчаянья... — Но — атеисты от избытка демонизма! ..»

«— Нет, жизнь моя чересчур уж круто перекосилась в последнее время...»

... Вот это примерно я и узнал от человека. — Впрочем, несомненно, он многое не рассказал мне. — Да и с какой стати? Я ведь тоже не стал ему всего рассказывать. Хотя его очень интересовало, как это мне довелось войти в сферу внимания Прошлого Царства. — Я сообщил, что однажды, подсмотрев ночью, как моя подруга натирается какой-то мазью и выпрыгивает в окно, решил из любопытства последовать за ней. — Попал в странное место, где и был обнаружен какими-то людьми, угрожавшими мне... Ольгу наказали за разглашение тайны, а мне удалось спастись, сбив одного всадника с коня и ускакав... — Проснулся я утром в своем доме с поленом в руках. Вот что я рассказал человеку.

— Конечно, это мог быть и сон, — пояснил я, — да так я и думал. Но вот Ольга с тех пор пропала, и потому, думаю, это все же не совсем сон. — А если и сон, то верный...

— Да... — ответил он, подумав некоторое время. — Серьезная промашка у них вышла. Или у вас судьба счастливая...

— А у вас совсем не бывает с ними контактов?.. — спросил его я.

— Нет. Уже давно. — Словно бы забыли друг о друге. Ну, да мы так и хотели. — Все равно будущий мир принадлежит нам...

...Странные все-таки это были сатанисты. Я шел с ними, куда они вели, и продолжал недоумевать. — Откуда такая болтливость? Или — такое доверие? Даже чуть ли не добродушие, по отношению ко мне?.. — Демоны Прошлого Царства были гораздо более свирепы... — Но кто знает, — не грозит ли мне такое добродушие в итоге чем-нибудь очень неприятным?..

— А вы не боитесь утечки информации?

— То есть?

— Я ведь могу проболтаться о вашей организации. А тем более — рассказать умышленно. Вы ведь не знаете моих мыслей? — Правда, меня можно уничтожить.. но...

— Что вы!.. — Я же гарантировал вам безопасность.— А насчет информации... — Кто же вам поверит?

...Да. Действительно. Он был совершенно прав.

— К тому же, вы через некоторое время усомнились бы в реальности произошедшего. С вами такое уже случалось, как вы говорите... — Вот и теперь — вы станете думать, а не приснилось ли это все вам...

— Вы надеетесь, что сумеете запутать мою память?.. А вдруг не получится?

— Получится. — Да вы уже сейчас не вспомните, какой дорогой мы шли; что уж дальше говорить...

...Верно!.. — Только после его слов я сообразил, что вовсе не обращал внимания на дорогу. — Где же мы идем?.. — Явно — не по М-у; в таких черных повязках по улице не ходят...

«Вот так да!..» — я украдкой вытер проступивший на лбу пот. — Нет, эти демоны серьезней, чем я мог думать, слушая рассказы человека... — Так, быть может, и рассказы его на деле серьезней, чем я их принял?..

— А далеко еще нам идти?..

— Нет. Мы уже все выяснили... — невпопад ответил он.

— То есть?

— Пора уже приходить. Мы успеваем вовремя и как раз попадем к концу служения...

...Сразу после его слов наступила темнота, и мы некоторое время пробирались по ней. — Интересно, что я так и не понял, что он делал такого — то ли с моими чувствами, то ли — с разумом, что я прошел всю дорогу как будто в пустоте. Ничего не замечая... — Но я шел без особого страха, положившись (почему-то...) на честность демонов и упокоенный мирным дружелюбным тоном моего проводника...

Кажется, мы шли вниз. Так мне показалось, хотя дорогу я по-прежнему не видел...

— Где мы сейчас?..

— В храме Отпавшего Бога... — торжественно заявил из темноты голос моего провожатого.

— Что здесь?

— Здесь происходят служения. Как раз сейчас. Мы вовремя пришли...

— Но ведь вы атеисты... — удивился я.

— Да. Но Отпавший Бог, если вы хорошенько размыслите, — тоже атеист...

— Ну, не знаю. Мы пришли?

— Почти. — Ничего не чувствуете?..

...Я чувствовал. — Воздух становился гуще и словно бы медленно раскачивался вокруг меня. По телу пробежала легкая дрожь, и почти одновременно чутье подсказало мне, что я сейчас увижу нечто такое, чего еще не видел. — Даже в исполнении нечистых сил...

— Пришли, — объявил мой поводырь.

— Куда?.. — успел спросить я и тут же зажмурил глаза от света. — Темнота исчезла, — словно бы плотную завесу сдернули с двери в освещенную комнату; я стоял на пороге большого помещения...

...Его можно было назвать и огромной комнатой, и крытой площадью... Да еще и с памятником посередине. — На невысоком каменном постаменте, по колени в прозрачном дыму, сочащемся, казалось, прямо из недр

земли, — стояло огромное существо, — и, увидев его, я невольно сделал шаг назад..

Да. Глядя на этот памятник, я думал тогда, что искусство демонического мира намного превосходит по мрачности самые зловещие создания земных любителей тьмы. . — «Каким омерзительным гением надо обладать, чтобы выдумать такое...»

Я не могу как следует рассказать о скульптуре. — Это было нечто, напоминающее огромного коня, то ли скорее лося, но без головы; лося, в грудь которого словно бы вросла огромная жаба. Задние лапы ее, согнутые в коленях, выдавались перед грудью чудовища, ласты упирались в бедра лосю. Передняя, неимоверно длинная, лапа простиралась вперед, — почти до входа в комнату, — сжимая огромный вертикальный жезл, служивший, как я понял, опорой потолку. Огромные пустые (скорее — гладкие) глаза глядели неподвижно вперед, — может быть, подумалось мне, — не в пространство, а во время...

. А у ног чудовища извивались в странном танце — люди. и не люди...

— Кому это памятник? — спросил я человека.

— Это не памятник, — ответил он. — Это — Отпавший Бог.

— Значит, он... живой?

— Нет. По нашим преданиям — нет. — Это было еще задолго до людей... — Один из величайших Болотных Богов оставил Царство, пресытившись жизнью, и удалился от своих собратьев сюда, под землю, — на покой. Легенды говорят, что многие века стоял он здесь, предаваясь раздумьям, — и так глубоко было его погружение в себя, что никто и ничто не могло отвлечь его... — Так он и стоит... — А перед уходом он предрек Хозяевам Болот, что однажды власть их потерпит серьезный ущерб, и — что бы ни случилось потом — прежние времена величья и могущества больше не повторятся. — После он ушел и обрел покой здесь. — Разбудить его невозможно; вот уже несколько поколений мы пытались сделать это, но тщетно. — Легенды умалчивают о его будущем. — Но мы думаем, он больше не проснется. — Отпавший Бог отпал навсегда...

— Понятно. — Видимо, он и вправду был атеистом...

— Мы нашли в своих скитаниях его спящее тело и устроили на этом месте храм. — Здесь наши едино-

мышленники поклоняются Отпавшему Богу и нашему Правителю...

— Постойте, постойте... — Как — Правителю? .. — Ведь у вас, как я понимаю, нечто вроде демократии...

— О, это поклонение — не идеологическое. И не культовое. — Мы поклоняемся ему для ощущения нашего единства... К тому же — добровольно; во всяком случае — неофициально...

Я усмехнулся, проникаясь презрением к демонам. — До чего все на свете однообразно! .. — Хоть под землю заберись, хоть куда, — одно и то же свинство...

— А Правитель ваш сейчас здесь?

— Вам не видно его. Он скрыт в тени Отпавшего Бога. — Но я, конечно, поведаю ему о вас, и вы обязательно увидите его... — Для того я и пригласил вас. .

..Мне действительно было не разобрать, где там их Правитель. — Прозрачный, белый дым, исходящий, казалось, прямо из земли, окутывал существ, извивающихся в странном подобии танца вокруг своего идола; дым поднимался вверх на несколько метров, он тянулся до стен в обе стороны от постамента и, как прозрачная перегородка, делил помещение пополам. Я смотрел на танцующих.

Они кишели возле статуи, — с обеих сторон перегородки; кривились в танце тела. Я смотрел, холодея и дрожа. Я видел, как входили они в слои дыма, как менялись формы. Отныне я твердо знал: это — не люди. — Может быть, когда-нибудь они и были людьми... Может быть... — Я глядел, как за прозрачной стеной танцевали они, уже преображенные... — Отвращение. тоска. тревога... — На моих глазах стройная молодая девушка с восхитительной фогуркой, сбросив с себя одежду, вбежала в дым... — Слезы навернулись на мои глаза, когда по ту сторону перегородки помчался к толпе уродов и чудовищ большой мохнатый куст с длинным клешневидным шипом на окончании каждой ветки... — «О-о-о! ..»

...Страх. Ужас. Омерзение... — То, что я временами называю их «людьми» — это для удобства. Чтобы не путаться, когда они появлялись передо мной в человеческом облике. — Там, в подземном храме, я увидел их истинные облики, и память об этом зрелище никогда не оставит меня...

— Я пойду, — сказал мой проводник. — Мне нужно сообщить о вас...

— Постойте, постойте.. куда вы?.. — Я чуть было не схватил его за руку, чтобы удержать, — но тут же отдернул руку, вспомнив, что и это — демон...

— Я доложу Правителю. Он должен знать о вашем деле. — О, не сомневайтесь, он оценит вас по достоинству. — Это — величайший из всех наших Правителей...

— Да ну?.. — сварливость моя возобладала над растерянностью.

— Да! Да! — Именно он разработал окончательно нашу веру; именно он наметил пути к достижению процветания в будущем мире... Именно...

— Вы начали о вере...

— Он утверждает, что Хозяева Болот сгинули в незапамятные времена; только Отпавший Бог, покинувший их, уцелел здесь. Но он спит. — В мире больше не осталось богов; и потому — мы наследуем будущее земли. — Впечатляет?

— Весьма... — мрачно согласился я, провожая взглядом моего собеседника, ныряющего в дым и приобретающего отвратительные формы...

«Более, чем впечатляет. . — И чего меня сюда занесло?..»

Увы! . — Глядя на вакханалию, которую устроили демоны вокруг своего бога, я начал соображать, что, как всегда, забрел куда не надо... Причем, опять же, — когда была полная возможность не забредать... — И как отсюда выйти — еще вопрос...

«Что такое творится со мной в последнее время?.. — вновь задал я себе тревожный вопрос. — Почему я делаю — один за другим — глупейшие, просто замечательные по глупости, поступки? — Не может быть, чтоб мои способности соображать и мои инстинкты так стремительно обветшали... — Нет. Невозможно... — Но ведь — поступок за поступком...»

«А что, если это морок? — Что, если демоны морочат мне голову, заставляя — в самые важные моменты — терять контроль над рассудком?.. — А что, если меня сводят с ума?.. А что, если я сейчас проснусь? А что, если я — не я, а что-нибудь другое?..»

На этой мысли я остановился, почувствовав, что, если продолжу размышления, то уж точно сойду с ума.

Место для такого дела было совсем неподходящее... — И, отвлекшись от своих мыслей, взглянув вокруг, я увидел, что танец прекратился. Демоны стояли неподвижно, морды их были обращены в мою сторону, — и десятки глаз глядели на меня...

— Подойди ближе, гость из мира смертных... — прозвучал густой, низкий голос.

Я всмотрелся, отыскивая того, кто звал меня, — и увидел его.

На чем-то, напоминающем сиденье, выделанном на камне постамента в проеме под лосиными ногами, сидел в величественной позе пожилой человек. — Строгие черты. Небольшая борода. Внимательные глаза («Что это они все одного типа?..» — мелькнуло в голове). — Странно было увидеть человеческое лицо в окружении всех тех разнообразных чудовищ, которые заполняли комнату... — Странно, и как-то мирно выглядел он среди остальных...

Я сделал несколько шагов вперед и остановился.

— Народ Новой Державы, — звучным голосом произнес человек, продолжая смотреть на меня. — Только что я получил известие, достойное всяческого удивления. — Одна из числа врагов наших навеки лишилась возможности вредить нам. — Похитительницу темного корня настигла рука ее же соплеменников. — Вот смертный, который может подтвердить это, и вот смертный, избранный судьбой на гибель нашего врага...

...Мохнатые, рогатые, просто невообразимые, «наследники будущего» смотрели на меня...

— Случайный соратник стал сегодня нашим гостем. Он поведает нам о своем подвиге, и в его честь мы совершим благодарственное служение Отпавшему Богу. — Внемлите голосу человека!..

7. ОДНО ИЗ ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ

Чудовища выжидательно глядели на меня, и я понял, что должен говорить. Рассказывать о своем «подвиге». — Ну, что ж...

Рассказ мой был прост, я повторил еще раз то, о чем говорил дорогой человеку. Речь моя звучала в полном молчании. На меня глядели омерзительные морды, за спинами вился прозрачный дым... — Я коротко упо-

мянул о моих отношениях с Ольгой, описал последнюю ночь в ее доме: ночную мазь, Ольгу, воровато обернувшуюся на меня и выпрыгнувшую в окно. себя, следующего за ней... Аудитория напряженно слушала, — и я ощущал это напряжение даже физически. — Легкий гул слышался в ушах, чувствовалось какое-то неудобство, стеснение... — Я рассказывал, как шел за Ольгой по ночной неизвестной дороге... как путь мне преградили огромные жабы... — Я чуть было не начал объяснять, как преодолевал их заслон, но вовремя спохватился и успел опустить этот эпизод... — Перешел прямо к тому, как Ольга обернулась... Узнала меня и пригрозила... бедой... — Внимательные глаза, казалось, ощупывали меня, я чувствовал, как мне тяжело... — «Что со мною? ..»

...Я продолжил, и вскоре мне стало ясно, что я говорю больше, чем хочу. Словно бы меня за язык тянут. . — Больше, чем должен был знать человек, за какого я себя выдавал, — человек, не претендующий на важную роль в описываемых им событиях. — У меня мелькнуло подозрение, что демоны какими-то тайными способами пытаются заставить меня рассказать как можно больше. . — Я сопротивлялся, как мог, и когда закончил говорить, почувствовал, что весь взмок от напряжения...

...Демоны молчали. За их спинами зыбкой стеной зависал стеклянный дым.

— Ну что ж... — нарушил молчание Правитель Демонов. — Рассказ твой прост и безыскусен, а пропуски в нем настолько явны, что такая неумелость умалчивать заставляет нас увериться в том, что ты пришел сюда не по замыслу вражьей державы... — Ты не житель Прошлого Царства, я уверен. . — Но, как мне кажется, ты и не тот, за кого себя выдаешь...

— Не понимаю... — ответил я, чувствуя, как новая холодная струя ползет по спине...

— Как ты сумел преодолеть заслон Сторожевых Жаб? .. — Некоторым из наших это в свое время не удалось. — Ты мог пройти заслон, либо имея знак с наговоренным на нем именем Дремлющей Силы, либо... — Человек на мгновение запнулся. — Либо обладая еще какими-нибудь могучими дарами. — Я уж не говорю о том, что тебе удалось выбить из седла одного из воинов и ускакать на его коне! — Это вообще невероятно...

— Да, пока, не забыл... — извини, что перебиваю... — Что такое Дремлющая Сила? . — Я обрадовался возможности перевести разговор на другую, к тому же — очень интересующую меня тему...

— Зачем тебе это, смертный?

— Ты упомянул сейчас это имя. Ольга, когда проходила заслон жаб, показывала им знак и тоже говорила о Дремлющей Силе... — Мне думается, в ней загадка всех моих дурацких приключений. — Что это такое? . — Если, конечно, не тайна?

— Тайна, — глухо ответил Повелитель Демонов, и лицо его, без того не особенно веселое, стало совсем угрюмым. — Но... — он помедлил, внимательно глядя на меня, словно бы раздумывая: сообщить или нет? — но — тайна не наша. Это тайна Болотных Богов, и главное упование Прошлой Державы...

Он обвел взглядом своих демонов.

— Мы знаем эту Тайну. Но мой народ не любит говорить о ней. — Тебе очень нужно это знать, смертный?..

— Да... — невольно сказал я.

— Ну, что ж. Я не могу отказать смертному, заслужившему нашу признательность. — Но, должен предупредить тебя, многие знания опасны... А это — одно из Тайных Знаний... — Итак, еще раз: тебе хочется узнать?..

— Да, — недоуменно ответил я, не понимая, почему моему желанию придается какая-то непонятная сакральность.

— Хорошо. — Во имя Отпавшего Бога, слышавшего твои слова, — сообщаю тебе то, что мы знаем о Заклятье Болот..

Человек прикрыл глаза, словно бы вспоминая...

— ...Было их несколько. Преданья утеряли их число, но это — последнее. — В далекие времена Хозяева Болот, потесненные — как и предсказывал им Отпавший Бог — могуществом давно прошедших смертных народов, — создали для заветного отмщенья свои Заклятья, и подбросили их в мир людей.. — Но слишком много мощи вложили Боги в свои творенья, слишком сильны были эти Заклятья, чтобы зависеть целиком от воли своих создателей. — Нужно было содействие смертных, чтобы разбудить их.. — Свободная воля, свободное содействие смертных, — чтобы силы Заклятья могли развернуться в полную мощь...

...Итак, в незапамятные времена находили порой смертные вблизи болот странные предметы... Они были довольно просты и безыскусны, но как-то притягивали к себе взор, словно бы просились в руки... — Считали их обычно амулетами, талисманами, — и никому не приходило в голову, что он поднял только что с земли свою будущую гибель, яйцо неизвестного существа... (Я слушал, холодея от ужаса...). — Слышал ли ты, смертный, сказки о василисках, Владетелях Пустынь?

— Д-да.. — с трудом выговорил я...

— Подобные им существа вырастали из каждого яйца, стоило ему вернуться из человеческой руки в болото. (Я закрыл глаза, ибо все вокруг меня поплыло, поплыло. .) — Существа, гибельные для всего живого... Правда, это не совсем Василиски. — Василисков создавали только Силы Мертвого Мира; а Болотные Боги — все же боги Живой Земли. — Заклятья их несли в мир смерть и разрушение, но потом — разоренные пустоши затягивали болота; ибо земля руин не была мертва. — Но ты бледен, смертный!. — Что с тобой?

— Ничего.. — с трудом пролепетал я. — Кажется, я болен. Но продолжай...

— Что ты хочешь еще узнать?

— А что делают эти... Заклятья?.. — Я имею в виду, — почему это так ужасно для нас?

— Ты плохо слушал меня, человек. Заклятье — это ожившая Гибель; оно смертельно для любого существа, вставшего на его дороге. — Немало рассказов найдешь ты в человечьей Памяти о драконах, убивающих взглядом; но ведь не только взгляд его смертелен. — Его нельзя коснуться и остаться живым; даже земля, когда Заклятье идет по ней, пропитывается Смертью на много шагов перед ним. . — Целые народы исчезали с земли, когда оживало Заклятье Болот. И никто не понимал, откуда беда.. — Один из нашедших «амулет», например, сразу заподозрил, что эта вещь из Болотного Мира, подброшена не с добром... — и, от греха подальше, бросил ее обратно... — Когда в их край пришла гибель, он, наверное, не узнал, почему... — О!.. Болотные Боги мудры и искусны; и долгие века думали они о заветной мести...

— Ясно... (Мне действительно теперь было ясно, что я некогда натворил... — Да, Повелитель Прошлой

Державы, очевидно, не преувеличивал мои заслуги перед Болотным Царством; да, я по заслугам получил в подарок от него мою жалкую жизнь!..)

«Но, однако...»

— А почему нынешнее Заклятье — последнее?

— Потому что это Заклятье долго укрывали служители Болотной Державы, не решаясь передать в руки смертным свою последнюю надежду...

— А остальные?

— Остальные выполняли свое дело и, в конце концов, погибали. — Потому что Ожившие Заклятья не были абсолютно неуязвимы, и велики некогда были мощь и разум смертных... — Впрочем, это все в прошлом. — Все Заклятья, кроме этого, были уничтожены в незапамятные времена. И все — одним и тем же, давно сгинувшим, могучим народом...

— А теперь?

— О чем ты спрашиваешь, смертный?

— А если Это — оживет?..

Тревожный ропот пробежал по рядам демонов, на мордах их ясно обозначилось смятение. — Человек повелительно поднял руку, и ропот затих.

— Думаю, — глухо сказал он, — ему нечего будет противопоставить. — Я только могу надеяться, что этого не случится. Нам бы очень не хотелось... — Мы тоже хотим жить, смертный. — Все хотят жить, пока есть возможность..

Человек помолчал немного. Его народ смотрел теперь на него, и опять тишина зависла в подземном храме... Даже дым, казалось, немного потускнел, выцвел в гнетущем, пропитанном тревогой воздухе...

— Были некогда способы победы над этими существами, — тихо заговорил Повелитель, поднимая голову. — Люди великих времен знали эти способы и передавали друг другу из рода в род. Это были наши враги, смертный, но невозможно не отдать им должного. Невозможно не восхищаться их мощью, перед которой приходилось отступать и древним богам... — Увы, мощь эта сгинула в непамятные времена, и даже в человеческих легендах от тех времен остались только неразличимые следы. — Да, были на земле те, кому по силам было сражаться с Заклятьями. — Пусть на Заклятье нельзя было выйти с мечом, — другие способы отыскивались великими народами... — Величайший из царей

некоего славного рода оставлял свое наследство потомкам, как раз возвращаясь из похода на Ожившее Заклятье... — Кто знает, что оставил он своим наследникам?.. — Еще один царь этого народа, один из последних, создал живых тварей, которые оказались неуязвимыми для подобных существ... — Ему с их помощью, — как говорят легенды, — тоже довелось уничтожить одно Заклятье. — Правда, твари, которых он создал, сами были немногим хуже... — Их называли Бородатыми Жабами...

— Спасибо, — сказал я, когда человек замолчал. Голова моя была забита под завязку. Если не больше. Пора было возвращаться и решать, что теперь делать. — К спасению Ольги добавлялась еще одна — и куда более важная! — забота... или — беда... Некогда было еще и выдерживать торжественное служение в мою честь...

— У тебя больше нет вопросов?

— Нет. Мне пора.

— Куда это, смертный?

— Обратно. Благодарю тебя за сведенья. У меня есть несколько важных дел...

— Ты не выйдешь обратно, смертный... — спокойным голосом сказал Повелитель Демонов.

— То есть, как это? Почему?

— Кто бы ты ни был, — а я чувствую, смертный, что вопросы твои задавались не только из праздности, — мы не выпустим тебя. — Тебе поведано Тайное Знание; в мире смертных его нет, и не должно быть. — Мы не можем отпустить тебя обратно. — Я ведь предупреждал...

— Странно ты предупреждал, — возмущенно сказал я, — если я ни о чем не догадался. — Надо было понятней... — Но я в любом случае не могу остаться. — Что вы меня, силой удержите, что ли?..

— Если понадобится, — не сомневайся, — сурово ответил он, и недвижные чудовища, словно очнувшись, неспешно двинулись ко мне. Впереди всех, — опять обернувшись человеком, — шел мой недавний провожатый. В руке у него был длинный каменный кинжал...

— Оставьте меня в покое, мужики, — проговорил я, расстегивая пуговицу пиджака и опуская руку в карман. — Хуже будет.

Повелитель усмехнулся. Чудовища не замедлили движения...

— Вы мне обещали безопасность... — сказал я, отступая.

— С тобой пока ничего не произошло...

— Но мне нужно уйти. — Что это вы меня дурачите? ..

— Ты не уйдешь...

— Сволочи... — твердил я, потихоньку отступая к выходу. — Нашли Яна Гуса... — Нет, не обманете...

Они надвигались на меня.. все ближе... быстрее... бросились...

..Хорошо, на сей раз сообразительность меня не подвела. — Когда они кинулись на меня, я уже успел договорить заклинание. — Бледный Бог, аж застонав от радости, впился в замшелый пень с корявыми руками, попавшийся под удар первым. — Пень завыл и полыхнул темным пламенем.. Еще какое-то существо с воем погибло, и кровь его мгновенно впиталась в лезвие... — Еще... и еще.

— Оставьте его! — донесся до меня крик, но слишком много демонов навалилось на меня, и отхлынуть сразу было им невозможно. . — Пожалуй, они в запале даже не сразу услышали голос своего Повелителя. . — Я отбил в сторону каменный меч моего бывшего проводника и наблюдал, как разлетаются в разные стороны осколки, в то время как Бледный Бог раздваивал наискосок нападающего...

...Сознание отметило, что врагов слишком много; и тут же явилась блестящая мысль. — Пока они мешают друг другу, нужно бежать. — К столбу...

Я зарубил еще двух непонятных тварей, сразу же загоревшихся, горизонтальным ударом «под корень» свалил кряжистое трехствольное дерево, пытавшееся свалить меня ударами могучих ветвей; дерево тяжело обрушилось наземь, задавив несколько мелких тварей и на некоторое время загородив дорогу остальным... — Теперь пора...

Я несколькими прыжками достиг столба. Метнувшийся ко мне спутанный комок водорослей я распутал не хуже Александра Македонского; остальные преследователи только-только преодолели завал, и бежали ку-

чей в мою сторону... За их спинами (у меня был миг, и я успел посмотреть за спины) виделась фигура Повелителя, вставшего со своего сиденья и глядящего на то, как его народ преследует меня...

— Оставьте! .. Оставьте его! ..

Демоны подбегали все ближе...

«Теперь пора...» — Я с размаху рубанул мечом по столбу, подпирающему потолок демонического капища... — По огромному жезлу, сжимаемому — в нескольких метрах над моей головой — жабьей лапою Отпавшего Бога. . — Рубанул и, не оглядываясь, бросился к выходу, слушая за спиной грохот обваливающегося потолка и дикие вопли... — Я успел, и рухнувший потолок храма не накрыл меня...

8. ГОЛОС ВО СНЕ

«Я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: дэвов не почитай»... — пробормотал я, выбравшись, наконец, из темноты подземелья на поверхность. — Впрочем, и наверху была темнота, и редкие звезды стыли в тяжелом осеннем небе. — Эх, и долго ж я выбирался! ..

«А можно и так: ...и праздник Дагона под грудой развалин утих», — вернулся я к родной классике. — Просто удивительно, как порой подходят чужие слова к твоим делам! ..

Прокомментировав таким образом победу, я огляделся. — Не мешало сообразить, куда это меня занесло, потому что место, в которое я вылез, не слишком мне понравилось. — Кругом деревья, много деревьев. — Лес... Я за городом...

Это — первое, что я понял. Второе — что я гляжу на мир... из дупла. — «Вот это да! .. — Замаскировали вход, — лучше не придумаешь...»

Дупло было невысоко над землей, но все же, чтоб попать ко входу извне, нужно было лезть по стволу. — Я вылез и посмотрел на дерево. — Большой, кряжистый дуб нависал надо мной темным, косматым страшилищем. Как огромный рот, чернело дупло, вход в подземный храм...

«Что ж, — подумал я, — так просто это оставить

нельзя. — Придется нанести вред народному хозяйству...»

Я сомневался, удастся ли мне перерубить мощный ствол; но инстинкт подсказал другое решение... — Подойдя к дереву поближе, я поднял меч и, дотянувшись до дупла, очертил его знаком Иг-Наура Великого, — знаком, запомнившимся мне по видению... — «Затворись...»

Внутри дерева что-то треснуло; дуб, колыхнувшись и просев в собственное пустое основание, тяжело рухнул на землю, едва не придавив меня. — Когда отшумели, успокаиваясь, ветви, я подошел к сваленному дереву и ковырнул мечом место, где раньше было дупло. — Затворено...

Постояв у дуба еще немного, я побрел куда глаза глядят. — Жаль дерево, но что делать... — Одно утешение: я далеко не единственный вредитель в мире.

Шел я довольно долго, и можете себе представить, как мне не понравилось, когда я обнаружил, что до сих пор никуда не вышел. — Все лес да лес...

Еще через какое-то (довольно продолжительное) время я сообразил, что это — не наш пригородный лесок. — Да и то сказать, следовало сообразить это гораздо раньше. . — Наш пригородный я мог бы — за время сегодняшнего блуждания — уже несколько раз обойти по периметру...

Итак, я находился где-то в области. В местах, которых я не знал, потому что раньше не забирался сюда. — Где-то далеко от М-а... Где именно и как меня сюда занесло, я не знал. — Видимо, в краю демонов с пространством (то ли со временем; а, быть может, просто — с путником...) творятся маленькие чудеса... «Хорошо бы поузнавать кое-что... — мелькнула мысль. — Любопытно бы постранствовать по их угодьям... если б это не было так кроваво...» — Я вспомнил бой с демонами, вой погибающих, горящие тела, обваливающийся потолок... — и вздрогнул.

Теперь я, наконец-таки, отвык удивляться непонятному. — Демоны уже столько раз удивляли меня, что я привык. Многое невероятное принимается мною, как обычное... — Что это может значить?..

«— Вот именно, что это может значить? .. — подхватило мое сознание мысль. — Это значит, — соображал я, пробираясь дальше, — что нереальные вещи явились в мир и стали в один ряд с законными... Как ни крути, а это так. Почему это произошло? .. — Кто знает? .. — Может, сам я это все и вызвал... — О-о! .. — Заклятья из незапамятных времен, Бледный Меч.. нечеловеческие легенды... — Я тронул то, что не принадлежит нашему миру, — и чужое дыхание ворвалось сюда... Заработала спящая магия мира... и все спуталось... — Кто я? .. — то ли провинциальный фотограф, то ли наследник легендарного рода... Что со мной? — то ли безумие, то ли новая, иная жизнь. Где я, что вокруг меня? .. — Сразу и не скажешь. — То ли Оперный Сад, то ли Шервудский Лес... — О, как все спуталось! .. »

Да, все перепуталось в мире. — И мне, если я действительно повинен в этом, предстояло распутать обратно... то, что окажется под силу. — Если только я хочу когда-нибудь опять забредать в нормальные места, попадать в обычные ситуации... Если только я хочу — как некогда — тратить свои дни так, как положено это смертным... («— Тьфу», — сплюнул я в сердцах, поймав себя на слове из нечистого лексикона), — и спокойно проводить свои ночи. И — с а м планировать свои поступки...

..Но для этого всего — сейчас — предстояло еще глубже окунуться в ненормальные дела. — У меня не было законной гордости творца, только что создавшего водородную бомбу и теперь сознающего свое величие. — Нет. — Ужас, выпущенный — по неведенью — мною на волю, — должен был прекратиться от моей руки. или прекратить меня. Лучше первое. — А для этого — мне нужно было опять отправляться к моим давним знакомым из Болотного Царства... Что ж! ..

«— Значит, вновь наступает веселое время...» — усмехнулся я и решительным шагом направился вперед. — Должен же быть в конце концов выход из этого дурацкого леса! .. — Мне нужно чуть-чуть отдохнуть, и поспать, и кое-что обдумать. — И чем быстрее, тем лучше. — Возможно, я и так уже потерял много времени... — «Итак, вперед Наур! .. » — Заклятье ждало меня...

...Выход из леса, естественно, существовал. И я нашел его. — Представляете, где я оказался?.. — В любезном моему сердцу К--! ..Я прошел по поселку, не узнавая его, пока не наткнулся на Надюшину дачу... — И тогда уж стал перед ней с разинутым ртом. — По-видимому, это место претендовало на роль пересыльного пункта, — из любого моего приключения — в мир демонов... — Вот взять сейчас да и пойти в тот дом, и сразу начать свое дело. — Не останавливаясь...

«Нет, — вспомнил я, — Ольга писала, чтобы через пятно не ходил... Да и силы у меня сейчас не те... — Нет. Сначала — отдохнуть...» — И я, не особо соображая, что делаю, постучался...

...Никто, конечно, не ответил на мой стук. — Да я, еще стучась, сообразил, что и не ждал ответа. — Нет... Словно бы наитье заставило меня постучать. А затем — легонько нажать. И быстрый трепет беспокойства прошел по мне, когда дверь открылась... — Она не была заперта. И за ней — никого не было...

Открытые двери в забытых домах очень подозрительны для человека. — Ловушка чудится... подвох... Особенно — для человека, тягающегося с нечистой силой и потому обязанного ждать ловушек где угодно. И каких угодно... — Я несколько минут стоял у открытой двери, не решаясь войти, и внимательно прислушивался к ночной тишине. Но ни одного подозрительного звука не раздавалось. И я, наконец решившись, вошел...

Решимость мне придали воспоминания. — Почему бы двери не быть открытой?.. — Ведь, кажется, я последний уходил из этого дома, и дверь, конечно, не запирал... — Правда, много времени прошло с тех пор; но что, если здесь больше так никто и не побывал? После меня?

...Я знал, где выключатель, но свет не зажегся. — Лампочка, видимо, перегорела... — Впрочем, неудивительно. — Пришлось двигаться впотьмах... — Ну, да я не собирался рассматривать дом, — мне нужно было только добраться до дивана. — Я нашел диван и устало обвалился на него. Запели пружины.

«— Вот так же пели они и в ту ночь, когда...» — Остановившись на этом возвышенном «когда», я решил не заниматься пока романтизмом и, отвернувшись к стене, закрыл глаза. — Предаться ностальгии можно

было и с утра, а ныне — с меня довольно. — Воин пришел с кровавой битвы... «Он заслужил вино, мясо и хлеб; ему с признательностью должны быть даны тепло домашнего очага и благосклонность женщин с синими глазами; это все — его по праву... — Но он не хочет ничего этого: он хочет спать.. После трудной битвы... — Он крепко спит, не опасайтесь... — После своих дурацких подвигов... Хоть пляши на нем, хоть вяжи его... — А может, и нужно взять его здесь?.. — Нет... Рано еще... Не надо его брать... не надо его будить... тревожить не надо. . — Надо спеть ему песню...»

«— А что, и спойте...» — предложил я во сне странным голосам, мелодично посвистывающим в тумане моего сонного сознания. — «Спойте... Я устал. Верните мне силы, исцелите раны. Пойте, милые...»

«— Изволь. Но у нас нет веселящих нот. Великая горечь очертила наши уста, и память наша горька. — Мы споем тебе печальную песню девушки, ждущей своего милого с битвы. — Но он не придет; а если придет — вряд ли найдет ее... — Ибо травы над ней высоки. Ибо время размыло следы... В дальнем поле — сияли клинки; дом студило дыханье беды... — Понимаешь ли нас, господин?..»

«Нет. Но сердце мое говорит: дом пустой... не пылает камин. у окошка — свеча не горит...»

«О, теперь не найти ее дом... — Там, далеко, за тридевять вод, — тень ее за зеленым окном, тень — о вечной печали поет...»

«Затопила великая тишь мой безмолвный, затерянный скит... — Только плач мой — разносит камыш... на осеннем ветру шелестит... — Понимаешь ли, милый, меня?..»

«Нет. Но сердце печалью полно... — Ибо солнце счастливого дня мне встречать без тебя не дано...»

«Не грустить под вечерней звездой... Мне на ясный рассвет не взглянуть. . — Затянуло зеленой водой невозвратный, исчерпанный путь. . — Понимаешь ли, милый, меня?..»

«Нет. — Я вышел из бед и смертей. уцелел от меча и огня... — Но не знал невозвратных путей...»

«Мой любимый, смыкается мгла. сердце давят тяжелые сны. . — Мой любимый, я долго ждала. Долго шел ты с великой войны. . — Понимаешь ли песню мою?..»

«Да. И горек мне этот упрек... — Я не медлил в далеком краю... Я вернулся быстрее, чем мог...»

«Мой любимый, беда увела нас навеки из радостных дней... Полыхает зеленая мгла цветом давней надежды моей... — Нет, мне не в чем тебя упрекнуть... Ты напрасно себя не вини...»

...я проснулся, но голос остался со мной. Последняя скорбная нота плыла, чуть подрагивая, в ночном воздухе. — «Только имя мое не забудь... Только душу мою помяни...»

Я вскочил с дивана. Голова была чистой и ясной, как будто я давно уже проснулся. — «Опять, опять, — голоса. Ольга? . — Наверное, да... да! ..»

Ночь стояла за окнами; я был уверен, —та же самая ночь. Несколько часов назад я вошел в этот дом, чтобы выспаться и отдохнуть.. Но вот: голоса. Меня зовут... — Значит, мне пора. Судя по известию (я уже привык полагаться на таинственные голоса), — нужно было спешить...

Рассуждать было некогда. Кажется, с Ольгой что-то плохо. Я вытащил из кармана банку с ночной мазью, сбросил пиджак и рубашку, сообразив повесить мешочек с бледной землей на шею... — Быстро растерся искрящейся мазью, не обращая внимания на противный резкий запах, сунул в карман пустую банку и пошел к окну. — «Пора...»

...Я растворил окно и уже собирался шагнуть в ночь, когда хлопнула дверь, и женщина, вбежавшая в комнату, остановилась на пороге, чиркнула спичкой и закричала:

— Володя! Володя! Стой! ..

— Надя?!! — «Эх,— сразу сообразил я,— поздно! ..»

— Куда ты?

— К Ольге! ..— Прости, не могу ждать...— Мазь уже действовала; я чувствовал легкий гул в голове, мелкую дрожь подоконника под ногой; сырой холодный воздух болотного мира веял мне в лицо с улицы, а комнатные предметы, на которых останавливался взгляд, приобретали текучие формы...

«А жаль,— еще успел подумать я.— Как все не вовремя! ..»

...Надя, взглянув на мой искрящийся силуэт, сразу поняла, в чем дело.

— Володя! .. Запомни! Это необходимо! ..— Там, где на стене — скобка... Это — магическая дверь...

(голос ее все более отдалялся...) — Только с мечом не проходи, не откроется... Запомни!.. запомни! Скобка!.. там Ольга!.. Понял?..— Скоб...

Голос ее растаял, растаяла и она, и все, кроме пустоты, в которую я шагнул, почувствовав, что больше ждать невозможно.

9. У СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

«Удивительно,— рассуждал я, бесшумно ступая по — хоженной однажды — дороге: как все странно!..— Когда нуждаешься в помощи, ее нет. Когда уже начинаешь выполнять принятое вслепую решение,— появляется помощь... к этому времени — ненужная. А потому даже досадная...— Что бы Наде не явиться было на несколько часов раньше...— хоть на несколько минут!..»

«...А лучше все ж — часов...» — невольно (и неожиданно для себя: в такой-то напряженный момент!..) подумал я.— Конечно, легкомысленно; но что делать...— Ибо прекрасная женщина не только отвлеченный источник информации, но и многое другое... Так заведено от сотворения мира, и с этим надо смириться.— «О-о!..— мечтательно вздохнул я, вспоминая Надю.— Прекрасная женщина есть одна из наиболее ненадоедающих ценностей на свете... Хотя, в то же время,— живой жезл Дьявола, скипетр; символ его власти над миром...»

Я мог себе позволить роскошь одного пышного рассуждения. Это немного ослабило напряжение, привело в порядок мои нервы... Но — только одного,— ибо уже вот-вот я должен был подойти к месту, охраняемому Сторожевыми Жабами...

...Когда до этого места оставалось совсем немного,— мне пришла в голову любопытная мысль.— А что, если сейчас свернуть и поискать,— может, есть где проход, свободный от охраны? — Я не боялся жаб, ибо Бледный Бог в любой миг был готов выпрыгнуть мне в ладонь,— а что против него какие-то жабы?..— Мне просто не хотелось раньше времени поднимать шум.— А жабы, как вспомнил я, погибая, очень противно и громко визжат...

Я свернул влево и тихонько, стараясь не шуметь, пошел вкруговую.

«Должен быть проход, должен... Хотя бы для начальства... Оно ведь не любит ходить одной дорогой с подчиненными...— Правда, если такой проход есть,— наверное, он связан со своими сложностями; но — поглядим... Главное, чтоб был проход...»

Да и всадники,— вспомнил я,— появились тогда сзади нас; а выехали, несомненно, из тех мест, куда я собирался попасть...— «Значит, есть другой проход; и я должен его найти...»

...Я действительно нашел проход. Довольно далеко от дороги, по которой начинал идти. Мне пришлось вброд форсировать маленькую, но весьма холодную речушку, затем идти по заболоченному полю... опять войти в лес... И вот в том лесу, на полянке, на которую меня случайно вынесло (дорог в лесу не было),— я наткнулся на какое-то подобие шалаша, и чутье сказало мне: вот сюда...

...Никого поблизости не было. Вытащив меч, я сунул его в темный вход и затем, пригнувшись, вошел сам.— Да, здесь на самом деле был тайный ход: в земле, у дальней стенки, чернела дыра...— Я опять сунул из предосторожности меч в отверстие, и тут же последовал за ним.— Под землей ход стал довольно широким, я мог идти, выпрямившись; земля под ногами была хорошо утрамбована.— Странно, что охраны у входа не было; но — сообразил я, пробираясь извилистым путем в темноте,— возможно, что в такую глушь никто не заходит, и потому — таиться не от кого.

...Шел я, видимо, не слишком далеко, но довольно долго. Дорога то и дело виляла то вправо, то влево, ныряя иногда вниз, опять поднимаясь. Выход открылся неожиданно, — так же, как в подземном храме поклонников Отпавшего Бога. — Внезапно, без подготовки, тьма прекратилась, и я зажмурился, механически опуская уже занесенную ногу за порог... Меч взметнулся вверх, и прямо перед моим лицом пролилась на землю какая-то жидкость: с земли взвился вверх зеленый язык пламени, пол дрогнул от тяжести упавшего тела... В полумгле я нагнулся посмотреть, кого это мы убили... — Тварь, величиной со среднего крокодила, с шестью когтистыми лапами, валялась на земле, четко раздвоенная Бледным Богом... Рассмотреть ее подробней не удалось, слишком быстро она сгорела... — Но, приглядевшись к тому, что осталось, я заметил лежащую на полу длинную цепь.— Видимо, на ней сидел демон...

«Вот тебе — и сторожа нет...» — подумал я и поглядел наверх.— Прямо над входом был довольно большой выступ, на котором и сидел некогда сторожевой демон,— видимо, проливая на случайных посетителей яд со своей высоты... — Меня передернуло, когда я представил, что жидкость, полыхнувшая на земле, попала бы на меня...

Я огляделся. Помещение было небольшое. Пожалуй, караульная комната... — Цепь (я опять поглядел на нее) была достаточной длины; демон, очевидно, мог ходить по всему помещению, не испытывая особого неудобства.— Впрочем, некогда было заниматься размышлениями о благоустройстве служебных демонов; я осторожно направился к двери, вырезанной в другой стене караулки...

Это был вход. Вход в большую комнату. В ней тоже было не светлее, чем в караулке; я, осторожно заглянув, ничего толком не разглядел. Но чутье подсказывало мне, что нужно входить. Тем более — на стенах чуть виднелась какая-то роспись,— и я подумал,— не есть ли где-то в стене магическая дверь, помеченная знаком скобки? .. — Немного поколебавшись, я спрятал меч в мешочек с землей, висевший на моей голой шее,— и вошел...

Никакая сторожевая тварь не напала на меня. Впрочем, входя, я чувствовал, что сторожа нет. Правда, неясное беспокойство томило меня, обещая нечто неприятное в близкое время... — Но я надеялся побыстрее отыскать дверь и попытаться вытащить Ольгу... оттуда, где она сейчас была.— Потом, несомненно, неприятности и начнутся, но тогда со мной (в случае удачного исхода) будет полезный спутник, Ольга; а в случае неудачного... Об этом пока думать не хотелось.— Я решительно вошел в полумрак большой комнаты, направляясь к дальней стене, на которой я заметил роспись; тут же в комнате вспыхнул яркий зеленый свет, на мгновение ослепивший меня, с шумом задвинулись сзади двери, и я понял, что опять в ловушке...— Впрочем, я как-то оказался готов к этому; меч мой был со мной,— и... «Если у них нет копий,— мелькнуло в голове,— я сумею обмануть их...»

Я нарочно не задвинул меч в землю до полного погружения; рукоятка чуть-чуть торчала из земли, и не

было необходимости тратить время на заклинания; итак, я спокойно обернулся и, скрестив руки на груди (поближе к мечу), поглядел на засадный полк демонов.

Их было много. На этот раз — все в человеческом облике, с черными повязками. Копий не было,— только висели на боках мечи в ножнах. Впереди всех стоял Повелитель...

Ну, что ж. Преимущество внезапности у меня было. Поэтому я более или менее спокойно глядел, как они приближаются. Я не трогал меч, чувствуя, что меня не собираются убивать... То есть, собираются, конечно,— только не сразу, а как-нибудь торжественно и изысканно (я давно заметил эту слабость за демонами; когда они уверены, что враг — в полной их власти,— они, вместо того, чтоб мгновенно прикончить его, начинают украшать дело какими-то эстетическими ненужностями...). — А значит, я успею вытащить меч, и — либо победить, либо повести себя достойней, чем в прошлый раз... — Быть может, мне все же удастся спасти Ольгу.

Итак, я был готов к появлению демонов и ловушка не застала меня врасплох.— Но вот к дальнейшему я, к сожалению, оказался не очень готов. Впрочем — трудно тягаться с демонами в хитрости... — Я заговорил первым.

— Итак, я в четвертый раз встречаюсь с вами; и вы в четвертый раз застали меня врасплох...

— Мы ждали тебя, — ответил мне Повелитель Демонов.— Ты пришел доложить о выполнении задания? ..

— Что? .. — и нехорошее подозрение закралось ко мне.— Кто знает, а что, если я опять по неведенью сделал что-то полезное для этих негодяев? ..

— Можешь без ложной скромности поведать нам о своих подвигах... — Повелитель насмешливо поглядел на меня.— До нас дошли уже слухи о том, что ересь искоренена тобою и храм Отпавшего стал могилой еретиков.— Можешь рассказать нам об этом подробнее; мы внимательно выслушаем тебя...

— Что, и это — по вашему плану? .. — невольно спросил я.

— А ты думаешь, почему мы отпустили тебя в прошлый раз? Просто из человеколюбия?..— Или от презрения к ничтожному противнику? .. — О да, ты ничтожен,

Наур... Но ты — Наур. И Бледный Бог покорен твоей руке.— Разве можно было отпускать — без важных причин — носителя столь грозного оружия? Как бы жалок этот носитель ни был? .. — Нет...

Повелитель с некоторым недоумением оглядел меня.

— Странно, что ты пришел сюда без меча.

— Я пришел не воевать,— ровным голосом ответил я, стараясь не скосить ненароком глаза на мешочек на шее.— Я пришел выяснять, в чем дело...

— И что бы ты хотел уяснить?

— Я все же не понимаю, что вам нужно от меня.— Я сейчас никого не трогал... (я слегка запнулся, вспомнив сторожа в караулке; но, кажется, демоны пришли в комнату каким-то другим путем и не знали о гибели охранника; они ведь о моем мече не знали! ..) — Даже наоборот, — как ты говоришь, я опять сыграл вам на руку... Хотя, честно говоря, не понимаю, как это можно было подстроить...

— Зачем — подстроить? — Повелитель усмехнулся.— Можно продумать. Зная твои замечательные свойства ума и характера.— Что мог ты сделать, уйдя в прошлый раз ни с чем? .. — Я не сомневался, что спесь заставит тебя продолжить свои вздорные попытки повредить нам.— Мы изучили послание твоей подруги...

— Что-о? .. — я на мгновение закрыл глаза.— Так вот как все было устроено... Это Ольга заманила меня сюда... О-о!

— А ты как думал? .. — Впрочем, успокойся, Наур. Судя по отчаянью в твоем голосе, ты решил, что твоя подруга заманила тебя сюда? .. — Нет, могу утешить тебя,— хотя большого удовольствия мне это не доставляет... — Твоя подруга столь же глупа, как и ты. — Она уже понесла наказание за свою глупость,— ты помнишь это, Наур... — Но теперь она возомнила, что ты — со своим чудесным мечом — сумеешь спасти ее отсюда; она вообразила, что можно найти среди охраны отступника и передать послание в смертный мир. — Впрочем, даже если б ей это и удалось, все равно вряд ли бы ты преуспел.— Но это не могло удасться.— Мы изучили послание и приняли свои меры.— А когда все случилось так, как я и рассчитывал,— мы отпустили тебя. С мечом.— Без меча у тебя не было бы шансов на успех,— а мы понимали, что ты последуешь указанию своей подруги и отправишься в ее дом,— за мазью из темного корня... — Подруга твоя, конечно, не могла знать, что

за домом ее наблюдают (лицо Повелителя на миг передернулось) — отщепенцы... — Но мы, понятно, знали. В свое время, по нашему повелению, она похитила у отступников темный корень, главное их достояние; и потому понятно было, что губителя ненавистной им женщины ждет торжественный прием в подземном Храме.— А, принимая во внимание твой сварливый характер и нелюбовь к нашему племени... — Повелитель слегка поклонился мне,— можно было представить, что дело закончится боем. То есть — памятуя о Бледном Боге — истреблением врага...

—Да,— подумал я,— звучит убедительно. Не знаю, как они сумели это просчитать,— но так и было.— Кто знает, каковы мыслительные способности демонов? — Наверняка они намного лучше моих...»

— Впрочем, мы могли и ошибиться в исходе подземного приключения.— Если б отщепенцы были умней; но за годы отрыва от своего народа они многое растеряли... — Однако мы при любом исходе ничего не теряли...

— Слишком ты высокого мнения о своих способностях,— сообщил я ему.— Они были нисколько не глупей вас.— Окажись вы там, вряд ли бы у вас были бо́льшие достижения...

— О,— сказал он.— Ты опять становишься нелюбезен. И говоришь, как победитель.— Почему это, Наур? .. — Потому, что ты еще не убит? .. Не связан? .. — Не пойму резона.— Мы могли бы взять тебя еще в комнате, во время сна, если б не решили, что эффектнее позвать тебя сюда песней...

— Что, сволочи,— и песня ваша? ..— бешенство ударило мне в голову. Рука едва не схватилась за рукоятку, и только с большим усилием я сдержался.— Как знать, не выболтает ли он мне еще что-либо?

— Нет. Песня тоже не наша.— Но какая тебе разница? .. — Мы тоже знаем ее и можем использовать для своих нужд.— Правда, должен тебе сообщить, это давняя песня. После обнаруженного послания твоей подруге не до того.

— Где она? . — спросил я, сделав шаг вперед.

— Терпенье, князь. Все в свое время.— Что обижаешься? . — Ты послушал красивую песню,— надо признать, не без грусти слушал и я ее,— а мы сделали из нее нужные выводы. То есть, никто не в убытке.— Дальше было нетрудно предугадать.— Ты, наверное, ско-

чил, как сумасшедший, использовал мазь и бросился сюда... — Может, ты и меч в спешке не захватил? а?.. — Потом, видимо, пробрался одним из тайных ходов («Ого,— запомнил я,— ходов много! .») — и попал сюда. Мы узнали о твоем прибытии и вышли приветствовать героя.— И теперь, надо сказать, можешь в награду просить у нас, чего хочешь... — Кроме жизни... — Повелитель зловеще улыбнулся.— Ибо такого желания мы исполнить не сможем...

— Да я и не надеялся,— бодро ответил я, чувствуя, как холодная волна опять пробежала по мне.— Но мне до того все надоело, что я твердо решил покончить с этой историей.— Каков бы ни был конец.

— Что ж.— Здравое и смиренное решение. Удивительно слышать его от тебя.— Ты, наверное, самый благоразумный из всех бывших на свете Науров.— Итак, чего же ты хочешь от нас?

— Получить ответы на несколько вопросов.— Только честных ответов.— Можно ли ожидать от вас честности?..

— Можно.— Однако и любопытен же ты.— Даже перед смертью.

— Да. Очень. Итак, первый.— Где Ольга?

— Здесь, конечно,— недоуменно ответил он.— А где еще, ты думаешь?

— Ладно.— Что с ней?

— Вот этого, по правде говоря,— не знаю. Давно уж я не бывал в тех местах. Там невдали бродит Заклятье, любезно освобожденное тобою,— и, хотя магические запреты ставят границы его похождениям,— кто знает, не пробьет ли оно заслоны? — Как ты понимаешь, без большой нужды я не сунусь туда. А при большой нужде.. что делать, понуждаюсь...

. Я опять закрыл глаза.— Ужас какой! Неужто они могут напустить свое чудовище... на Олю?

— Да,— постарался я сказать как можно спокойней, хотя у меня темнело в глазах.— Кстати, о Заклятье.— Что оно все же такое?

— Мне кажется,— ответил Повелитель, пытливо глядя на меня,— ты уже кое-что знаешь о нем...

— Ну.

— Я имею в виду,— о чем именно ты спрашиваешь?

— Каких бед нужно ожидать от него? людям?

— Какая тебе разница? Ты умрешь здесь, тебя не должно это пугать..

— Ты обещал отвечать честно,— напомнил я.

— Ну, что ж. Как ты сам можешь догадаться,— гибель и разрушение. И вряд ли сумеете вы противостоять этому.— Вы хорошо умеете убивать и разорять друг друга,— но Иные Силы трудно погубить и нельзя разорить.— Обычное наводнение доставляет вам множество хлопот; что уж говорить о Великом Заклятье Болотных Богов!

— Говорят, мои предки умели справляться и с великими Заклятьями? .

— Ты и это узнал? — с ненавистью спросил он.— Да, смертный. Умели. Но как?

— Не знаю.

— И никто не знает. Даже мы.

— Вот такими мечами. Как у меня (я с грустью вздохнул. .)

— Твоим мечом? — Ну, нет Наур. Если тебя именно это и интересовало,— должен тебя разочаровать.— Бледный Бог любил человечество не больше, чем Хозяева Болот. Соперничества богов происходят вовсе не во имя смертных...— Я скажу тебе больше, князь.— Знай, что Бледному Богу доводилось держать в руках Заклятье. Он понял, что это такое, и не причинил ему вреда; нет.— Одно из наших преданий говорит, что он добавил к Заклятью часть и своей мощи. (Вот после этого известия руки у меня совсем опустились.— Если я на что и надеялся — при встрече с Заклятьем — так это на свой верный меч. Но теперь я слышал правду, и знал, что это — правда... Итак, мне осталось одно: погибнуть здесь...)

Бледный Бог могуч, но на Заклятье он не поднимется.— Нету силы в нынешнем мире, способной противостоять Заклятью. Пока оно еще здесь. Но однажды мы выпустим к нему глупцов, наподобие твоей подруги. — а их у нас хватает,— и устроим большую охоту.— Кто знает, может, кому и удастся добежать до тайного хода в смертный мир. — Да, кому-нибудь, верно, удастся.— Пусть Заклятье догонит его там..

— Не пойму, что ты сказал..

— Я говорю,— скоро Заклятье найдет дорогу в ваш мир.— Впрочем, тебе это, как я уже говорил, не угрожает.— Твоя судьба ближе..

— Как знать,— ответил я, делая еще шаг вперед,

Демоны в черных повязках вынули мечи из ножен.— Видимо, час, назначенный Повелителем, пришел.— Но я к этому времени уже нашел на стене скобку.— Теперь осталось посеять в комнате кое-какое разрушение, а затем — пуститься на поиски Ольги.— Как знать, может, что-то придумается и против Заклятья?

«Но он говорит, что Заклятье могло снести магическую границу. . — Нет. Ему ничего не стоит соврать,— а сегодня он и врет неловко.— Если они когда-то собираются выпустить пленников для охоты,— значит, они еще живы.— Итак! . — Надя указала, что она здесь, за скобкой. Поверим Надежде! .»

— Ну, а теперь,— крикнул я на демонов,— во имя Науров! . .

. Повелитель попятился и, оступившись, упал, когда я бросился на демонов с сияющим мечом.— Враги были настолько ошеломлены появлением Бледного Бога, что некоторое время не пытались сопротивляться. Нам удалось уложить с десяток демонов, прежде чем остальные очнулись и бросились в бой.

Я отразил несколько ударов и разрубил несколько тел; посередине комнаты горели страшные костры. . . — Повелитель уже был вне досягаемости, далеко за спинами своих воинов; он что-то крикнул, и — словно бы прямо из стен — посыпались новые демоны. . . — с копьями. . с луками. . .

Я понял, что пора уходить и, развернувшись, бросился к скобке, насеченной на стене. . .

— Ты не уйдешь, Наур! . . — крикнул мне Повелитель, и возле уха моего свистнула стрела и запела, въевшись в стену. .

— Ловите, сволочи! . . — крикнул я в ответ и, раздвоив рослого воина с топором, пытавшегося преградить мне дорогу, с размаху грянулся о стену. . .

. . . Хорошо, что не головой. Вот была бы лепешка. . . — Слишком сильная уверенность в том, что дверь откроется, подвела меня. .

«Что ж она? Заела, что ли? . .— А! .—Надя ведь говорила: с мечом не пройти. . .»

Я соображал быстро. Лучше оставить в комнате меч, нежели голову.— Я был уверен, что меч никто не тронет, но не хотелось кидаться неизвестно куда без оружия. . — Демоны, уже почти настигшие меня, расслышав крик Повелителя «Стойте! . . Остановитесь! . .» — замерли, как вкопанные.— Я не понял, в чем дело,

но оценил свободную минуту.— Быстро наклонившись к земле, я начертил на ней знак Иг-Наура, вбил меч в очерченное место и толкнул дверь.— Она открылась...

...Причину странного приказа Повелителя я понял, уже будучи за дверью.— Она мгновенно заросла за мною, стала гладкой стеной. И голос Повелителя, зловещий голос, донесся до меня:

— Вот и все, Наур.— Надежда справилась с заданием.— Да, именно за эту дверь ты и должен был попасть в случае, если у нас опять что-нибудь сорвется. Ну, ладно.— Можешь теперь посмотреть, во что превратился твой Талисман.— Ты, кажется, желал разделить со смертными жребий одинаковой гибели?..— Что ж, твое желание исполнено.— Передавай наше почтенье Заклятью Болот.

10. БОЛЬШАЯ ОХОТА

Ну, что ж. Теперь все было понятно. Надя опять предала меня, но на этот раз — очень основательно... Горечь была в моей душе, невыносимая горечь.— Что я сделал ей? Зачем ей это нужно?..— Я ведь не принес ей никакого зла...

Впрочем, сообразил я, она могла сделать это от страха.— Чтоб не подвергаться наказанию, подобно Ольге...— Сделать гадость,— и, так сказать, искупить свою вину... перед демонами.— Ну, да и ладно. В очередной раз меня обманули,— и уж в какой! Грех жаловаться.— Поручив Надю* ее судьбе, я задумался над своими делами.— Никакой Ольги здесь, конечно, нет, а есть... «— А где о н о?..»

...Здесь было темно, темно, как ночью. Очень трудно было различить, где я и что вокруг меня...— Кажется, я находился то ли в открытом пространстве, то ли в чересчур большом помещении. Стен нигде не было видно, кроме той, на которую я опирался. Темнота, темнота обступала меня... угнетающая темнота... остро пахнущая тревогой... бедой... смертью...

* После некоторых догадок и последующих разысканий нам удалось кое-что выяснить о Наде.— Самый конец этой истории можно найти в рассказе «Серебряная игла».— *В. О.*

Ну, что ж.— Если верить Повелителю Демонов,— а расчета лгать ему не было,— где-то здесь бродит Заклятье Болот, и встреча с ним должна стать последним выдающимся моментом в моей жизни... — Может быть.— Горько, что Бледный Бог, как я знал теперь (и чутье говорило мне, что это так) — не поможет мне... А ведь сначала у меня была сумасшедшая надежда именно на мой меч... в случае, если удастся встретиться с Заклятьем...

Увы! .. — Возможно, что меч был сейчас со мной, на груди (я надеялся, что его можно вызвать из мешочка с землей),— но что проку? .. — «Эх,— со вздохом подумал я,— как все по-дурацки складывалось! Лучшие надежды не оправдывали себя, худшие опасения верно сбывались... Вот, теперь и без меча остался...» — И тут меня осенило...

...Это нельзя было назвать даже надеждой.— Нет, это было очень робкое чувство.— Нечто вроде того, о каком упоминалось в безнадежных словах: «...И, как преступник перед казнью, ищу кругом души родной. .» — Вот такого безмолвного привета родной души я и искал, когда рассыпал на землю содержимое мешочка и произносил заклинание.— Меч. шкатулка. большая и круглая... тоненькая. . схожая с куполом зонтика.

...Землю я опять собрал в мешочек и повесил его на шею. Меч, бесполезный для меня, тоже отправился следом. Со мной осталась только шкатулка.— Наследье Иг-Наура Великого, безмолвный привет «души родной»... — Как-то теплее было погибать, держа в руке наследство, полученное от родственника из невесть каких времен...

...Даже — от двух родственников.— Позднее уже, после всего, я узнал, что к наследью Иг-Наура Великого добавлял свою лепту Иг-Наур Изгнанник.— Мне досталось наследство сразу двух Игов; но тогда я об этом не ведал,— да и, по правде говоря, мне это было не очень важно.— Открыв шкатулку, я вытащил из нее два подарка: щит и башмаки...

..В темноте было почти невозможно рассмотреть свое наследство как должно.— И щит, и башмаки были очень легкими по весу; особенно удивлял щит.— Я решил, что это, видимо, не боевой щит, или символ рода ративный; может быть, некий знак, или символ рода Науров, стилизованный под щит... Предназначение башмаков мне тоже не удалось разгадать: они были (на

ощупь) сработаны очень просто, без каких-либо парадных добавлений; и очень мягкие. Некоторое время я растерянно держал подарки в руках, не соображая, что с этим всем делать. А потом решил использовать по прямому назначению.

Почему бы и нет? .. — Я обулся, пристегнул щит к левой руке и выпрямился.— Вот, должно быть, дурацкий у меня сейчас вид: голый по пояс, в какой-то, чуть ли не бальной, обуви, с щитом.. и без меча.— Стою, ожидая в таком скороморошьем виде... гибели. В виде Великого Болотного Дракона.

«Да. В этой истории была очень сильная примесь дурацкого. .— Пусть же история на этом элементе и закончится! ..»

Подумав так, я двинулся вперед.— Что мне было стоять у стены и ждать гибели, на радость демонам?
— Я сам пойду навстречу ей. Пусть видят — если они видят — как я иду. Мне больше нечего ждать, незачем тянуть время; я опоздал везде, где только смог. Теперь меня ждет — взращенная некогда мною — Судьба, и вот с ней я, наверное, встречусь вовремя.

...Далекий гул послышался в ночи, и под ногами моими задрожала земля.— «Оно» — понял я и поглядел вперед.— Ничего не было видно, но я чувствовал: приближается.. вот оттуда... Дрожала под ногами земля, и ползла по ней из тьмы какая-то мертвящая зелень... словно бы трупный налет...

— Наур,— донесся из-за двери знакомый голос,— ты еще жив?

— А как же? — отозвался я.

— Это ненадолго,— заверил он.— Мертвая Земля дошла до тебя?

...Да. Пока звучал голос, вся земля уже покрылась безобразной зеленью, остановившейся только у стены, как бы не в силах пройти за этот барьер и продолжиться дальше..

— Дошла,— ответил я.— Ну и что?

— Все,— сказал он.— Это Заклятье идет к тебе...

— Знаю...

— Да, но ты уже умер. Тебе осталось несколько минут; коснувшийся Мертвой Земли больше не протягивает; мы проверяли. .

— Что за Мертвая Земля? — крикнул я в страхе.

— Это жизненная мощь Заклятья губит все впереди себя,— ответил он.— Хорошую ты вещь освободил, а?

— Сволочь... — сказал я.— Да, в Подземном Храме я слышал что-то о гибели, ползущей впереди Заклятий...

— Наур? .. — опять окликнул меня он.— Если успеешь,— там, справа, есть ходы в ваш мир.— Но, думаю, ты не успеешь...

— Сволочь! .. — еще раз крикнул я. и обомлел. Оно приближалось...

...Если у меня, как я говорил, была раньше некая «сумасшедшая надежда» на счастливую встречу с Заклятьем, то теперь, глядя на темную гору, все более и более увеличивающуюся, я потерял эту надежду... «Такого не бывает! ..» — хотелось крикнуть мне... Но увы, никаким самым горячим желанием невозможно было отменить ужас, ползущий сейчас во тьме... — Если б мне нужно было вообразить дракона, я вообразил бы его примерно таким, но чуть меньше этого. . — Мощное туловище; четыре огромные жабьи лапы, размером со слоновье ухо каждая; гигантский хвост, с шумом волочащийся за зверем, змеясь на ходу... Только голову бы я представил не такой; но эта была намного отвратительней.— Она напоминала рабочую часть паяльника, слегка изогнутую, или слоновий хобот; на узком окончании, которое трудно было назвать даже головой, — светились холодным желтым огнем глаза. Голова тяжело поворачивалась, глаза медленно обшаривали окрестности...

...И тогда, глядя на это, я ощутил опустошающее чувство немощи.— Что можно было бы сделать с этим зверем? Кто подобен зверю сему? — Как можно выйти на него, с каким оружием? .. — Я бросился обратно к двери, с размаху ударился об нее... замолотил руками... В ответ раздался зловещий хохот...

— Что, Наур? .. Видишь?

— Откройте! .. Откройте! Что вы, совсем звери?

— Это невозможно. Даже при желании. Дверь опечатана магическим наговором, и только существо нашей крови может пройти обратно... А если мы откроем со своей стороны, Оно погубит и нас... Но почему ты еще жив?

...Я с отчаяньем ударил еще раз и бросился в темноту.— Заклятье было еще далеко... — «Может, не увидит? Может,— успею? ..»

Напрасно я так думал; но это стало известно позднее. Пока — я мчался, сломя голову, и бежать было на

сей раз не стыдно.— Вряд ли даже мои предки сходились с Заклятьями в единоборстве; это невозможно. Они, верно, как-то по-другому управлялись... — Как тут воевать? ..— Все равно, что один из домов К - - ожил и пополз на тебя...

...А проклятый зверь почуял меня. Я ощущал это,— спиной... точнее — инстинктом; словно бы дыханье гибели, дыханье леденящей ненависти обожгло меня; я бежал, бежал, что было мочи... Было темно, только слегка светилась мертвым светом земля под ногами... Сердце бешено колотилось, я жадно хватал ртом воздух и мчался... — Но Заклятье, видимо, настигало меня... Я чувствовал (не оборачиваясь, чтобы не терять драгоценные секунды),— что оно все ближе... В какой-то миг мне показалось, что в спину уперся взгляд; еще холоднее стало телу, движенья мои замедлились... Я с трудом переставлял ноги, теперь уже не убегая, а ковыляя вперед, и изо всех сил боролся с желанием остановиться... оглянуться... посмотреть в глаза твари... Но я вспоминал облик этой гадины,— и ужас и отвращение придавали мне добавочные силы... Я добрел до какой-то стены, и понял, что — все. Мне больше некуда было убегать; я — в замкнутом пространстве. Оно может для забавы гонять меня по кругу,— но убежать я не смогу...

...Но я даже не мог бежать и вдоль стены.— Тварь, видимо, обладала гипнотическими способностями... Я стоял на месте, и мне удавалось сделать только одно: не обернуться... И даже это усилие требовало всех моих сил...

Все было, как в кошмарном сне: знаешь, что надо сделать,— и не можешь сделать. Но, как бывает иногда в кошмарных снах,— в последний миг получаешь освобожденье... — На мгновенье силы вернулись ко мне, и я, повинуясь инстинкту, отпрыгнул влево... Страшный удар проломил стену,— в том месте, с которого я только что успел отскочить; огромный хвост, захватив несколько обломков, уполз обратно... А из пролома... с криком хлынули люди...

Я сначала настолько оторопел от этого зрелища, что даже позабыл об опасности.— Люди,— а их было с десяток, люди в оборванных одеждах,— с криками ужаса бросились кто куда... Некоторые закрывали лица руками... — Да, зрелище, представленное им, что и говорить, было ужасное...— Однако, как понял я, не-

вольно обернувшись, чтоб посмотреть на бегущих (хорошо, Заклятье режило сначало заняться ими и забыло обо мне!..),— лица они закрывали по другой причине... — На моих глазах один из людей, не успевший донести ладони до лица, вдруг застыл на месте с поднятыми руками; застыл, и больше не двинулся... Сердце мое оледенило понимание: он погиб... он окаменел... Мгновенно вспомнились сказки о Василисках: встретившийся с ними взглядом обращается в камень...

Сразу же вспомнилось поверье, что Василиска можно убить, предъявив ему зеркало, либо (почему?..) живого петуха.— У меня не было под рукой ни того, ни другого,— да я сейчас, глядя, как расправляется этот зверь с бегущими, не верил ни в петухов, ни в зеркала... Ни в возможность спасения, ни в какой Космический или Вселенский разум... — Я глядел, глядел, не в силах двинуться...

Перед глазами моими прошла вся картина великой охоты Болотного Дракона.— Еще двое окаменевших стояли вечными статуями там, где застигли их взоры Заклятья; остальные продолжали разбегаться... — Метнувшийся громадный хвост вбил в стену высокого человека; на стене вспыхнуло мгновенно погасшее затем пламя...

«— О!.. — да это пленные демоны... — собразил я.— Провинившиеся... О н о пробило их дверь...»

...Я еще не успел сообразить, что среди освобожденных — для страшной гибели — пленных должна быть Ольга,— как увидел ее... Она налетела прямо на меня, чуть не сбив с ног, и отчаянно вскрикнула... Я встретился с ее безумным взором...

— Оля!..

...На мгновение в глазах блеснул огонек узнавания, но тут же погас, и она, дико закричав, рванулась прочь...

— Оля! .. — я поймал ее за руку.

Ольга вырвалась.

— Не гляди!.. Не гляди на него!.. — прокричала она и, закрыв лицо, бросилась в темноту... Я развернулся, глядя, куда она бежит...

Панорама охоты, идущей теперь правее меня, вновь открылась мне, когда я обернулся.— В живых, кроме Ольги, оставалось еще двое; на поле прибавилось несколько статуй, остальные, видимо, были уничтожены ударами хвоста...

.. Один из бегущих, за которым сейчас быстро ползло Заклятье, видимо, понял, что ему не убежать; мгновенно развернувшись к зверю (наклонив голову), он обернулся серым остроконечным камнем, переливчатым высоким фонтаном, длинным языком пламени, взметнувшимся чуть не к груди чудовища; Заклятье не смутилось. Поняв, что врага не испугать, не сбить с толку,— он, обернувшись опять человеком, быстро бросился, пригнувшись, под брюхо твари, между мощных лап,— намереваясь, видимо, проскочить. Ему не удалось. Заклятье мгновенно упало на живот, ударившись о землю с грохотом, поглотившим, наверное, крик несчастного.

На поле оставались двое: Ольга неслась со всех ног к стене, за которой сидели теперь Повелитель с демонами, слушая ход событий; она бежала туда, куда ее не пустят,— но, видимо, вообще не соображая от страха,— куда бежит. . — Другой человек бежал не знаю куда,— но он был уже далеко от Заклятья.. Оба они были с разных сторон, оба далеко,— и я подумал, как О н о теперь будет их ловить? . — Мое преступное любопытство было тут же удовлетворено.— Ловить человека Заклятью не пришлось. Пробежав еще несколько шагов, он, резко остановившись, зашатался на месте — и, корчась, рухнул на землю. «Мертвая Земля...» — Я почему-то сразу понял, что это она отравила его. Про себя (я ведь дольше их находился на этой земле! .) я забыл подумать, а вместо этого — с ужасом понял, что еще несколько мгновений — и Ольгу ждет то же. Даже если она каким-то чудом улизнет от зверя.

...А Ольга была уже у стены. Я, замерев, смотрел на нее безнадежным, прощальным взглядом.— Заклятье неторопливо ползло к ней, как бы в уверенности, что можно не спешить... — Ольга, наверное, не понимала, что обречена; она с плачем шарила руками по стене... затем пробежала вдоль нее несколько шагов, опять коснулась руками,— видимо, отыскав вход... и я понял, ЧТО СЕЙЧАС БУДЕТ.— Если она найдет... — У нее тоже болотная кровь, и дверь откроется ей... — Она нашла и, толкнув изо всех сил, бросилась с диким криком внутрь.

Мгновенно, словно бы сдерживаемая преградой волна, хлынула за Ольгой в открытый проем трупная зелень Мертвой Земли, и по воплю ужаса, донесшемуся оттуда, я понял, что демоны увидели свою гибель...

Дверь захлопнулась, но это было неважно. Зелень уже вошла туда, и теперь смерть была для демонов делом недолгого времени. — Ольга, погибая, невзначай разрушила Болотную Державу...

«—Да, но почему я-то еще жив?..» — перебила другая мысль мое размышление над судьбами демонов. — «А может, башмаки?..» — мелькнула еще одна, но я не успел ухватить и эту мысль, потому что следующая оборвала ее: я сообразил, что теперь... охотиться можно только за мной...

И Заклятье поняло это. Оно медленно, тяжело начало разворачиваться, — несомненно, чувствуя присутствие за спиной живого; я не стал ждать, пока оно обернется, и бросился бежать...

...Я мчался, постаравшись выбросить из головы любые мысли, — чтобы оно не сумело дотянуться до меня безмолвным приказом... «Два маленьких котенка поссорились в углу, но старая хозяйка взяла свою метлу...» — Эти две строки, вспомнившиеся сдуру, я твердил про себя — исступленней, чем имя любимой женщины; и они забили голову настолько, что уже ничто не проникало за этот заслон: я только механически бормотал их да бежал. Видимо, со стороны это было премилое зрелище — бежит в темноте человек и озабоченно рассуждает вслух о каких-то котятах, а за ним следом ползет огромный дракон... — Впрочем, тогда я не заботился о том, как выгляжу со стороны. — Мне посчастливилось, я вбежал в какую-то пещеру, уже после, через какое-то время пробегая по ней, сообразив, что это — не пещера, а один из тайных ходов наружу... После сумасшедших петляний я выскочил-таки наружу... — В тот же лес, из которого начал путешествие в мир демонов. . — Я был в своем мире!..

...Почему-то первой мыслью, когда я выбрался, было: все. Спасен... — Я сел на землю возле входа, тяжело дыша, закрыв глаза... — Мой мир... Я вернулся... — Все...

...Но тут же я опять подскочил. — Боги, боги!.. Что — «все»?.. — Ведь они этого и хотели! . — Чтобы я, убегая, привел — по следу — Заклятье наверх!.. В мир!..

Но поздно было сокрушаться. — Я его уже привел. «Жаль, демонов уже нет, — они не оценят, как я выполнил последнюю часть их плана...» — горько усмехнулся я, наблюдая, как мертвела земля у входа, покрываясь выползавшей из-под земли омерзительной зеленью...

Грохот сотряс почву, и я бросился в лес. Заклятье выбиралось в мой мир, разрушая узкий для него подземный проход. — Скорее! Я успею!

«— А куда? .» — Судьба опять подвела меня. Пробежав сквозь густые ряды деревьев, я с разбегу влетел в болото, провалившись по колено; отчаянно выдергивая ноги, побрел дальше... провалился по пояс, начал увязать. Ухватился за подвернувшуюся кочку и вылез на нее, дрожа от холода и ужаса.

«Вот и все», — какой раз за эту ночь мелкнула в голове безнадежная мысль... и опять для нее был резон. — «Или утопиться, или ждать...»

...Уже слышался треск ломаемых деревьев, уже виднелась — сквозь их поредевший строй — черная туша Заклятья, бредущего за мной; вот последние, ближние к болоту деревья обвалились в воду, и туда же вслед за ними погрузилась с шумом гигантская жабья лапа; я вспомнил, что однажды в кошмарном сне видел нечто подобное. Из-за одиночных неповаленных деревьев выныривала уже голова, глаза шарили в темноте, искали... Ужас опять обуял меня, и я, не раздумывая больше, прыгнул с кочки в болото. попав — по случайности — на другую... с нее — на третью... «Неужели — брод? ..» — мелькнула слабая надежда (впрочем, — надежда н а что ? ..). — Я прыгал с кочки на кочку; за мной шумно брело по воде Заклятье... Охота подходила к концу. — «Силы небесные! ..» — лихорадочно думал я, прыгая все дальше. — «Хоть бы оно отстало... подохло, заблудилось... утонуло...» — Увы, я понимал, что все эти пожелания тщетны... Я прыгнул очередной раз...

..За спиной раздался тихий зловещий свист, зовущий. . манящий... И я понял, что вот теперь — точно все. — Великая охота Болотного Дракона заканчивалась. Мне безумно захотелось повернуться... — Видимо, Заклятье уже наигралось со мной и применяло теперь полную силу... Что ж, я, наверное, был очень упорным противником... — Только что мне это принесло? .. —

Что будет теперь? Оно поползет дальше, — и некому даже предупредить остальных, объяснить, что происходит. — Я с ужасом сообразил, что уже поворачиваюсь. против воли. оно и против воли могло повернуть меня. Вот... — Я повернулся, невероятным усилием воли успев зажмурить глаза и безнадежным, последним движением — загородиться от летящей на меня головы своим декоративным щитом...

Мощный, тягучий рев разнесся по лесу; казалось, прогнулись от этого рева деревья и, всколыхнувшись, запузырилась темная вода в болоте... Столько было в этом реве нечеловеческой муки, гибельного страха, что я чуть не сошел с ума... на сей раз просто от звука... Слезы текли по моему лицу, невольные слезы... А рев слабел, все слабел, сменяясь тяжким вздохом, хриплым шипением; ничего не соображая, я открыл глаза...

...Заклятье недвижно высилось надо мной; голова твари застыла на лету — на расстоянии вытянутой руки от моего лица; глаза уже почернели, желтый огонь холодной злобы погас в них. Огромное тело было безжизненно, недвижимо... Приглядевшись, я понял, что это не совсем так. — Оно было мертво, да; но конечности его оплывали, меняли форму, втягивались, казалось, в туловище; словно бы смерть сворачивала своего утраченного слугу, собирала зверя в один огромный ком... в камень. Тускнела, рассасывалась, — словно бы впитывалась в почву без следа, трупная зелень... — Жизненная сила чудовища больше не могла отравить землю; она прекратилась. . — Да. Заклятье было мертво. Огромный камень стоял передо мной, опираясь передней частью на болотную кочку... — Я победил. — Но как?

Впрочем, я не стал тогда заниматься этим вопросом. Силы мои иссякли; я рухнул в изнеможении на землю, — не как человек, одолевший в ратном бою дракона, а как несчастный, чудом спасшийся от неминуемой гибели; я рухнул на землю и медленно повалился на правый бок... На спину... И лежал, бездумным взором глядя в небо, — на звезды, стынущие в вышине на сыром ветру...

«Я спасен...» — «Оно погибло...» — «Мы спасены...» — «Ольга погибла...» — «Вот и все... Демоны сгинули... Все кончилось... Кончилось... Два маленьких котенка...» — я затряс головой, приподнявшись: словно бы мысли мои могли прийти от тряски в порядок!.. — С трудом, опираясь на руку, сел.

...Болото. Темное болото вокруг. Невдали чернели деревья, виднелся в их строю мощный пролом... «Быть может, — подумал я, — этот лес загублен... Ибо Мертвая Земля была здесь...» — Сырость... темнота...

Я удивился темноте. — Не может быть, чтоб столько событий прошло, а ночь еще длилась!.. — Или это лес удерживает рассвет, густыми кронами, тяжелыми мохнатыми ветвями?.. — Скрывает от болота светлеющее где-то небо?.. — Все существо мое чуяло рассвет, ждало рассвета, — как спасения, как избавления от дел этой ночи...

...Но не были закончены темные дела. — Когда я выбрел на твердую землю, из-за деревьев метнулась ко мне темная фигура с дубиной в руке... Взмахнула своим оружием...

...Я инстинктивно загородился щитом от падающей на голову дубины, — и щит мой разлетелся от удара вдребезги, как стекло. Резкая боль распространилась по руке, заставив меня застонать... Но одновременно я успел отпрыгнуть, и следующий удар — наотмашь — пришелся в пустоту, только даром разрезав со свистом воздух...

— Проклятый... — прорычал Повелитель Демонов... — да, это опять был он! Бывший повелитель бывшего царства, уцелевший каким-то чудом от общей гибели...

— Все погибло... все погибли... — простонал он. — И все — ты!.. — О-о!..

Он бросился опять на меня, но я уже успел подобрать с земли какой-то сук, и встретил рубящий удар твердой рукой; тут же сделал ответный выпад, — так уверенно, что даже сам удивился. — Не думал до сих пор, что умею биться на... сучьях? дубинах?.. — В конце концов, можно сказать, мы бились на мечах. Только мечи отсутствовали.

. Да, я умело оборонялся. Но это и все. Моё вновь открывшееся умение не могло принести весомых плодов. — Очень болела, почти бездействовала — левая рука, попавшая под тяжелый удар; мне оставалось только парировать выпады Повелителя, и отступать, отступать.. — Куда?

— Я убью тебя, Наур... — скрежетал он, яростно нападая. — Я убью тебя, — здесь. этой дубиной... — За все.. за всех.. за мою державу. за наши сгинувшие надежды... — Я убью тебя, смертный!..

Он запнулся и на мгновение схватился за лицо, опустив дубинку, потому что я, превозмогая боль, нащупал левой рукой в кармане мокрых брюк пустую банку из-под ночной мази, пропутешествовавшую со мной все это время, — и с силой бросил Повелителю в лицо. Бросок вышел несильный, но я удачно попал, и демон на мгновение утратил возможность сопротивляться... — Я чувствовал, что вот-вот могу потерять сознание от боли, — но твердо знал, что на несколько секунд меня еще хватит... — И я был сейчас суров и безжалостен, как древний Наур. Движенья мои были точными и уверенными. — Удар суком в живот заставил Повелителя согнуться, сломаться пополам; на согнутую спину его обрушился еще один удар, — и я вложил в него всю ненависть, приобретенную мной за последние месяцы, и особенно — за нынешнюю ночь; всю злость, все отчаянье, всю жажду отомстить. . — За себя; за погубленную Ольгу; за обмороченную, запуганную Надю; за все.. — Сук мой сочно хрястнул по согнутой спине, Повелитель застонал и, медленно, неестественно выпрямившись, сделал, шатаясь из стороны в сторону, несколько шагов.. к болоту. к воде.. У самого болота я, догнав его, нанес еще один рубящий удар, — и тело глухо обрушилось в воду, исчезая в ней..

«— Вот теперь, наверное, — все, — сказал я себе и переломил сук о колено. — Оплачены все долги, сделаны все глупости... Хватит. .» — И я опустился на землю. — Да, это был конец всего. Из меня словно бы что-то вынули, и я встретил наступавший рассвет безжизненным взглядом человека, исполнившего какой-нибудь скорбный долг. Взглядом человека, исчерпавшего все силы, выполняя этот тягостный долг...

11. ПЕСНЯ ПЕЧАЛИ

Пришел рассвет, и я сидел на огромном камне, торчащем посреди болота из воды. Болото парило, и белые молочные клубы тяжело взбирались вверх; мне это казалось дымом. — Я сгорел, начисто сгорел в темном пламени прошедшей ночи... прошедшей жизни; и то, что еще несколько ночных минут назад было мною прежним, — уходило теперь с густым дымом в алеющее небо. А я сидел на камне. На побежденном, закаменелом теле врага. Как воин легендарных времен. Рядом со мною было все мое достояние; перебираясь на Камень, я взял его с собой, чтобы оставить здесь.

— Башмаки. — Чудные, легкие башмаки, спасшие меня от губительного поцелуя Мертвой Земли. — Башмаки из кожи Бородатой Жабы, оставленные в шкатулке Иг-Науром Изгнанником, предпоследним царем Наур-ога.

— Осколки щита. Я собрал их все. — Осколки магического зеркала, с которым Иг-Наур Великий вышел некогда, в молодые времена нашего мира, на такое же Заклятье, как мое, стынущее сейчас подо мной безжизненным камнем. — Подарки, сохранившие жизнь непутевому наследнику великого рода; подарки, давшие ему победу...

. Я сидел на камне, и горечь победы переполняла меня. Слезы текли по моему лицу, — слезы печали... по утерянному. по невозвратному. . — Сомкнуты и вновь разорваны два чужих друг другу мира; выпущено на свет и вновь уничтожено последнее Заклятье Болотных Демонов; погибли враги, потеряны друзья. Слепыми от скорби глазами я смотрел в наступающий, еще чужой для меня, день. — Все это — мои дела; все это — мои ошибки; все это — моя вина.. вина моей былой жизни.

Я сидел на камне и глядел в рассвет. — Я, рядовой обыватель, обычный фотограф из не примечательного ничем М-а; я, князь и наследник великого древнего народа; я, победитель демонов и губитель дракона; я, могущественный свершитель чужих судеб и жалкая погремушка в руках моей собственной; кто из них — настоящий я? — Не знаю. Все они сгорели ночью и теперь поднимались с болотными парами, как фимиам, в рассветное небо; из пепла и горя родился новый я... и в скорби совершилось это рождение. — Я даже не

знал, для чего родился. — Дела иного, легендарного мира были завершены этой ночью, — а что до моего, привычного, человеческого мира, — я был не уверен, что теперь гожусь для него. Слишком многое вобрала теперь моя память, память, пившая жизнь в двух мирах; чересчур много печали выносил я с собой в наш болтливый и бездарный мир.. — Что мне там делать?

...Я сидел на камне, встречая рассвет нового дня, и безмолвно прощался с прошлым миром. — Я обжил его, как первый колонист обживает угрюмую и неприветливую страну, покоряя враждебную природу; я обжил его, как монах великих времен обживал пустыню, скручивая и выбрасывая вон из своего нового места обитания старого хозяина, — дьявола... — Я обжил этот мир и сроднился с ним.. И теперь он уходил от меня.

. Нету Заклятья Болот. Нету заветной Мести, выброшенной некогда корявой лапой Болотного Бога в человеческий мир, — и, несмотря на мощь и хитрость демонов, — превзойденной упорством и отвагою сынов человеческих. — Нету больше Великой Тайны Болотных Демонов, нету этого гибельного корня, прораставшего сразу в два мира и способного вытянуть жизненные соки из обоих.. — Нету последней надежды Древних Богов...

Нету Ольги. — Я никогда не смогу забыть ее. — Мою милую подругу давнего прошлого. Моего врага, мою боль. . Я не сумел помочь ей. Я не сумел помочь ничему. Я не смог сделать ничего достойного, не расплатившись за это... чужой судьбой...

Нету Нади. — Пусть она есть, но для меня ее нету. Я обойду К-- стороной, чтобы случайно не повстречаться с нею. Пусть она идет навстречу своей судьбе. Я ни в чем не виню ее. Да останется моя злая и грустная память о ней в той, сгоревшей, жизни.

Я ни в чем не виню ее; но я ее больше не помню. Она потеряна для меня.

Нету Повелителя Демонов, моего главного врага. — Судьба дала ему печальную возможность увидеть крушение своих безумных надежд и гибель его мрачной державы. — Распря древних времен, распря могучих былых сил ожила, когда мы встретились. — Как и тогда, победа осталась за Науром... — За человеком.

...Я сидел на камне, встречая рассвет, и думал о великих делах. С незапамятных времен длился великий

спор людей с первыми жителями земли. — И, как бы ни были хитры и могучи они, наша доблесть превозмогала их могущество... — И не им наследовать будущее земли, как говорил мне поклонник древних сил, убитый мною в Подземном Храме...

. Да! .. — Нету обитателей демонического мира. — Одни из них лежат в засыпанном Подземном Храме, уснув вечным сном близ своего спящего идола... Другие обрели гибель в Болотном Царстве, загубленные Бледным Богом и — при случайной помощи Ольги, — своим же Заклятьем... — Оружие обернулось против своих создателей; так было всегда, — и если не в этом мире, то в ином.

. . Нету меня. Мое тепло выпил Талисман, врученный мне некогда мертвым колдуном. Мою душу исковеркала Ольга, пытавшаяся погубить меня в отместку за нечаянную обиду; демоны, только и искавшие смерти носителя Талисмана, наследника Науров, обладателя бледного меча: вот сколько ненавистных для них «я» сидело некогда во мне! .. — Надя, согласившаяся погубить меня вовсе без каких-либо причин... — Мое тело пытались уничтожить многие и многие, с кем судьба столкнула меня на загадочных дорогах этой истории... Мою память отравили подлость и обман, хитрость и лукавство; в мою память возжены навек зрелища невероятных мучений и страшных смертей... — Меня не осталось. Я погиб, хотя и победил. — Теперь горечь моей победы разъедает мне душу, ибо ничего доброго эта победа никому не принесла. — Ни друзьям. Ни врагам. Ни мне.. Ничего ценного в мир не добавила...

Наступал рассвет, а я сидел на огромном камне посреди болота, не замечая утреннего холода. — Я отдыхал от законченного, тяжелого труда. На мне сошлись на время в узел судьбы разных миров, дела разных времен. — Теперь этот узел, раздавливавший хрупкое существо человеческого мира, был развязан. С меня снята тяжесть ответственности... — Хотя — кто знает? — Когда все разучились отвечать за свой мир, в трудный момент судьба выбирает любого, в кого ткнет случайно своим помазующим перстом. — И как знать, — надолго ли этот выбор останавливается на смертном? Когда с него снимается ответственность?

Или, если не так, — то дано ли ему когда забыть о том, что он отвечает за свой мир? Забыть — и войти в незнакомый дом, не опасаясь тайных врагов и хитрых ловушек? Забыть — и выпить бокал вина, не ожидая найти в нем яда? Забыть — и беззаботно поцеловать прекрасную женщину, не думая, что она пришла к тебе, ища твоей гибели?..

...Наступал рассвет, и стирались в памяти проснувшегося мира слава и горечь прошлой ночи, прошлых дел... Уходили в небытие герои, и пыльная трава заглушала их могилы; ветер уносил голоса поэтов в неизвестные никому дали; а листки с начертанными на них письменами, многообразными голосами жизни, — стирало, где находило, заботливое время... Все забывалось в мире, и тяжкая память не давила его. Он, не ведая того, исцелялся от прошлых болезней, — славных и скорбных болезней...

Так рождалась во мне песня печали. Наступал рассвет, и я приветствовал его своей песней из дня былого. Из меркнущего славного и печального дня...

Алеет мгла, и меркнет звездный хор.
Рассвет глядит на старые могилы, —
Мечи и флейты, славу и позор —
Единое забвение покрыло.
Ни гордых дней, ни горьких — не вернуть.
Ушли дела, и песни замолчали...

Алеет мгла, и проступает путь,
Случайный путь сегодняшней печали...
Рассветный мир ночного не поймет;
И лишь — бродячий бард, вобравший в слово
Язык светил, дыханье древних нот, —
На чем случится — песню нанесет
Углем души, узнавшей хмель былого...

Я насек эту песню мечом на Камне. — Бледный Бог искупал свою вину передо мной, высекая слова на холодной спине сгинувшего Проклятья. — Там, у камня, очертив на земле кочки знак Науров, я опустил в нее башмаки Изгнанника, осколки щита, и высыпал сверху землю из мешочка. — Меч мой тоже остался

там, охранять Достоянье Нового Владыки. И — кто знает? — до срока или навсегда?..

...Я не знал. И мне пора было уходить. Враг повержен; найдено наследье моего рода и почтена память великих предков; выполнен долг Наура. — Пусть никто не придет сюда, и не прочтет надпись на Камне; да, видимо, и не нужно. — Я оставил в наследство песню, нарезанную на теле побежденного врага; что еще нужно от воина?.. — Он выполнил свое дело и бредет домой, чтобы превратиться в мирного селянина... И пора было отправляться обратно...

Я встал с Камня и стал осторожно пробираться болотной тропкой к лесу...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТАЙНА БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

Нежданные дары и горькие ошибки

КНИГА ВТОРАЯ

Заклятье болот

ВЫШЛИ В СВЕТ:

журнал «БОБОК»;

альманах «БОБОК»:

1. СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
2. САМОЕ ВРЕМЯ САЖАТЬ БЕГОНИИ.
3. КОКОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
4. ТЕНЬ ДЕМОНА. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
5. ВЕСЬ ГОРОД СПИТ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
6. БОБОК.
7. ПАЛЕЦ! ПАЛЕЦ! Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
8. СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА.
9. ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
10. МЕЧ ГОБЛИНОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
11. СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
12. ПАРАДИЗ II.
13. КСЮРХН. Из коллекции Лина КАРТЕРА.
14. ХАРЯ И КУЛАК. Сказочки Федора СОЛОГУБА.
15. НИКОГДА НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
16. ЦЫГАНСКИЙ РУБЛЬ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.
17. ЧЕРНО-ЗЕЛЕНЫЙ ЛЕС ИЛИ ШОФЕР ОРАНЖЕВОГО ГРУЗОВИКА. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.
18. ПРОКЛЯТЫЙ ДОМ. Из собрания Ивана СТЕКЛЯНИЩЕВА.
19. ДЕВОЧКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ. Из сборника «Вампиры в полночь».
20. ЛЕНИНИАДА. Из собрания Александра СЕГЕНЯ.
21. ТЕРАГРАМ. Из коллекции Айзека АЗИМОВА,

22. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ ГЕНЕРАЛА К. А. ЛУГИНА. С комментариями компетентных органов (Дм. Сучков).

23. ЗНАК САТАНЫ.

24. СМЕРТЬ В КАНЬОНЕ. Из собрания Сергея ДОЛЖЕНКО.

25. ПРИЗРАК ПРОБУЖДАЕТСЯ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.

26. ТАИНСТВЕННЫЙ ДАР. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.

27. СТАРИННОЕ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.

28. ...ОТ ТЕМНОГО ПЛАМЕНИ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.

29. РЫБКА ДЖОРДЖИ. Из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА.

30. ЗЛАЯ ПАМЯТЬ ЖЕНЩИНЫ. Из собрания Константина СЕНАТОРСКОГО.

31. ПОД ПАЛЬЦАМИ БОГОВ. Из коллекции Лина КАРТЕРА.

32. ЭПИЗОД ИСТОРИИ МЕЖДУВРЕМЕНЬЯ.

33. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПРИХОДИЛА В ШЕСТЬ.

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «БОБОК»:

Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. БОГ СВЕТА. Роман.
Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВ. Роман.
Роджер ЖЕЛЯЗНЫ. ОСТРОВ МЕРТВЫХ. Роман.
Альфред ХИТЧКОК представляет:
ИСТОРИИ, НЕ РАССКАЗАННЫЕ МАМОЙ.
ИСТОРИИ ДЛЯ НОЧНОГО ЧТЕНИЯ.
САДИСТСКИЕ ИСТОРИИ.
Роалд ДАЛ. КРЫСОЛОВ. Сб. рассказов.
Роалд ДАЛ. ПРЫЖОК В ГЛУБИНУ. Сб. рассказов.
Милорд Сэр СМИХТ. АНГЛИЙСКИЙ КОЛДУН. Сб. рассказов из коллекции Лина КАРТЕРА.
Роберт ХАЙНЛАЙН. МАГИЯ, ИНКОРПОРЕЙТЕД. Повести.
Виктор ОБУХОВ. ТАЙНА БОЛОТНЫХ ДЕМОНОВ. Повесть.

Распространением альманаха, журнала, библиотечки журнал «БОБОК» и подобной печатной продукции занимается Товарищество с ограниченной ответственностью «БОБОК».

Поставкой альманаха, журнала, библиотечки журнала «БОБОК» и любых других книжных и периодических изданий России занимается agence «ВОВОК».

Издательство «БОБОК» принимает заказы от граждан России, иностранных подданных и лиц без гражданства на издание произведений «за счет средств автора».

Адреса одноименных редакций, товарищества, издательства и агентства «БОБОК»:

Почтовый: 103104, Москва, К-104, а/я 26; телефонный (с 21 до 23 ч.): (095) 176-8087, присутственный (с 10 до 18 ч.): Москва, ул. Перовская, 47а, 2 подъезд, 2 этаж; факсимильный (круглосуточно): (095) 263-0389, for. Iv. LOGUINOV.

Адрес постоянной выставки-продажи: Москва, книжный магазин № 15 (м. Авиамоторная).

Service de Connaissance "Bobok"

Вам надоел вид из Вашего окна, выходящего на заднюю стену котельной?

Вам уже неинтересно, в поисках экзотических впечатлений, в шестой раз осматривать заколоченную церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи?

Вам не нравится язык, на котором окружающие изъясняются в очередях и общественном транспорте?

Вы в достаточной степени толковы (красивы), чтобы обеспечить себе приличную (роскошную) жизнь не тем способом, к которому вы вынуждены прибегать сейчас?

Стоит лишь написать нам, и мы Вам устроим вид на выбранный Вами пейзаж; организуем экскурсию в Храм Зуба Будды; посодействуем в получении приглашения туда, где все изъясняются на том языке, который Вы предпочитаете; найдем возможность занять Вас тем, чем Вам заниматься приятней.

Не забудьте сообщить о себе: имя, фамилию, возраст, рост, вес и пр.; образование, профессии, знание иностранных языков, круг интересов, чем занимаетесь сейчас, чем хотите заняться, адрес, телефон.

Настоятельно рекомендуем приложить фотографию в самом выигрышном Вашем виде.

Деньги в конверт вкладывать не нужно.

Наш адрес: 103104, Москва, К-104, а/я 26, SCB.

Сдано в набор 25.01.92 Подписано в печать 24.02.92
ЛР № 070057 от 26.07.91 г.
Формат 84×108 1/32 Бумага тип. № 1 Печать высокая.
Усл. печ. л. 10,9 Уч.-изд. л. 8,3
Тираж 50.000 экз. Заказ 394 Цена договорная

Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ
140010, Люберцы 10, Октябрьский пр., 403

18-